

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

11/2020

Содержание

ПРОЗА

- Владимир ЧОЛОКЯН. Железный повод.** Роман. *Продолжение.* 3
Наталья КОРОТКОВА. «Прощание славянки». Рассказы. 77
Любовь НОВГОРОДЦЕВА. Жизнь и ее винтики. Рассказ. 97

ПОЭЗИЯ

- Анна ПАВЛОВСКАЯ. Бутлегер дождя.** Стихи. 73
Елена БЕЗРУКОВА. Синее стеклышко. Стихи. 93
Сергей ДОНБАЙ. «Время на мне поменялось...» Стихи. 113

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Евгений НОСОВ. Из записных книжек 1970—1980-х годов.** 116
Евгений НОСОВ. Собачий наперсток. Рассказы. 120

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Военное детство.** Воспоминания новосибирских жительниц. 138
Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет
**Николай БАЛАЦКИЙ. Орнитологические коллекции
в фондах Музея природы Новосибирского государственного
краеведческого музея.** 156

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Елена ПАПКОВА. Восторженный поэт Сибири.** 163
Тамара БУСАРГИНА. Неистовый огонь слова.
Размышление о протопопе Аввакуме. 179

Дискуссия

- Алексей ШЕПЕЛЁВ. Манифест стереокритики.** 182

КОРОТКО О КНИГАХ

- Издано в Тюмени.** 186
Картинная галерея «Сибирских огней»
Елена БОГДАНОВА. Мирная жизнь на «Красном проспекте». 188
Авторы номера 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Владимир ЧОЛОКЯН

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОВОД

Р о м а н *

Глава 13

Было очень темно. Город затерялся позади, а деревни с поселками быстро проносились мимо, едва блеснув фонарями. Ночь выдалась мрачной. Можно разве что разглядеть тучи: они выдавали себя легким серым градиентом.

Поезд, начавший свое движение вполне резво, довольно скоро прыть утратил и плелся неторопливо, мерно стуча колесами. Пару раз рядом проносился другой состав, разрезая тьму дальнобойным прожектором. Иван ходил вперед-назад по вагону, согреваясь. Особенно страдали руки — без перчаток они мерзли от любого прикосновения к металлу, а кроме металла вокруг ничего и не было. Он грел их о термос, не вынимая его из рюкзака. Под крышечкой проступал чай, горячие капли приятно щипали пальцы, слипаясь с грязью. Постепенно небо очистилось и стали проглядывать контуры окружающего мира.

Поезд остановился посреди какой-то совершенно глухой лесной чащи. Иван высунулся за борт и стал всматриваться в деревья, удивляясь их близости. Сразу за насыпью начиналась стена из хаотично расставленных стволов, надежно скрывавших содержимое леса. Казалось, что оттуда доносятся шорохи сухой травы, скрипы голых ветвей, поблескивают налитые голодной злобой глаза, красные, как габаритные огни грузовиков. Еще мгновение — и явит свету свою грязную спутанную гриву кабан или волк. Иван же за железной броней чувствовал себя защищенным, будто он ребенком выглядывал из-под одеяла и пялился в темный угол за сервантом, давая волю разыгравшемуся воображению.

Начало светать, и именно тогда стали попадаться населенные пункты. Фонари на полустанках бестолково горели, хотя уже и без них все

---

* Продолжение. Начало см. «Сибирские огни», 2020, № 10.

стало видно. Попытки уснуть оказывались безуспешными — холодный трюм бормотал низким тоном, вагон шарахался по сторонам, удерживаемый лишь железнодорожной колеей. Это менее всего походило на убаюкивающую раскачку плацкарта. Оставалось только ходить, и Иван ходил, иногда нелепо подпрыгивая, чтобы размять икры и не задубеть на ветру. Опытным путем было выяснено, что длина вагона составляла семнадцать коротких шагов, какими обычно двигается человек, и тринадцать размашистых, метровых. Состав нырнул под сдвоенный мост, за которым тянулась проложенная вдоль железной дороги автострада. Над головой появились связки проводов, столбы. Иван решил, что наконец-то приближался город, но вскоре пейзаж вернулся к своему типичному виду, и ничего, кроме полей с лесами, не виднелось. Телефон показывал полтретьего и красный крестик на пиктограмме сотовой связи.

К трем часам поезд остановился. Иван приметил вдалеке здание вокзала и решил больше не мерзнуть, а сходить на разведку и немного развеяться. По дороге ему не встретилось ни единой живой души, и в целом все существовало как-то тихо. Станция выглядела заброшенной, только треск изоляторов контактной сети да красные сигналы семафоров демонстрировали обратное. Вокзал был одноэтажным, сравнительно небольшим, с редкими остатками декоративных элементов на фасаде. Над массивной деревянной дверью было вылеплено подобие арки, а еще выше красовалась бело-синяя стандартная табличка: «Кучары». Внутри находился зал ожидания с рядами сетчатых пластиковых сидений, окно кассы с опущенными жалюзи, а в самом углу было оборудовано что-то вроде поста охраны. Подойдя ближе, Иван увидел спящего на стуле дежурного, позади которого работал маленький переносной телевизор, и решил постучать по стеклу.

— Извините...

Никакой реакции не последовало. На второй, более интенсивный стук дежурный поднял голову и отрешенно посмотрел.

— Здравствуйте, — поприветствовал его Иван.

— Чего?

— Не подскажете, нет ли здесь гостиницы?

Дежурный раскрыл глаза от удивления.

— Чё?

— Говорю, гостиницы у вас тут нету? — повторил Иван громче.

— У меня ничего нет.

— А поблизости где-нибудь есть?

— Нет, конечно, — отчеканил дежурный и затем добавил: — Ты откуда взялся?

— Жаль...

Иван отошел подальше и повалился на сиденье. Было оно жесткое, с сильно вогнутой спинкой, как ортопедическое кресло. У дежурного не родилось ни малейшего желания выгонять случайного гостя, он даже не удосужился встать со стула. Усталость дала о себе знать: глаза закрывались,

ноги равномерно гудели. Достав термос, Иван наконец смог комфортно налить себе подстывший, но все еще чай. Хотя руки не слушались, он умудрился почти не пролить ничего на пол и лишь чуть намочил рукав. Расслабившись, Иван улегся на сиденьях, заняв целый ряд: под головой разместились рюкзак, ботинки свисали в проход. Железные края впивались в позвоночник, отчего найти удобную позу не получалось. Единственная работавшая пара люминесцентных ламп на потолке больше гудела, чем светила, изредка моргая. Однако в помещении оказалось все-таки довольно комфортно, и Иван быстро заснул. Ничего ему не снилось. Была это скорее болезненная полудремота, такое странное состояние, когда вроде бы спишь, а вроде и не совсем.

Когда рядом зашумели, Иван не сразу это уловил. Постепенно приходя в себя, он принял вертикальное положение и обернулся — внутри зала ожидания было несколько человек. Они что-то спокойно обсуждали, но голоса становились эхом раньше, чем мозг успевал их обработать. Ноги затекли, бока и спину ломило, в голове мешалась густая безвкусная каша. Иван вышел на улицу.

Было шесть утра. Чистое небо обещало ясную солнечную погоду, ветер никак не рещался смести пачку сухарей с лавочки, пустые дороги словно и не хотели никого по себе возить. Телефон поймал сеть и забренчал, получая уведомления о пропущенных вызовах жены и два СМС-сообщения: «Ты где», «Ответь». На крохотной заасфальтированной площадке, выполняющей роль парковки, стояла тонированная «десятка», подгнившая по всем фронтам «семерка» и старый «фольксваген-пассат», универсал с неуклюже задранной кормой, приспособленной для перевозки чего-то явно тяжелее сумок с вещами. В последнем сидел плотный лысоватый мужчина с легким налетом щетины и через приоткрытое окно выпускал дым под еле слышимый аккомпанемент радио. Иван редко пользовался услугами такси и еще реже ловил их «живьем», но в этом ведь не было ничего сложного.

- Сколько будет до центра доехать?
- До какого? — переспросил водитель, выдыхая дым в лицо Ивану.
- Их много?
- Смотря что имеешь в виду.
- Куда-нибудь в цивилизацию.
- Это тебе на поезд, — ухмыльнулся водитель и выкинул окурок.
- Сто рублей.
- Отлично!

Иван пошел к передней двери, но ему тут же сообщили:

- Вообще-то я пассажиров жду. Поэтому с ними договорись сначала.
- Сейчас?
- Ну, как выйдут.

Встав рядом, Иван сонным взглядом окинул другую сторону вокзала и территорию вокруг. Пластиковые окна не очень вписывались в винтажный облик постройки, как и частичная отделка стен пластиковыми же

панелями, — то ли это было началом большой реконструкции, то ли так задумывалось. Во всяком случае, выглядело как-то несерьезно. Напротив, через дорогу, практически сразу начинались жилые дома, одноэтажные избы разной степени сохранности и ухоженности. Рядом с парковкой росло большое дерево с толстым стволом, вроде дуба, и его массивная ветка едва не чесала машины по крышам. Спустя минуты две водитель посигналил Ивану.

— Садись, не стесняйся.

Иван открыл дверь и разместился на переднем сиденье. На панели россыпью гнездились самые разные штуковины: в выдернутом дефлекторе торчала пепельница из алюминиевой банки, каждая свободная полость доверху была забита пустыми сигаретными пачками и полиэтиленовыми пакетами. Приклеенные к пластику намертво иконки выгорели и опознавались смутно, а четки на зеркале заднего вида гроздьё свисали в компании плюшевой игровой кости и давно выветрившихся елочек-освежителей. Свежесть бы тут пригодилась — в салоне стоял тяжелый запах табака, пыли и прелых тряпок.

Через некоторое время на станцию прибыл поезд, и она подала признаки жизни: из вокзала стали выходить люди с сумками, кто-то угрюмо вез чемодан по остаткам асфальта. Три женщины двигались по направлению к «пассату». Две из них были в возрасте, полные, с заплывшими и оттого схожими лицами, облаченные в серые куртки и юбки. Третья была помоложе, на вид лет сорока, сильно тоньше, одетая в пальто до колен и вязаную шапку. Водитель открыл багажник и стал утрамбовывать баулы. Иван выглянул из окна.

— Можно я с вами доеду?

— А тебе куда? — спросила одна из полных.

— Куда-нибудь, где есть магазины. В центр. Есть тут такое? — спросил Иван.

— Тут всякое есть. Нам-то что, у шофера спрашивай, — добавила вторая полная.

— Да я из приличия сказал ему поинтересоваться у вас, — произнес водитель, — мне ли от денег отказываться.

Женщины с трудом забрались в салон. Ту, что помоложе, посадили в середине и зажали с двух сторон для правильной развесовки. Машина неохотно завелась и резко, с пробуксовкой, тронулась. Ехали не быстро. Разогнаться не позволяла дорога: приходилось лавировать от края к краю, оттормаживаться перед ямами и вброд пересекать лужи. Висящие побрякушки явно ограничивали водителю обзор, но Иван предположил, что тот наизусть знал эти места и мог бы ездить на ощупь.

Вид из окна мало походил на городской: одноэтажные частные дома перемежались двухэтажными бараками и огромными пустырями. Тротуаров никаких не было, и редкие пешеходы шагали прямо по проезжей, так сказать, части. Женщины продолжили обсуждать начатое на вокзале.

— В общем, за такие деньги работа не самая лучшая, — подытожила та, что помоложе.

— Ты бы столько здесь все равно не получала. А там и Вовке веселее.

— Да чего ему, сидит в компьютер играет. Здесь хоть у него друзья были...

— Найдет, не волнуйся. Он еще маленький.

— Ага, маленький. Не три года.

— Может, и ты нормального мужика встретишь. Всяко не местные упыри.

Женщина помоложе набрала воздух, чтобы сказать что-то уверенным тоном, но в итоге не получилось, и фраза просвистела жалобно.

— Я там с утра до ночи пробирки мою да уколы делаю. Одни старики вокруг. Нормальные в хирургическом, но я туда никаким боком.

— Сейчас отдохнешь, сил наберешься, и все будет...

— Эй, парень! А ты откуда приехал?

В зеркало заднего вида Иван видел одну полную женщину, сидящую слева, и плечо той, что помоложе. Вопрос же прилетел откуда-то из-за спины, хотя это и не имело никакого значения.

— Из города.

— Светлова? Так оттуда поезд вот только пришел, — заметила одна из полных женщин.

— Ну, да.

— Так мы подошли, ты уже в машине сидел.

Иван не нашел, что ответить. Водитель покосился на него с такой ухмылкой, будто они оба знали какую-то тайну и это делало их сообщниками.

— У тебя тут живет кто? — не унималась женщина. — Может, мы знаем, к кому едешь. Народу тут немного...

— Нет.

— Турист?

— Вроде того, — пробубнил под нос Иван.

— Да уж... Не знаю, чего тут и смотреть...

— Сколько живу — ни разу сюда просто так не ездили, — сообщила вторая.

— Да бросьте. Приехал, и ладно, — заступилась та, что помоложе.

Машина шелестела вдоль серого бетонного забора, который никто даже баллончиком не удосужился расписать, с плохо натянутой колючей проволокой, свисавшей, как виноградная лоза. Завернув за угол, остановились возле небольшого магазина со скромной надписью: «Продукты». Иван протянул сторублевую купюру и вышел. «Пассат» укатил дальше, скрывшись в рядах одинаковых дворов.

На центр это походило меньше всего: главной достопримечательностью являлось, видимо, административное здание какого-то предприятия, с высокими, в пол, окнами. Рядом был разбит небольшой сквер, изрядно запущенный. Только свежавыкрашенный серебрянкой бюст Ленина на

беленом постаменте указывал на то, что это особенное, праздничное место. К воротам проходной медленно прикатили два автобуса, и, пока их впускали, Иван пытался разглядеть за плотными шторками пассажиров, но поймал лишь пару квадратных недовольных физиономий.

Магазин располагался в довольно обширном помещении, непосредственно прилавками заставлен был лишь небольшой его угол. Продавщица, завидев Ивана, отложила газету и спросила:

— Чего хотите, молодой человек?

Была она пенсионного возраста, но сухость тела придавала ей довольно бодрый вид.

— Не знаю. Пока смотрю.

Иван медленно разглядывал разноцветные упаковки с кашами, солью, лапшой и удивлялся: тут можно было купить все необходимое сразу, не бегая из отдела в отдел. Помимо еды, в магазине имелись холодильники с алкоголем, газетная тумба и небольшой шкаф с игрушками. Отдельный стеллаж занимала бытовая химия: порошки, пасты, удобрения для огорода.

— Поесть чего?

— Да, было бы неплохо.

Иван встал около подносов со свежей выпечкой и пытался вдохнуть ее аромат, но тот растворялся среди многообразия химических запахов. В отполированной витрине он наткнулся на свое отражение и только сейчас понял, что выглядит как бомж: помятый и чумазый.

— Можно два пирожка с картошкой и самсу?

— Погреть?

— Да.

Женщина засунула перечисленное в пакет и хлопнула дверью микроволновки. В ожидании щелчка она разглядывала Ивана, он отводил глаза и шарил взглядом по продуктам.

— Ты приехавший?

— А что? — смутился Иван.

— Не видела тебя тут.

Отсчитав нужную сумму и взяв в руки горячий запотевший сверток, Иван сел на лавочку возле крыльца. В магазин стали подтягиваться покупатели, по улице зашагали прохожие, появились автомобили — в общем, поселок ожил. Выпечка оказалась довольно вкусной, вот только вместо насыщения спровоцировала чувство голода — живот неприятно урчал, хотелось пить. Иван снова зашел в магазин и, отстояв небольшую очередь, взял бутылку минералки и спросил:

— Не подскажете, где у вас тут гостиница?

В очереди послышались смешки, и какой-то мужик пошутил:

— Ты откуда, с луны?

— Нет тут гостиниц никаких, — вторила ему продавщица.

— Как так? — удивился Иван.

— Туристам у нас что смотреть?.. — добавил второй мужик. —

Оленька, мне «Столичную» запиши.

— За прошлый раз еще не расплатился, больше не дам.

— С пенсии верну, ты же знаешь.

— Вот именно, что знаю. Не задерживай очередь, — отрезала продащица.

— Женщина, не начинай!

— Я тебе не мать Тереза, Семен. Обойдешься.

Семен расстроился и отошел в сторону. Был это худой мужичок лет шестидесяти с редкими седыми волосами и глубоко посаженными потерянными глазами. Одет он был не по погоде тепло и в какое-то рванье. Постояв некоторое время в магазине, он в итоге вышел.

— Нет, братан, тебе негде селиться, даже не знаю. Только если у кого-то дома. Чего тут вообще делать? — спросил мужик из очереди.

— Да я проездом, — сообщил Иван. — Дайте еще с капустой и бутылку «Столичной».

Продащица хмыкнула.

— Ты этого колдыря не балуй.

Если бы уже наступило лето и листва раскрылась во весь свой объем, Иван не сумел бы отыскать в ней Семена. Он сидел в сквере с Лениным, опрокидывая небольшую металлическую фляжку, и боязливо дернулся, услышав за спиной шаги. Иван презентовал ему бутылку, отчего тот мгновенно переменялся в лице: побагровел, виновато улыбаясь. Причитая и рассыпаясь в благодарностях, Семен достал из-за пазухи мятый пластиковый стакан и предложил Ивану.

— Я не пью.

— Так а чё ж?..

Семен так обрадовался бутылке, что Иван даже немного растерялся. Чтобы как-то закруглить разговор, он поинтересовался:

— А столовой у вас тут нет?

— Да как ж, есть. На заводе... вон.

— Но туда не пустят ведь, — разумно предположил Иван.

— Не пустят... да я там работаю... Пошли!

Довольный, что нашелся способ отблагодарить доброго человека, Семен повел Ивана на проходную. Интересная у него работа, подумал тот. Было это рядом, так что шли они меньше пяти минут. На пропускном пункте работал молодой парень, с виду ровесник Ивана.

— Куда идете?

— О, дружище. А где Палыч?

— Я за него.

По тому, как Семен ужимался, видно было, что его планы строились исключительно вокруг Палыча.

— Слушай, пропусти нас в столовую. Я тут работал, меня все знают.

— Не положено, — протокольно ответил охранник.

— Можешь позвонить директору Петряшову, он мой сосед. Хорошо меня помнит.

— Оформляйте пропуск, я здесь не уполномочен.

— Ты же... Губарев? Я отца твоего знаю, ездили с ним в Сибирь на заработки, когда ты еще под стол ходил.

Иван не мог полностью прочитать фамилию на бейджике охранника, но была та явно длиннее и начиналась с другой буквы. Он несколько стыдился своего нового знакомого и поэтому стоял от него на расстоянии, разглядывая надпись на прямоугольной доске: «Кучарская кондитерская фабрика № 2».

— Не отвлекайте меня.

— Тоже мне... деловой, — грубо заметил Семен.

В помещении проходной появился невысокий мужчина с черной кожаной сумкой на плече и бодро зашагал к турникету.

— Здравствуй, Семен.

— О, погоди. Стой, — бросился к мужчине Семен и схватил его за рукав.

— Чего тебе?

— Проведи парня в столовую.

Мужчина остановился в проходе.

— Ты откуда?

— Из Светлова, проездом, — быстро сообразил Иван.

— И зачем?

Вопрос на секунду ввел Ивана в замешательство.

— Да... поесть думал, а негде у вас.

— А на вокзале что?

— Там закрыли все, на реконструкцию, — поделился информацией Семен.

— Нашел куда приехать... — с досадой заметил мужчина. — Ну, пошли.

Он махнул охраннику.

— Под мою ответственность.

Семен остался у входа и радостно смотрел на Ивана. Тот кивнул и очутился на территории предприятия.

— Как ты с этим-то связался? — спросил мужчина.

— Бутылку ему купил.

— Зря.

Внутренний двор предприятия был огромным: стены из ржавых контейнеров занимали значительную его часть, рядом кучковались грузовые машины и отдельные прицепы, из ворот цеха вдалеке вилочный погрузчик не спеша вывез несколько деревянных коробов. Вкусным сладковатым ароматом было пропитано все вокруг. Иван полагал, что мужчина этапирует его прямо до столовой, но тот на полпути ткнул пальцем прямо и исчез за дверью с вывеской «Бухгалтерия».

Довольно просторное помещение было безлюдным: сальный свет ламп не мог нормально развеять темноту, отчего создавалось ощущение тягучей сонливости. Раздача еды проводилась стандартным для столовых образом. Иван взял поднос и пошел по конвейерной ленте. Не будучи

гастрономическим эстетом, Иван взял жиденский гороховый суп, два половника гречневой каши с котлетой и компот из сухофруктов.

Стоимость еды оказалась абсолютно смешной, как будто коммунизм уже давно наступил, правда, пока только на отдельной, очень ограниченной территории. Вокруг многое о нем напоминало: кафельная плитка, рифленый железный потолок, мозаичный барельеф во всю стену. Скатерти на столах и то были клеенчатыми, с геометрическими узорами — привет из далекого детства. На колоннах же висели фотографии продукции предприятия: разноцветные конфеты в ярких упаковках, аккуратно расфасованный зефир, шоколадная пастила. Даже в полумраке картинки казались аппетитными и притягательными, то есть отлично справлялись с функциями рекламных плакатов. Иван захотел прикупить чего-нибудь сладкого, но в столовой почему-то ничего из перечисленного не продавали.

Незаметно в зал кучей хлынули работники, одетые в синие спецовки с логотипом компании. Они активно между собой переговаривались, но в балаган это не превращалось. Только легкое бубнение, звон посуды и шаркающие по мраморному полу стулья создавали звуковой фон, но все равно было удивительно тихо. Иван явно выделялся среди всех, и ему очень не хотелось, чтобы кто-то подсел за неимением свободных столов. Оказалось же, что места было предостаточно и работники спокойно уместились. Они, кажется, не удивились постороннему человеку и даже не посмотрели на Ивана.

Иван же с интересом разглядывал их: вопреки расхожему мнению о доминировании женщин на таких производствах, было всех поровну. Телосложение некоторых мужчин, высоких, крепких, с суровыми лицами, никак не вязалось в представлении Ивана с образом кондитера — они с легкостью могли быть сварщиками, сталеварами или лесорубами.

Иван решил найти другой способ попасть к проходной и на выходе из столовой нырнул в проход между корпусами. Обратная сторона предприятия была менее интересна: здесь в ряд стояли вытянутые плоские здания с заколоченными окнами, похожие на коровники. Вокруг них лежали горы строительного и бытового мусора. У забора, поваленный набок, догнивал остов грузовика, от которого осталась лишь рама и синяя кабина с белым намордником. Чуть поодаль стояла будка, видимо, от него же, с еще читающейся надписью «Конд... ерс... я ф... ри... а № 2». Была она переоборудована в сторожку с прорезанным окном и криво выведенной гофрой-трубой, свидетельствующей о наличии там печки-буржуйки. В общем, видно было, что предприятие работало не в полную силу, часть производственных помещений просто забросили. Ивана удивляло, что даже объекты пищевой промышленности, очевидно полезные и всем нужные, могли испытывать такие же трудности, как любые другие старые заводы, ужимаясь и балансируя на грани закрытия.

— Ав, ав, р-р-р!

Из-за ржавого трактора высунула морду патлатая дворняга и бросилась к Ивану. От неожиданности он решил было побежать, но вместо

этого попятился к стене, тем самым загнав себя в ловушку. Не сказать, чтобы Иван боялся собак, но в этот раз он оказался в невыгодном положении, и животное радостно этим воспользовалось. Собака громко, хрипло лаяла, скаля желтые зубы, постепенно сокращая дистанцию осторожными, уверенными шагами. Пара метров разделяла их. В общем, обычная дворняга, привычный житель любых окраин. Видя, что пойманный ею субъект не реагирует на лай, она сбавила свой пыл и даже немного отошла в сторону.

Иван шарил глазами вокруг, но никого не было. Тут он засунул руку в карман и нащупал теплый пакет. Неизвестно, любят ли собаки печеные пирожки с капустой, но Иван очень любил, поэтому решил поделиться, кинув на землю ровно половину. Собака сначала дернулась назад, приняв пирожок за камень, но затем принялась и начала есть, не раздумывая и не отвлекаясь. Иван хотел воспользоваться этим и уйти, но почему-то не ушел, оставшись смотреть. Собака доела кусок пирожка и посмотрела на Ивана. Он хотел поделить все поровну, по-честному, но все же сжалился и отдал оставшийся кусок. Уработав и его, животное совсем подобрело и легло на землю, смахивая грязь хвостом.

Иван спокойно пошел, но собака тут же вскочила и поплелась следом. Он направлялся в сторону предполагаемого выхода, а она держалась по правому флангу и двигалась параллельно. Стоило ему остановиться, то же самое делала собака. Иван захотел почесать ей за ухом, но в целях гигиены решил воздержаться и просто неумело посвистел в качестве знака внимания. Прямо перед самой проходной сука свернула в сторону, скрывшись за горами мусора и брошенной техники. Охранник спокойно пропустил Ивана, не досматривая и не задавая вопросов.

На улице было тепло, но пасмурно. Тучи налетели и мельтешили, задумав плохое. Иван решил в третий раз посетить магазин и почувствовал себя уже почти местным. Безо всякой очереди он купил пару садовых перчаток и еще пирожков, уже остывших, логично предположив, что искать другой магазин ему не захочется. Закинув все в рюкзак, он открыл телефон и сверился с картами, поставив метку на вокзал. Сеть хорошо ловила.

Дорога до вокзала оказалась ближе, чем он предполагал. На такси они двигались в объезд частного сектора. А по грунтовкам — полчаса неспешного шага. Иван двигался мимо одинаковых в своей бледности дворов, не сильно их рассматривая. Ничего интересного там найти не удалось бы при всем желании, а вот вторые сутки без нормального сна давали знать: наступало какое-то вялое, туманное состояние. У вокзала былолюдно: стояло много машин, лавочки у входа были оккупированы. Иван не стал заходить внутрь, а обошел здание по периметру, попав сразу на перрон. Здесь стоял пассажирский поезд, возле которого суетились бабки, продающие все, что можно продать.

- Газеты, журналы!
- Пирожки, беляши, сосиски в тесте горячие.
- Сынок, купи пастилу нашу, кучарскую!

Иван шел по перрону и наблюдал за торгом: пассажиры, не желая даже вылезать из вагона, требовали скидки, что-то спрашивали, смеялись. Это было забавно. В дальней дороге как-то особенно сильно прорезается желание попробовать всего подряд: сладкого, кислого, закусить свежими овощами.

Иван поспешил удалиться с платформы куда-нибудь за пределы видимости вокзальных зрителей. Он пошел к ближайшему составу, локомотив которого был прицеплен с нужной стороны.

Пассажирский, прикрывавший Ивана, начал отъезжать, поэтому он торопливо запрыгнул на подножку ближайшего товарного вагона, взобрался по лестнице и перемахнул через борт. Вагон оказался почти доверху заполнен досками, так что находиться в нем можно было только лежа или сидя на корточках, но Ивану не хотелось лезть в другой. На удивление, платформа уже была пустой, все продавщицы оперативно скрылись в здании вокзала, утачив свои баулы.

Скрашивая ожидание, Иван сидел в интернете, где зачем-то узнал, что данный тип вагона называется полувагоном, и слово очень ему понравилось: точно и емко. Действительно, обычный вагон — это когда крыша над головой, большие окна с двойным остеклением, белье в пакете, пахнущее стиркой, и бесплатный кипятик, в котором можно пять раз в целях экономии заварить дешевый чайный пакетик. А тут что? Полусядя, полулежа, и ни туда ни сюда.

Поезд дернулся довольно быстро, не прошло и получаса.

Глава 14

Согласно карте, следующий населенный пункт находился в восьмидесяти километрах от поселка Кучары. Ивану же казалось, что он проехал все двести и не было тому конца. Окрестности выглядели настолько одинаковыми, что он всерьез думал, что ездит по кругу. Откуда ни возьмись возникала деревня с названием вроде «Попово», «Пролетарское», где стоял одноэтажный маленький вокзал царской постройки, разрушенный храм, лысые фундаменты хлевов. Иногда в пределах деревни находился элеватор или водонапорная башня, что придавало ее виду хоть какое-то вертикальное измерение. Еще реже железную дорогу пересекала трасса, загнанная на мост, откуда при желании вполне можно было увидеть лежащего на досках парня.

И поля. Бесконечные поля с холмами, оврагами, низкой травой, высокой травой, уходящие за горизонт или подпираемые полосой леса. Однажды по обе стороны от состава ничего, кроме полей, не было и поезд тоже будто ехал полем. Ивану тогда стало особенно не по себе, он представил, что по какой-то причине останется бродить по этим пространствам до изнеможения, пока не откинется, — и никто об этом даже не узнает. На прямых перегонах состав разогнался, вагоны трясло и кидало, Ивану вполне верилось в то, что его легко может вышвырнуть за борт, как мешок с мусором.

Однако большую часть дороги поезд или стоял на перегоне, услужливо пропуская всех, кого можно пропустить, или плелся по извилистому пути, змейкой проложенному вокруг населенных пунктов. Этот разительный контраст особенно бесил Ивана: полчаса назад он сражался с силой притяжения и законом инерции, до боли в руках сжимая железный поручень, а теперь вагоны флегматично скреблись со скоростью среднего пешехода, так что хотелось слезть и толкать их. В такие перерывы Иван садился на корточки и отряхивал спину от древесных опилок. Вообще говоря, он даже перестал прятаться, потому что, во-первых, некуда было, а во-вторых — кто его заметит? Если какой-то дед в деревне увидел бы поедающего холодные пирожки дурачка верхом на вагоне — стал бы он сообщать об этом? И знает ли, куда следует сообщать?

Снова сумерки. Неприятный момент между отключением солнечного света и включением света электрического, который так не любят водители, на железной дороге особо не заметен — прожекторы врубают задолго до заката, так что к моменту наступления темноты придорожная территория сияет, как днем. Конечно, это на станции, а не черт знает где. Иван окончательно выбился из сил и лишь иногда нехотя высовывал голову за борт, чтобы оценить обстановку. Он уже научился считывать скорость движения на слух, по интервалу между стуком первой колесной пары и второй.

Очередная деревня, на этот раз несколько больше. Ряды одноэтажных изб разбавлялись коттеджами, за которыми следовал целый район из барakov. Иван сосредоточился, пытаясь разглядеть важные детали. Вскоре они сами себя проявили: трехэтажные хрущевки, автомобильная эстакада, деревянные пешеходные помосты. Наконец-то город! Поезд катил уже мимо других грузовых составов, тупиковых путей, где гнили ржавые электрички, и длинного кирпичного забора депо. Теперь Ивана заметить не составляло никакого труда, но это было неважно: он приехал.

Показалось здание вокзала: тоже одноэтажное, но довольно большое, рядом толпился народ. Иван приготовился. Постепенно вокзал стал уплывать из виду и скрылся за огромной водонапорной башней. Что-то пошло не так, видимо, состав пропустили насквозь. Иван стал перебираться через борт, неуклюже нащупывая подножку лестницы ватными ногами. Соседние пути были плотно заставлены вагонами. Поезд плелся, но Ивану казалось, что это обман чувств и нужно быть осторожнее.

Он стал прикидывать, куда лучше прыгнуть, и, пропустив пару столбов, выбрал плоский участок рядом со шкафом трансформатора. Лишняя секунда на раздумье — и Иван соскочил с подножки, чувствуя плотный грунт под собой. Он начал быстро двигать ногами, пытаясь выдержать сообщенную телу скорость. Много часов пребывавшие в бездействии конечности не могли оперативно функционировать. Впереди замаячил шкаф трансформатора. Верхняя часть туловища как-то резко потяжелела, Иван принял горизонтальное положение, продолжив какое-то время пахать животом землю, пока не уперся головой в металлическую дверцу. Больно

не было — было обидно за собственную непластичность и слабость физической подготовки. Ничего, главное, что цел.

Выбираться с путей сразу на перрон Иван не рискнул и обошел станцию сбоку, нырнув меж служебных построек. Уже совсем смерклось, и он случайно споткнулся о кучу деревянных шпал, отломав от одной трухлявый кусок. Они валялись тут так давно, что успели врасти в землю, став естественной частью природного ландшафта, которой когда-то и были изначально. Даже в темноте Иван ощутил присутствие рядом чего-то очень массивного, давящего своими формами. Он поднял голову и увидел водонапорную башню: она возвышалась на добрые тридцать метров. Обнесенная забором, она притягивала взгляд. Широкая, из красного кирпича, со сложными витиеватыми узорами на боках, башня была очевидно старой. Прожекторы станции подсвечивали ее, как экспонат музея. Вместе с вокзалом они создавали приятную композицию.

И если эта композиция была музыкой хриплой, записанной на старой пластинке, но все же классической, то внутренняя часть вокзала была непритязательным поп-шансоном: засаленные стены, грязные, пятнами утыканые потолки, куча маленьких ларьков, стоявших в самых неудобных местах — возле входа и кассы. Людей внутри было относительно много, что неудивительно, ведь на перрон приволокли хвост пассажирского поезда позабытого уже темно-зеленого цвета. Рекламными баннерами был завешан каждый свободный клочок, отчего полезная информация терялась в пестроте визуального мусора. Теперь хотя бы существовала вероятность найти, где переночевать, — сил терпеть уже не было. Но для начала придется снять, соскрести остаток грошей с банковского счета — имевшихся наличных не хватит и на hostel.

В стороне от ларьков, под большой картиной с изображением какой-то городской панорамы прямой линией были выстроены банкоматы. Три штуки. На одном висела приклеенная скотчем картонка с надписью: «Не работает», второй вполне работал, но непонятно для кого, а очередь, человек семь, стояла к последнему, куда и пристроился Иван. Казалось, что люди разом снимали все доступные деньги, даже сверх дозволенной меры. Словно кто-то шепнул по секрету, что у конкретного банкомата имеется сбой и он щедро одаривает налево-направо всех, познавших тайну. Как еще объяснить, что в очереди стояло теперь около дюжины человек?

Когда какой-то мужик два раза не смог ввести свой пин-код и следом стоящий начал дыкать и охать, Иван не выдержал и пошел к соседнему, пустому банкомату. Быстро набрав нужные цифры, Иван снял сумму из списка предложенных, небрежно сунул купюры в карман и зашагал к выходу, желая поскорее оказаться на улице, а лучше — в гостинице.

Намереваясь открыть карту и сориентировать себя в пространстве, он достал телефон — и увидел активный звонок от жены, которая что-то неразборчиво бормотала. Видимо, случайно нажалось. Растерявшись, Иван, не прикладывая трубку к уху, сказал:

— У меня все хорошо, больше не звони.

И сбросил вызов. Непонятно, услышала она или нет, но перезванивать не стала. Для надежности Иван решил теперь выключать телефон, чтобы снова случайно кому-нибудь не ответить. Судя по навигатору, прямо через дорогу от вокзала была гостиница.

Квадратное здание, обшитое синим сайдингом, носило гордое имя «ОТЭЛЬ». Несмотря на то что построено оно было сравнительно недавно (раньше такое не строили), крыльцо из кафельных плиток уже успело расползтись, входная дверь по углам была вся запенена. Столик администратора находился рядом с лестницей и, собственно, действительно являлся столиком, маленьким, письменным, какие к первому сентября покупают младшим школьникам. Для приличия фронтальная его сторона была завешена темной тканью, не до самого пола, но все же частично скрывая испещренные синими струйками вен ноги немолодой женщины, за ним сидевшей. Завидев Ивана, она оживилась, но не сильно — лишь убавила звук телевизора, откуда, как обычно, натужно смеялись.

— Здравствуйте, можно комнату снять?

— Да, на сколько дней? — нехотя спросила женщина.

— На ночь.

Женщина странно оглядела Ивана.

— Остались только ВИП-номера на третьем этаже.

— ВИП? — переспросил Иван.

— Дорогие то есть, — уточнила женщина и поправила свои короткие, едва достигавшие шеи белые волосы, сквозь которые просматривались черные корни.

— Я понимаю. Сколько?

— Три тысячи сутки.

Иван опешил. Отдавать столько в данный момент он не собирался даже с учетом усталости.

— А дешевле нет?

— Я же говорю, остались только такие.

— На эти деньги люди месяц живут, а вы за ночь.

Непроизвольно фыркнув от удивления, женщина заявила:

— Ну и живите.

— Давайте на два дня хотя бы, — предложил Иван.

— Мы что, на базаре?

На пару секунд Иван подвис, думая, что ответить, но не придумал, а поступил, как обычно в таких случаях поступают.

— Ясно, спасибо.

Он развернулся к выходу и уже открыл дверь, когда за спиной слышался голос.

— Молодой человек!

Иван обернулся и увидел, как из подсобки вышел пожилой мужчина лет этак за шестьдесят, в белой рубашке поверх пивного пуза и классических широких брюках со стрелками. Он подал кивком загадочный знак администраторше, а затем продолжил:

- Думаю, мы сможем с вами договориться. Вы к нам надолго?
  - На ночь, — повторил Иван.
  - Что же, у нас, действительно, остались только дорогие комнаты.
  - Мне сказали.
  - Если решите погостить на пару дней дольше, то выйдет это куда дешевле. Как вам?
  - Может, я тут проездом? Смысл мне тут гостить? Или я на туриста похож?
- Мужчина бегло осмотрел Ивана и любезно сказал:
- Строго говоря, похожи.
  - Сколько? — Ивану не хотелось ходить вокруг да около, и такой подход его утомлял.
  - Скажем, пять тысяч за три дня.
  - Четыре за два, — парировал Иван.
  - Вы издалека приехали?
  - Достаточно.
  - Из Москвы? — предположил мужчина. Его широкое лысое лицо с большим носом как-то ехидно искривилось.
  - Из поселка Кучары.
  - Ах да, слышал, слышал. Ну тогда четыре с половиной.
  - Четыре, и больше не будем торговаться, я с дороги несколько... утомился.

— Отлично. Значит, четыре триста за три дня? Аллочка, оформи.

Ивану не хотелось больше продолжать разговор, поэтому он согласился на предложенные условия, хотя и понимал, что нет никакого резона торчать тут три дня. В компьютер переписали ФИО из паспорта и выдали ключ с цифрой «15» на картонной бирке. Иван уже поднимался по лестнице, когда мужчина как бы невзначай поинтересовался:

- Кучары — это ведь родина поэта известного? Этого, ну...
- Нет, там делают шоколадную пастилу и зефир.

На третий этаж вела узенькая и очень крутая лестница, на которой с трудом разминутся два человека. Да и в целом с точки зрения расположения комнат гостиница была странная: все как-то нагромождено и темно, как в бункере. Вот только с таким качеством строительства этот бункер не то что не выдержит снаряда, а развалится на мелкие крошки от вибраций танка по мостовой. Чудо, что поезда его еще не добились.

Открыв комнату, Иван кинул на стул рюкзак и восторженно посмотрел на кровать. Спать тянуло нещадно, но еще сильнее хотелось принять душ, размещенный в маленьком угловом помещении вместе с раковиной и санузлом. В зеркале Иван увидел, почему на него так странно косились: подбородок был ободран до крови. Из раны не текла кровь, только бурым окрасилась вся кожа вокруг.

Освободившись от одежды, Иван с огромным удовольствием забрался в душевую кабину и был вдвойне рад, когда из рассеивателя потекла горячая вода. После душа усталость немного отступила, но было это

ненадолго, до момента касания головой мягкой пыльной подушки. Дверь Иван не закрыл, мысль об этом надолго не задержалась в сознании и куда-то улизнула. Да что можно было у него украсть?..

Глава 15

Ночью снова позвонили, ведь телефон отключить Иван забыл. На связи была уже не жена, а мать: ей он ответить тоже не решился. Чтобы не слышать этого взволнованного, не понимающего голоса, не пытаться, запинаясь, оправдываться. Но для успокоения снизошел все же до текстового сообщения, зная, что навыками чтения СМС она овладела, а вот отправки — еще не совсем. Теперь уж наверняка обезвредив телефон, Иван попытался заснуть, но, потревоженный мыслями, уже не смог, так и провалявшись в полудреме до первых признаков рассвета.

Справедливо рассудив, что деньги уплачены и нужно брать от жизни все и еще с горкой, он снова залез в душ и простоял там с полчаса. Напор был нестабильным, рукоятки смесителя не слушались — стоило чуть тронуть горячий вентиль, как начинал хлестать нестерпимый кипяток. Вполне возможно, что душ барахлил и вчера, просто с дороги это не казалось проблемой.

Разложив телефон, документы и кошелек по карманам, Иван вышел из комнаты, заперев дверь. Первый этаж оказался пустым, только на столе администраторши Алочки лежала скомканная упаковка от шоколадки. Любой человек мог спокойно войти и подняться куда угодно.

Город тоже был сонным и пустым. Не сверяясь с картой, Иван зашагал в произвольном направлении, медленно отдаляясь от вокзала. Тесные грязные улицы вели его вдоль надоевших уже частных домов, еще закрытых автомоек, ангаров, складов и глухих бетонных заборов, что формировали маршрут, как стены лабиринта. Немногочисленные газоны были вспаханы протекторами до вязкого месива, и месиво это, стекая на дорогу, тянулось на десятки метров. Впереди показался мостик через реку, с которого мог бы открыться хороший вид на окрестности, но не открылся. Да и речкой этот заросший кустами ручей можно было назвать лишь по большой любви. О том, что это водоем, свидетельствовала разве что тонкая полоска воды посередине, все остальное же было скрыто под покрывалом тины. Видневшийся вдалеке край золотящегося на утреннем солнце купола вселял надежду: где церковь, там и центр.

Через километр возникли старые, дореволюционные дома — двухэтажные, с лепниной на стенах, они составляли основу всей улицы. Въезд автомобилям сюда был перекрыт огромными бетонными блоками, так что брусчатка под ногами кое-где сохранилась.

Нужно обладать недурной фантазией, чтобы выскоблить из лап агрессивной рекламы и сомнительных улучшений исходные образы зданий: убрать широченные пластиковые окна, торчащие билборды и сыпью выступающие коробки кондиционеров. Тогда, если повезет, взору нерав-

нодушного пешехода откроется искренний в своей скромности и неприязательном благолепии пласт старого, купеческого мира. Иван был не из тех, кто разбирался в архитектурных изысках, но даже ему казалось чудным это несоответствие: любой альбом с фотографиями красивых городов всегда состоял из изображений исторических районов, при этом вокруг только и делали, что подобные места сносили.

Скорее всего, здесь произойдет то же самое. Угрюмые склады и бетонные квадраты подпирали пешеходную улицу вплотную.

Ни один магазин еще не открылся, редкие пешеходы появлялись где-то далеко и быстро исчезали, как блики. Только дворник возле ювелирного бутика старательно сгребал пыльные кучи к соседнему крыльцу с надписью «Евромода».

Церковь стояла на холме, причем его высота словно менялась по мере приближения. Издалека он виделся высоким, труднодоступным, но незаметно покатаая дорога привела к скверу, окружавшему храм. Забравшись на холм, Иван понял, что прошагал фактически весь город: за холмом опять начинались избы, грязные грунтовки, клонированные бараки и пустые поля.

Иван решил подойти к церкви ближе, так как это было единственное заведение, открывающееся в столь ранний час. У входа начинали скапливаться прихожане. В кои-то веки никто не заставлял Ивана туда заходить, и поэтому он важно прошагал мимо, смакуя чувство свободы.

За все те месяцы, что теща водила их с женой на службу, он так и не нашел для себя однозначного ответа на основополагающий вопрос: а есть ли, собственно, смысл ходить в церковь? Его мнения, в общем-то, никто не спрашивал, бывал он там подневольно. Зал всегда был полон, не битком, как на концертах эстрадных звезд, но достаточно, чтобы создавать эффект какого-то единения с окружающими. Вряд ли всех туда загоняли авторитарные тещи, а значит, причины посещения двухчасового действия на малопонятном языке у каждого находились свои. Для себя Иван решил все очень просто: два с лишним часа жизни можно потратить рациональнее даже такому бесполезному и бесперспективному олуху, как он, поэтому, будь его воля, церковь обходилась бы без его присутствия и вряд ли бы особо страдала.

Две бабки из прихожан о чем-то тихо говорили, остальные же просто ждали отворения дверей. Дед, стоявший несколько в стороне, держал на руках небольшую икону в стеклянной оправе. Рядом с ним валялась серая дорожная сумка из плотной ткани, вся пыльная и немного грязная снизу. Иногда он открывал рот и странно пожевывал губы, хотя ни единого звука оттуда не доносилось. Иван недолго на него смотрел, но их взгляды умудрились пересечься, и дед заинтересованно подошел ближе, делая маленькие, осторожные шагки.

— Господь с вами, сынок. Хорошо, что вы наконец решили, — начал он внезапно и сразу вызвал нежелание продолжать разговор. Его тон был спокойным и немного заискивающим. Так порой говорят соседи — перед тем как спросить пятьдесят рублей.

— На что? — спросил Иван.

— Я видел вас, вы тут не первый раз возле прохаживаетесь.

Иван удивился.

— Вряд ли, я только что пришел.

— Это хорошо, что вы пришли. Не стесняйтесь, заходите, как пустят. А то у стен что караулить.

— Вы не поняли...

— Все мы тут что-то не поняли. Для этого сюда и ходим, чтобы нам объяснили, подали знак... Вы крещеный?

— Да, — неуверенно сказал Иван.

— Славно. А чего же боитесь зайти?

— С чего вы взяли? Не боюсь.

Бабки у входа притихли и внимательно наблюдали за Иваном. Их заинтересованность явно свидетельствовала о желании вклиниться в разговор. Понимая, чем это может закончиться, он попытался съехать с темы и ретироваться, но все же не удержался от вопроса:

— Почему тогда внутрь не пускают?

— Не время. Идет подготовка к службе.

— Погода вон какая, чего бы не постоять, — сказала бабка, подлетев к Ивану и деду. Вторая подходить не решилась.

— А если зима? — поинтересовался Иван.

— Так и зимой тоже, чего такого.

— Мы, старики, тут стоим, а ты не можешь? — перешла в наступление ее подруга.

— Разве это уважительно? Заставляют пожилых людей у дверей толпиться...

— Ишь чего! Не хочешь — не стой.

Видно было, что дед тоже хотел что-то эдакое высказать, но Иван был ему нужен для другого.

— Надо вам быть ближе к Господу. Вот, — дед протянул икону в деревянной рамке, — держите.

— Зачем? — спросил Иван, машинально приняв икону.

— Чтобы было меньше вопросов.

— Спасибо, мне не нужно...

Иван попытался вернуть презент, но дед уже сделал шаг назад к сумке и расстегнул на ней молнию. Внутри лежала целая стопка икон, перевязанная резинкой.

— У меня нет с собой денег, — придумал на ходу оправдание Иван.

— Не надо ничего. Это мой вам подарок. Иверская икона Божьей Матери. Я сам их пишу.

До этого неприметная женщина помоложе вдруг повернулась и грозно сказала:

— А вы кто, чтобы иконами заниматься?

— Любой человек, если чувствует в себе силы и благословение, может этим заниматься. Если чтит каноны.

— Что-то я о таком никогда не слышала, — фыркнула недовольно женщина. После этого тему по цепочке подхватило еще несколько человек.

— Такая икона, не намоленная, ничем от картинки не отличается.

— Недостаточно взять и нарисовать.

— Да вы чего набросились, он тут всегда бывает.

— А ты с батюшкой советовался?

Дед, оправдываясь, ответил всем разом:

— Они все освященные.

Тут наконец двери церкви открылись и люди стали заходить в широкий проем, стараясь друг другу не мешать. Только бабки оперативно ускакали вперед, как будто у них в тайном своде правил написано всегда и везде создавать толкучку. Ивану стало жалко деда, на которого как-то незаслуженно наехали, и он согласился забрать икону:

— Спасибо.

— Не надо благодарности.

Дед улыбнулся, повесил на плечо сумку и поплелся внутрь.

Иван двинулся было обратно, но, проходя мимо лавки, не удержался и решил чуть-чуть посидеть. Находилась она на краю сквера, и вид на городок оттуда выходил прекрасный: небесное светило уже активно поливало окрестности теплом, легкая утренняя дымка развеялась и видно было все до горизонта. За поднятым перед глазами большим пальцем мог скрыться целый квартал частных домов, такими незначительными и игрушечными они отсюда казались. Деревья активно зеленели, и через недельку тут, кроме непроглядных кустов, ничего не увидишь. Погода обещала быть летней: редкие облака находились друг от друга на почтенном расстоянии и угрозы не представляли.

Слабость постепенно заполняла тело Ивана. Так случалось всегда в хорошую летнюю погоду, когда жизнь вокруг, слишком яркая и прекрасная, чтобы разбазаривать ее на бессмысленные занятия, начинала сочиться через край. Что может быть хуже трудовой повинности в жаркий солнечный день, когда за окном проходят лучшие недели года, а в пределах отведенного тебе работодателем закутка ничего совсем не меняется: те же лица, те же бессмысленные, доведенные до автоматизма действия, глупые фразы и обман?

Иван не считал, конечно, что обманывал людей: по всем формальным признакам — он действовал законно, но осадок от совершения чего-то гадкого, нечестного по самой своей сути определенно оседал где-то на подкорке. Оформление ненужных гарантийных бумаг, уговоры на покупку автомобиля в дорогих комплектациях, продажа всевозможных аксессуаров по завышенным втрое ценам, обязательная антикоррозийная обработка... Без всего этого легко можно обойтись, но автосалон, по сути, мало зарабатывал на реализации непосредственно автомобилей и поэтому рвался наверстать упущенное всеми доступными средствами.

Чем дольше Иван сидел на лавке, тем сильнее одолевали его сомнения. Он вышел в город, чтобы отдохнуть, но оказался в сложном поло-

жени: любое бездействие непременно порождало в голове мысли и были они не самые приятные.

Сидя в вагоне, даже много часов подряд, он все равно не чувствовал себя настолько расслабленно и комфортно, чтобы дать им ход. Теперь же мысли хлестнули во всю силу. Иван думал не только о работе, вернее, думал, конечно, но никакого трепета это не вызывало. Пять лет она была главным элементом жизни, финансовым хребтом, на который нанизывалось разной свежести мясо повседневных дел, а стоило ему надломиться — не осталось и сожалений. Только впустую прожитые годы. Иван скорее переживал за родителей, которым ничего не рассказал о своем бегстве, и немного за жену: какой бы она ни была, основная вина лежала на теще, своим нахальным упорством разрушившей хрупкий, но жизнеспособный баланс их семейного быта. Ей и внука растить.

Иван не относился к своему гипотетическому ребенку как к чему-то одушевленному: во-первых, он еще не родился, а во-вторых, росло какое-то странное ощущение, что зачали его не в результате известного своей простотой и бесхитростностью процесса, а благодаря постоянной болтовне, ужимкам и уговорам. Этот плод зародился в сгустке фраз и интонаций, а Иван не мог претендовать на сколь-нибудь значимую в семейном дуэте роль, пускай и оказался по случаю проводником, исполнителем замысла.

Чтобы перестать думать о всякой ерунде, Иван решил себя чем-нибудь занять и стал потихоньку спускаться в город. Улицы заполнялись людьми, все шли небольшими группами или, на худой конец, вдвоем, как будто в одиночном хождении заключалось что-то неприличное. Иван держал икону двумя руками перед собой, одной не получалось, так что выглядел как головная фигура крестного хода или участник «Бессмертного полка», в роду которого были святые. Рюкзак в такие моменты был бы кстати.

Магазины начали открываться. Стоило где-то перекусить, но никаких более-менее приличных вывесок вокруг не было: сплошная одежда, бытовая химия и ремонт часов. Свернув с главной улицы в единственно возможную сторону, Иван заметил на углу название «Марсель». Это была пиццерия.

Иван зашел внутрь небольшого зала, на стенах которого висели фотографии французского города, а за стойкой витиеватым шрифтом было выведено его название. Пришлось некоторое время покружиться возле меню, пока продавец не выглянул из своей каморки, сдвинув к стене ведро со шваброй. На стандартный вопрос был получен вполне обычный ответ: два куса «Маргариты», картошку и чай. Иван не любитель ходить по фастфудам и тем более экспериментировать с едой, поэтому, однажды попробовав что-то, он это и заказывал. В здешнем ассортименте, правда, было кое-что особенное — пицца «Славянская» с грибами, огурцами и сметаной, — но все же здравый смысл советовал придерживаться классики. Выяснилось, что кухня только начала работу и заказ приготовят минут через тридцать. Иван взял стакан чая и отправился за столик у окна.

На витраже еще оставались капли влаги и следы от хаотичных разводов губкой, но это не мешало, так как смотреть было особо не на что. Третий вида закрывал стоявший снаружи у входа штендер с рекламой. Еще рядом была железная скамейка, между прутьев которой засунули сплюсненную банку колы и пакет чипсов, почему-то проигнорированные дворником. Внутри было очень тихо, так что Иван отчетливо слышал стук дверец, шуршание бумаги и металлические позвякивания из кухни. Судя по тому, что не доносилось никакой болтовни, продавец был единственным работником заведения, пиццу готовить приходилось тоже ему.

Иван положил икону на стол и внимательно разглядывал ее. Действительно, это не была распечатка из интернета, а вполне себе творчество: мазки по-разному отражали свет, были разной толщины и несколько неровными. Сам рисунок показался интересным: женщина в балахоне держит на плече ребенка. Причем, судя по комплекции ребенка и его лицу, это был скорее взрослый карлик. Он смотрел женщине в подбородок и правой рукой показывал нечто вроде знака «окей». В левой же руке у карлика было что-то вроде перевернутого шарикового дезодоранта или недоеденного мороженого. Хотя скорее всего это просто сверток бумаги, но поверить в такое было даже сложнее. Вообще рисунку недоставало детализации: видно было, что автору нравилось прорабатывать женские черты и складки на балахоне, где можно было угледеть даже тени на изгибах ткани, а мальчик оказался второстепенным персонажем. Его ноги оказались набросаны такими широкими штрихами, что было не совсем понятно, голые ли у него стопы или в лаптях.

Продавец притащил пиццу на витрину и соскоблил два положенных куска в стеклянную тарелку. Чтобы как-то разбавить тишину, он поспешил ткнуть кнопку на пульте и включить висевший в центре зала телевизор, откуда зазвучала какая-то популярная песня. Из разряда тех, что преследуют тебя по всему городу, доносясь из наушников оказавшейся рядом девушки в автобусе, из открытых окон машин, а ты ни малейшего представления не имеешь, кто исполнитель.

Пицца была еще слишком горячей, поэтому Иван начал с картошки. На скамейку за окном присели девушка с парнем: ее хрупкая, сухая спина была практически незаметна, тогда как широченный, скорее жирный, чем накачанный, парень мозолил глаза своими размерами. Двое школьников класса пятого-шестого, смеясь, зашли в зал и, взяв по коле, сели в угол, что-то смотря в смартфон. В такую погоду прогуливать школу можно и на улице. Наконец, Иван принялся за подстывшие куски. Пицца на вид и вкус казалась домашней — обычно подобное становится результатом фразы «да я сам такое сделаю», после которой кто-то тебя ловит за язык. Нужно родиться очень одаренным кулинаром, чтобы из теста, сыра, майонеза и овощей сделать плохое блюдо. Стоит просто размазать перечисленное по тарелке, и уже выйдет достойно. Иван даже пожалел, что не взял кусок «Славянской».

Незаметно девушка на скамейке осталась одна. Тело ее сгорбилось, голова скрылась за спиной. Какой-то азартный интерес зародился внутри Ивана, и он поспешил его утолить. Ему всегда казалось, что в незнакомом месте легче быть инициативным и не так обидно за ошибки. Выйдя на улицу, Иван пытался ненавязчиво посмотреть девушке в лицо, но не получалось. Оперев голову на обе руки, она безразлично глядела на расколотую плитку дороги, не замечая, как возле нее кто-то крутится. Тень выдавала его присутствие рядом, но девушку это мало заботило. Тогда Иван остановился прямо напротив нее и сказал первое, что пришло на ум:

— Все хорошо?

Девушка подняла голову и посмотрела на Ивана. Выглядела она совсем не так, как рисовало воображение: довольно грубые, напильником точенные черты лица и длинный, немного сгорбленный нос.

— А чё?

— Да нет... Ничего. Просто вы... грустно выглядите.

Иван держал в руках перевернутую икону и незаметно для себя как-то странно шаркал ногой.

— Ты тоже так, — сказала девушка и оглянулась по сторонам: — Почему не со своими?

— С кем? — переспросил Иван.

— Ну, с бабками вон. У вас же эта, служба?

Девушка аккуратным движением руки убрала уплывшую тушь с века.

— А... Нет, мне старик впарил возле входа, не знаю вот, куда теперь деть.

— Мм...

— Не нужна? — спросил Иван, глупо поднимая интонацию в конце фразы, словно это был не вопрос, а прямое, хоть и шутовское заигрывание.

— Да не особо.

— Меня...

— Да, да, я верю в бога!

Иван только предпринял попытку представиться, как девушка встала со скамейки и быстро улизнула в ту самую сторону, где никакого центра уже не было. Он почувствовал себя идиотом, животным, не имеющим даже зачатков интеллекта, но одни только рефлексy. Видя, что человек не в настроении разговаривать, он все равно полез со своими тупыми вопросами. Фильмы всегда учили нас знакомиться спонтанно, в любом месте и при самых разных обстоятельствах, но в жизни дела обстояли как-то не так.

Сидя после работы в кафе за пару кварталов от дома, Иван периодически встречал интересных людей, с которыми было бы неплохо завести беседу: не только красивые девушки, нет, хотя мысли о них подсознательно тоже рождались. Там сидели какие-то студенты, с умными лицами пялящиеся в ноутбук, иногда приходили небольшие группы кавээнщиков и придумывали шутки — словом, всякое бывало. Иван же чувствовал

себя абсолютно вне этих бесед и вообще человеком лишним, чужим. К тому же все вокруг его пусть только в лицо, но знали, и любая неудача считывалась бы потом с этих малознакомых физиономий молчаливой насмешкой.

Сложно представить, но, окончив университет, многие действительно начинают ощущать себя старыми, приобретая за кратчайший срок соответствующие черты: лень, безынициативность, тягу к дивану и домашнему. словно с вручением диплома их сразу же жалят иглой с чем-то седативным, притупляющим на всю оставшуюся жизнь желание развиваться и проявлять к вещам малейший интерес. Ивану, безусловно, было приятно осознавать, что он попытался из этого капкана себя вырвать, но чувство собственной решимости в одних вопросах мало помогало с другими: настроение его после неудачного разговора с девушкой несколько выцвело.

Надо было срочно куда-то пристроить икону, и Иван, вернувшись в клозет пиццерии, засунул ее в штаны, под рубашку, затянув ремень, чтоб не выскочила. Передвигаться оказалось несколько затруднительно. В таком виде он казался еще более странным: короткие шажки, прямая осанка и почти полное отсутствие взмахов руками — походка, едва ли присущая большинству представителей рода человеческого. Хорошо, что в городе все равно было не особолюдно, так что он мог немного расслабиться и не задумываться о том, как выглядит со стороны.

Никуда идти уже не хотелось, и Иван зашагал в сторону вокзала, решив, что с него хватит. Обратная дорога воспринималась совсем по-другому. Такое часто бывает — стоит пройти маршрут в противоположном направлении, как удивляешься, сколько всего раньше ускользало из вида. У автомоек были открыты ворота, работники сидели на табуретках в тенишке. Среди всего этого благолепия, что окружало дорогу с обеих сторон, Иван вдруг обратил внимание на странный каменный домик, спрятанный в глубине улицы и как будто нарочно прикрытый забором соседней стройки. Это было одноэтажное старинное здание с неприметной вывеской над просевшим деревянным крыльцом. На вывеске аккуратными золотыми буквами значилось: «Музей». Иван со школы не бывал в музеях...

Доски ступенек под весом чуть поскрипывали, хлипкая дверь с облупившейся белой краской легко поддалась, и Иван оказался внутри тесного темного коридора. Его стены были покрыты старыми желтыми обоями, а на еще одной двери справа висела распечатанная бумажка в мультифоре: «ПН — ПТ с 10 до 17». Снизу был еще текст, что-то про организованные экскурсии для школьников, но Иван не успел дочитать, так как дверь открылась перед самым его носом и по ту сторону образовалась старушка низкого роста, обвитая бордовой шалью с кисточками.

— Я уже, кажется, сказала вашим друзьям, чтобы катились отсюда к черту!

— Эмм... да я спросить... хотел.

— Чего еще? — грозно отрезала старушка. Она машинально приподняла свои круглые очки повыше и внимательно разглядывала посетителя.

— Вы работаете?

— Ах! Ой, извините, пожалуйста. Я, наверное, вас спутала. Работаем, конечно.

— Сколько стоит?

— Вот же написано, — старушка показала пальцем на другую распечатку, с обратной стороны двери. — Сто двадцать пять рублей. Заходите, заходите.

Иван аккуратно переступил через высокий порог, придерживая штаны.

— С этими строителями сил уже нет говорить. Одно слово только — бандиты.

— А что они хотят?

— Вон видите забор рядом железный, — старушка отодвинула занавеску, обнажая облупившуюся деревянную раму, — здесь то ли автосалон хотят сделать, то ли магазин запчастей, я не разобралась. Ну и мы им, естественно, мешаем. Как будто вокруг места больше нет, одни ангары да склады. А ведь это здание — памятник истории и культуры районного значения. Бывший гостевой дом купца Грушанина, наверняка знаете такого. Да?

— Не совсем.

— С историей плоховато, значит, у вас, жаль. Но мы это сейчас исправим. Вы из техникума?

— Из Светлова.

Старушка раскрыла от удивления глаза, и линзы ее очков сделали их еще больше.

— Надо же...

— Редко приезжают? — поинтересовался Иван.

— Здесь, кроме школьников да студентов аграрного техникума, и не бывает никого. Ведут сюда вместо занятий организованными табунами. А приезжие знать не знают о музеях, да и сами понимаете: редко кто по ним ходит теперь.

Видно было, что она долго ждала посетителя: с таким воодушевлением она стала рассказывать заученные до автоматизма истории. О купце Грушанине, основателе первого в округе мясного пассажа, о его усадьбе, которую снесли в двадцатые годы, оставив лишь один дом и разместив в нем аптечный пункт. О старых улицах и борьбе маленькой группки местных историков за возврат к исходным названиям.

— Вот сами посудите: даже наша главная улица, Садовая, до недавних пор называлась Пролетарской. Если вы в городе были, то это пешеходная улица — от церкви вниз идет, к реке, она там одна. Вот это единственное переименование, которого наши краеведы смогли добиться. Восемь лет назад было. Зато вокруг так и остались: переулок Революции, улицы Орджоникидзе и Кирова.

Экспозиция музея была простенькой: помимо фотографий, имелись лишь какие-то журналы учета рождаемости за тридцать восьмой год, два

народных костюма местных жителей — женское синее платье в горох с белой обвязкой и мужской тулуп, пожеванный молью, да большая карта на стене с обозначением всех окрестных поселений, которых, кстати, набралось немало. Еще был «красный уголок», и он оказался, что неудивительно, куда более укомплектованным: три знамени для демонстраций, четыре портрета Ленина (один — двухметровый), полное собрание его же сочинений, несколько забавных агитационных плакатов и почему-то ружье. Через шторы еще выпирали какие-то бюсты, но старушка сказала, что те «не совсем презентабельны». Рассказывала она с интересом и довольно душевно, не было ни намека на какие-то печальные интонации, хотя причины имелись.

— Почему строители к вам ходят? Это ведь государственный музей, пусть с властями решают, — спросил Иван.

— Кто ж их знает. Насмежаются, ведут себя по-хамски, как хозяева. Я тут не одна работаю, у меня есть сменщица. Так она их и на порог не пускает, двери запирает и сидит. Мало ли, что-то утащат или сломают.

— А мэрия?

— Ой, что говорить...

Иван оставил в музее двести рублей, потому что сдачу ему хотели наскрести мелочью, а мелочь всегда терялась и звенела. По итогу Иван даже получил какое-то удовлетворение от прослушанного, хотя ожидал увидеть больше старых фотографий города, а не лиц безразличных ему людей и репортажей со всяких «первомаев». На подходе к гостинице ремень на штанах стал сползать, и Иван, придерживая их рукой, невозмутимо поднялся к себе на этаж, тем более что на входе администраторши Алочки не было — она мыла полы в коридоре, распространяя запах хлорки по всему зданию.

Вытащив наконец рамку из штанов, он поставил ее на подоконник, предварительно удостоверившись, что ничего нигде не повредил. В комнате стоял телевизор, и Иван, за неимением другого способа скрасить досуг, сел на кровать и принялся смотреть какой-то российский сериал про врачей, очень знакомый. Стены в номере были тонкими, и разговор откуда-то появившихся соседей Иван слышал так отчетливо, что на очередной их вопрос невольно хотелось ответить. Довольно быстро хлюпанье тряпки на швабре добралось и до его двери, так что, помимо голоса с телеэкрана, было достаточно иных звуков, чтобы не уснуть. В таком состоянии Иван просидел до самого вечера, совсем не заметив, как пролетело время, — и только перед сном спустился до вокзала за шаурмой в лаваше.

Глава 16

Иван стоял у столика администрации и ждал, пока Алочка соизволит выйти из подсобки.

— Извините, но возврат денег мы не осуществляем. В правилах, кстати, это написано.

— Но ведь я уезжаю, какой мне смысл платить за пустую комнату? — сокрушался Иван.

— Вот ваша подпись, — женщина с важным видом показала вялую синюю закорючку на плохо пропечатанном листке, как специально попавшемся под руку, — «с правилами ознакомлен».

— А где директор? Могу я с ним поговорить?

— Он уехал по семейным делам.

— Так.

— ...И будет нескоро.

— Позвоните ему.

— Телефон он обычно отключает, чтобы не донимали.

Понимая, что деньги ему никто не вернет, Иван хлопнул входной дверью и пошел в зал ожидания вокзала. На самом деле это ветер вырвал дверь из рук, но выглядело вполне драматично. Утром он уже решил, куда поедет дальше, и даже приобрел билет — трястись на товарняке пока что-то не очень хотелось. Более-менее населенный город был в двухстах километрах — на расстоянии, которое вполне преодолимо на электричке. Исходив вокзал вдоль и поперек и проинспектировав все закоулки, коих было не так много, Иван увидел на электронном табло требуемое название: «КОЛЧЕВСК, пл. 3».

Никакого пешеходного моста не было предусмотрено, так что до нужного пути пришлось топтать сквозь половину станции, перешагивая через рельсы и взбираясь на довольно высокую бетонную платформу под номером три.

Очень скоро подали электричку, и Иван даже обрадовался ее виду. Ему казалось, что такие вагоны уже давно гниют в тупиках и в них квартируют бомжи, но нет — некоторые экземпляры продолжали выходить на маршруты. Они прочно ассоциировались с чем-то детским, очень далеким, когда приходилось по три часа в душном салоне добираться до дачи с родителями, под запах прокуренного тамбура, непрекращающуюся болтовню садоводов о преимуществе тех или иных удобрений и эффективном умерщвлении колорадских жуков.

Если современная наука продолжает считать невозможным создание машины времени, то ее представители просто давно не были вдали от крупных городов. Здесь можно встретить такое количество удивительных вещей, от архитектуры и транспорта до обычаев и моды, что впору придумывать машину по перемещению в настоящее. Иван забрался в салон, уселся на затертую деревянную лавку — и не смог сдержать улыбки. Даже предупреждающие надписи были теми же, даже стопкран был все так же перевязан проволокой, и неизвестно, срывали ли его хоть раз.

Люди постепенно растекались по вагонам. Какой-то дед сел рядом с Иваном, ближе к проходу: из дряхлого, кучу раз стиранного пакета выглядывали стебли рассады. Вокруг было еще достаточно свободных лавочек, а он выбрал именно эту, как будто специально. Если Ивану подарят

еще и куст, то это будет точно перебор — так что он аккуратно свинтил в следующий вагон. Там тоже уже скопилась своя компания, поэтому пришлось идти до самой кормы, пока не нашелся совершенно пустой. Разместившись у окна, Иван расслабился, прижав голову к стеклу. Пыль и грязь по краям, прижатым уплотнителем, была такой зрелой, что легко могла оказаться старше него. Если в разные годы пыль отличается по виду и составу, то можно заниматься любительской археологией,ковыряясь в ней пальцем.

Электричка дернулась. Из открытой форточки стало приятно тянуть свежим воздухом. Постепенно ностальгические мотивы стали выветриваться и пришло понимание: некоторым вещам лучше оставаться в прошлом, иначе воспоминания о них из добрых и светлых рискуют превратиться в угнетающие.

Электричка вела себя капризно: откуда-то снизу периодически доносились глухие крепкие удары, двери в тамбур хлопали друг о друга. Качало так, что могло вызвать приступ морской болезни. Деревянные лавки не создавали комфорта, пятая точка быстро затекала. Это могло показаться странным, но человека, еще вчера трясшегося в грузовом вагоне, раздражали недостатки электрички, где как минимум можно нормально сесть и есть крыша над головой. Возможно, это было лишь внешним проявлением накопившихся переживаний...

Иван приходил к мысли, что все шло как-то не так. В его представлениях этот резкий рывок в никуда, побег из-под нагретого теплого одеяла, от знакомой и надоевшей домашней обстановки должен был сулить какие-то новые ощущения, живые впечатления. Жизнь за пределами клетки скуки и однообразия должна была резко отличаться хоть чем-то, а вместо этого оказалась такой же серой и неприветливой. Теперь Иван не с облегчением и радостью глядел в грязное окно на мельтешащие столбы и перегоны, а с равнодушным ожиданием хоть чего-то, что могло запомниться. Былая решимость снова начала рассеиваться и осыпаться на ржавый пол вагона. Иван даже пожалел, что не курит, — так бы хоть нашелся повод периодически на что-то отвлекаться.

Вот сидевший у противоположной стены парень уже два раза выходил в тамбур, хотя появился недавно. Впрочем, Иван не успел отметить, когда тот вообще возник. Он был чуть старше, облачен в камуфляжные штаны, берцы и коричневую куртку-непромокайку, словно недавно демобилизовался и сохранял армейские привычки. Он сидел один и отвлеченно глядел куда-то сквозь пространство, как обычно все делают, пожевывая то ли арахис, то ли сухари из маленькой пачки. Иван за ним следил не из любопытства: как только тот в очередной раз пойдет в тамбур, он стрельнет у него сигарету. Это было делом решенным.

Как назло, парень терпел довольно долго, и идея уже успела забыть. Поэтому, когда он соизволил все же встать и раздвинул створки двери, Иван вскочил так быстро, что сам испугался своей напористости. Парень, впрочем, уже успел достать сигарету. Не зная, как правильно

надо о таком говорить, Иван сделал это максимально убедительным для себя образом:

— Не угостите сигаретой?

Парень молча достал из наружного кармана синюю пачку. Иван довольно неуклюже попытался извлечь оттуда сигарету, взяв ее указательным и большим пальцами за самый край фильтра, так что она чудом не выскользнула. Он держал ее в руке и разглядывал, не зная, что дальше. Смекнув, в чем дело, парень щелкнул большой металлической зажигалкой с какими-то узорами, и Иван, взяв сигарету в рот, попытался ее зажечь.

— Затянись, — сказал парень.

Резко вдохнув в себя дым, Иван жутко закашлялся, на глазах выступили слезы, а горло резало так, словно туда насыпали горсть гвоздей. Спустя какое-то время отпустило. С сигареты отвалился сгоревший пепел и угодил парню на штаны, на что тот ответил, возвращаясь в салон:

— Не та марка, чтобы с нее начинать...

Короткими затяжками, через силу, Иван все же уработал сигарету, отчего голова размякла, мысли стали путаться, как от легкого опьянения. Вернувшись на лавку, он вытянул ноги. Пришло болезненное, но расслабляющее чувство, как при высокой температуре и надвигающейся ангине. Чувство это оказалось не таким продолжительным, но именно так Иван представлял себе никотиновый эффект и именно этого хотел. По вагону несколько раз прошагали люди, но не контролеры, которых он тоже ожидал увидеть — и всякий раз расстраивался, что это не они: очередная ностальгическая деталь.

В одну из бесчисленных коротких остановок на полустанках в вагон зашли двое странного вида мужиков, в кожаных куртках, черных туфлях, будто наспех собранные из стандартных атрибутов моды конца прошлого века. Казалось, что так уже никто не одевается, но они были живым примером обратного. Мужики приземлились на соседнее от парня сиденье и громко разговаривали, словно даже шуму пытались доказать свое превосходство. Иван плохо понимал суть, до него доходили только отдельные фразы и слова. Что-то связанное с работой, бизнесом. Прошло некоторое время, и они каким-то образом заинтересовали своим разговором парня: тот сначала обернулся через спинку лавки, а затем и пересел. Ивану это не нравилось, потому что хотелось еще курнуть, а при таком раскладе все может затянуться до самой конечной.

В какой-то момент они признали существование четвертого пассажира и как-то приветливо, но грубовато стали размахивать руками. Один из мужиков, высокий, с небрежно свисающим брюхом и неухоженной растительностью на круглом лице, крикнул Ивану:

— Эй, друг! Подойди.

В таких случаях люди обычно игнорируют предложение и уходят, но идти было некуда, да и что могло случиться — в поезде чувствуешь себя относительно безопасно. Иван подошел к парню и мужикам, ему предложили сесть, на что он легко согласился — не стоять же, в самом деле.

Получилось, что находился он напротив жирного, по правую руку был второй мужик, помоложе, сухой и низкий, с ранней лысиной в черных прямых волосах. Парень сидел у окна.

— Как звать?

— Иван.

— Я Саньч. Это Олег, — ухмыльнулся жирный, поправляя край куртки и показывая пальцем на второго мужика. Тот без особой радости протянул руку.

— Виктор, — сказал парень, но руки не подал, отданная сигарета зачлась как рукопожатие.

— Чё, куда путь держишь, Иван? — спросил жирный, карикатурно выговаривая имя с небольшой паузой после первой буквы.

— Куда и поезд.

— Какой? — прозвучал глупый вопрос.

— Ну, этот, какой.

Раздался смех. Не очень было понятно, что произошло смешного.

— Телка у тебя там, что ли?

— Где? — решил поиграть в глупые вопросы Иван.

— Раз даже названия не знаешь.

— Нет...

— Да ладно, все свои!

Разговор как-то не заладился.

— Дело житейское. Можешь не говорить. У меня тоже как-то баба была, в твои годы, я к ней за триста километров гонял, в поселок один. Цветы привозил, шоколад.

— Дурак, — сказал Олег.

— Чего не сделаешь ради любви? Дураком был, она без меня по всем прогулялась, а я-то не местный, не знал.

— И как узнал? — снова подал голос Олег.

— Тракторист сказал. Он им в поселок продукты возил, вроде как вместо грузовика.

Возникла очередная заминка, которая всегда случается в беспочвенных разговорах.

— А ты куда? — спросил Саньч Виктора.

— В город.

— И мы туда же. Вот совпадение, да?

— Как будто можно на этой электричке куда-то еще приехать, — возразил Виктор с некоторым раздражением, перекрикивая шум.

— Да у нас там дела, бизнес, все такое. Сами понимаете.

Иван в знак солидарности кивнул, хотя не понимал.

— Так чё ты там говорил, чем занимаешься? — снова адресуя вопрос Виктору, заговорил Саньч.

— Я не говорил.

— Чем? — повторил Саньч.

— Ничем фактически. Типа фрилансер.

— А?

— Фрил...

— Это чё такое? — перебил его Олег.

— Птица вольная. Чем хочу, тем и занимаюсь, — объяснил Виктор. Это объяснение показалось Ивану спорным, но он оставил замечания при себе.

— О, это мы умеем. Молодца! — обрадовался Саныч и вульгарно похлопал Виктора по плечу. — Мы тоже так теперь будем называться. Запомнил?

— Птицы вольные, — повторил Олег без особой интонации.

— Не, не. Фри...

— Да сам это говно запоминай.

— Но ведь вы сказали, у вас бизнес... — зачем-то начал Иван.

Саныч перевел взгляд на него и с отчетливым блеском в глазах стал пялиться.

— Можно так сказать. А чё?

— Фрилансер — это наемный работник, который заказы выполняет.

— Ну, мы выполняем иногда. Все верно, — сказал Саныч и почесал живот.

— Главное, что официально не трудоустроен, — добавил Виктор.

— А кто сейчас трудоустроен? Налоги им платить?

— Стаж для пенсии... — неуверенно произнес Иван.

Уточнение было встречено единогласным смешком.

— Рюкзак толстый какой, — сказал Олег, включившись в вопросительно-допросную беседу.

— Обычный, — промямлил Иван.

— Много таскаешь с собой?

— Нет.

— Спортсмен, что ли?

— Не спортсмен.

— Странно...

Ивану эти вопросы не нравились, и Саныч это заметил, пытаясь замкнуть.

— Да чё ты пристал к нему? Давай лучше, доставай.

— Э, в смысле? Мои кончились.

— Ну ты паровоз, — заметил Саныч и достал из внутреннего кармана куртки красную пачку. — Будете?

— У меня свои, — ответил Виктор.

— Если можно...

Иван полез рукой в пачку, желая придать своим действиям легкость, как будто он знает, что делает. Виктор наблюдал за ним. Задача усложнилась тем, что никто не поднес зажженное пламя, а только дали зажигалку. Несколько коротких щелчков, но все гасло. Тогда Виктор нагнулся со своей и спас ситуацию. Ивану требовалось проявить невероятные терпение и самообладание, чтобы удержать кашель в себе.

- Пойдем в тамбур, — предложил Виктор.
- На хера? — парировал Олег.
- Чего в салоне дымить?
- Да срать, — подытожил Саныч.

Несмотря на открытую форточку, дым умудрялся задерживаться в салоне и вяло по нему растекался. Запах от этих сигарет был папиросный и едкий, вызывающий приступы тошноты. Непонятно, как это можно курить целыми днями, — наверное, легкие именно таких людей фотографировали на пачку. Однако мужики выглядели вполне ничего, что еще раз доказывало невероятную живучесть человеческого организма. Иван попробовал еще пару раз затянуться, но неудачно — оставшееся время он просто смахивал пепел в пивную банку, любезно предоставленную мужиками.

— А сразу по приезду чё делать будете? — поинтересовался Саныч и поглядел на часы.

— Домой пойду, — сообщил Виктор.

— С друзьями встречусь, — не думая сказал Иван, дабы показать себя занятым и не вызывать очередных вопросов. Саныч, швырнув бычок мимо банки, заговорил:

- Есть предложение. Халтурка на пару часов.
- Огород вскопать? — сострил Виктор.

Олег засмеялся:

— Мы те чё, дачники?
 — Вещи загрузить в грузовик. Так бы сами справились, но нужно две пары свободных рук, — уточнил Саныч.

— Этим кто угодно может заняться, — ответил Виктор.

— Верно.

— Совсем кто угодно. Любой, — продолжал Виктор.

— Вы-то уже здесь, искать не надо. Нам побыстрее бы.

— Сколько?

— Да за два часа управитесь, говорю же.

Виктор раздраженно выдохнул:

— По деньгам.

— Пятиха на рыло.

— А где это? — поинтересовался Виктор.

— Недалеко, на тачке от вокзала минут пятнадцать.

— Да нормально, — неожиданно ляпнул Виктор и посмотрел на Ивана.

Тот несколько растерялся.

— Нет, пожалуй. Спасибо.

У Олега в кармане что-то нелепо зазвенело, и он достал крохотную кнопочную «моторолу». Всмотревшись в экранчик, он нажал на кнопку и вышел в тамбур. Ивана же стали уговаривать.

- Нам как раз двое нужны, чего тебе — деньги лишние?
- Да другие планы были.

— Подождут.

— Нет, — ответил Иван максимально утвердительно.

— Уж подсоби хорошим людям. Баба твоя не денется никуда, — настаивал Саныч.

— Дело не в этом...

— Или мы, блин, нехорошие?

Иван напрягся. Он как-то живо представил себе, куда могут привести такие вопросы.

— Просто...

— Ну, наше дело предложить.

Саныч поднатужился, водрузил свое объемное тело на ноги и зашагал в тамбур. Виктор пересел к Ивану, чтобы было лучше слышно, и стал в ухо говорить.

— Ты чего, боишься?

— Это же бандиты натуральные, — разом сообщил Иван свои опасения.

— Да лошки обычные. Ничего они не сделают.

— Откуда тебе знать?

Виктор посмотрел на Ивана.

— Уж поверь, повидал.

— Не хочу я с такими дела иметь, — прямо сообщил Иван.

— Они теперь не отвяжутся.

— На улице просто уйти от них, и все. Или к дежурному...

Виктор раздражительно парировал:

— Дальше что? Ты все равно потом в городе окажешься.

— Не нравится мне это...

— Главное, заплатят.

— Без пятисотки проживу, — отрезал Иван, желая закончить спор и остаться при своем мнении.

— А я вот нет...

— Ну и иди один.

— Все будет нормально, — уверенно произнес Виктор.

Мужики вернулись и сели на лавку напротив.

— Ну чё, договорились? — поинтересовался Саныч.

— Хорошо, — сообщил Иван, так как вид новых знакомых не внушал ему доверия и лучше было согласиться, чтобы как-то их расслабить.

— Вот и славно!

Рот Олега немного дернулся в попытке улыбнуться.

Глава 17

Стоило станции только показаться в окнах, как Иван с компанией уже стояли в тамбуре. Но электропоезд все тянулся и тянулся посреди бесчисленного множества путей, лишь немного сбавив ход. Саныч с Олегом говорили о какой-то только им понятной ерунде, на своем особом

диалекте из междометий и переглядываний. Виктор молча стоял у стены, читая полустлевшие рекламные объявления, которые пытались оторвать, но только покусали по краям и частично заклеили другими. Иван же размышлял о том, как ему соскочить с безрадостной авантюры, еще и в совсем незнакомом городе, который он пока даже не видел.

Электричка как-то внезапно споткнулась на пустом месте и резко замерла, швырнув пассажиров вперед. Двери неохотно распахнулись, и перед взглядом Ивана предстало огромное здание вокзала, преимущественно стеклянное, странной прямоугольно-рубленой архитектуры.

На перрон выползли пассажиры электрички, довольно много, но для создания плотной толпы, которую Иван теперь выискивал, их все же не доставало. В подземном переходе и вовсе было малоллюдно, не стояли даже кочевые торговцы трусами и эрзац-музыканты, стесняющиеся строгого полицейского надзора, — камерами просматривался каждый угол. Ивана это око правосудия успокаивало: он уже придумал, что отлучится в туалет и сбежит через другой вход или на крайний случай попросит выпустить через службу. Он и так шел несколько поодаль от мужиков, Виктор как будто тоже не источал энтузиазма и несколько рассеянно следовал за ними. Мужики резко свернули в правое ответвление перехода и уже через мгновение оказались на улице — в вокзал никто заходить не собирался. Иван почувствовал, как его беспроегрый план затрещал у самого основания. Саныч разговаривал по телефону и пытался в довольно грубой форме выявить чье-то местоположение. По разговору стало понятно, что на парковке их ждет машина.

— Чё? Катись ко входу и на аварийке встань!

Иван решил действовать.

— Мужики, я в туалет забегу.

— Здесь платно, — предупредил Олег.

— Ничего, мне срочно.

Иван развернулся и пошел обратно в тоннель, как будто другие входы в вокзал были замурованы.

Спустившись на несколько ступеней вниз, чтобы скрыть свой силуэт, Иван резко ускорился и пошел трусцой. Но без толку: попасть на вокзал быстро ему не удалось. Пройти через рамку металлоискателя оказалось недостаточно, и охрана его осадил, велел показать содержимое рюкзака. Иван старался не оглядываться по сторонам, но не мог сдержаться, так что выглядел если не подозрительно, то весьма глупо. Один охранник продолжал стоять возле рамки, а второй рылся в вещах, довольно аккуратно все прощупывая и вытаскивая.

— Торопитесь? — поинтересовался охранник.

— Да нет, в туалет...

— Потерпите.

Он говорил таким добрым и воодушевляющим голосом, что Иван чуть не поделился с ним главной причиной своего беспокойства, но не смог ее адекватно сформулировать.

— Так, а это что? — охранник открыл внутренний карман и достал оттуда деревянную рамку. — Это откуда?

— Икона, — прямо сказал Иван.

— Я вижу, что икона, — раздраженно заметил охранник. — Откуда?

— Подарили в церкви.

— Документы, — грозным тоном приказал охранник. Его добродушие слезло с лица мгновенно.

Иван расстегнул верхнюю одежду и полез за паспортом.

— На икону документы!

— Зачем?

— По закону о вывозе и ввозе культурных ценностей.

— Куда я их вывожу?..

Второй охранник, увидев заминку, подошел и с совершенно уничтожительной улыбкой стал разглядывать икону в руках сослуживца, а потом и сам взял подержать.

— Где говоришь, ты ее взял?

— В церкви, — повторил Иван.

— Какой? — взгляд охранника внимательно бегал по Ивану, словно лазерный сканер.

— Не знаю. В какой-то...

— Это как?

— Не помню названия.

Второй охранник, что вертел в руках икону, вглядывался в края, проводил по поверхности пальцем, смотрел на тыльную сторону.

— Ты откуда приехал?

— Не помню, — выцедил Иван, чувствуя, что такое лучше вообще не говорить. В тот момент он действительно забыл название города, откуда прибыл. На языке вертелось лишь его старое название из рассказа в музее — Саморецк. Его он и произнес.

Охранники переглянулись и засмеялись. Вторым, закончив разглядывание иконы, положил ее на стол к распотрошенному рюкзаку.

— Ну что? — спросил первый.

— Акварель.

Не получив никаких извинений, Иван покидал вещи в рюкзак и отправился вглубь вокзала. Заметив вывеску с буквами WC в конце зала ожидания, неприлично близко к киоску с пирожными, он раскрыл дверь и увидел в стене форточку, куда была замурована женщина лет пятидесяти. Над форточкой висела распечатанная бумажка, сообщавшая о стоимости посещения в тридцать рублей. Иван вдруг вспомнил, что шел совсем не в туалет, но все-таки решил наскрести мелочь и воспользоваться услугами. Внутри на удивление было прилично, хотя это последнее, что могло его в тот момент волновать. Даже не вымыв руки, он оперативно выбрался из помещения и водил глазами по вокзалу в поисках места, где спрятаться.

— Вот ты где, — голос за спиной прозвучал неожиданно громко. Иван вздрогнул. Это был Виктор, который выглядел уж слишком веселым. — Я думал, ты свалить решил.

— Не успел.

— Поздно метаться, машина подана.

— Да прям, я уйду все равно, мне это не надо.

Виктор приоткрыл рот и быстро выдохнул, словно общался с умственно отсталым и тот бесконечно повторял одно и то же:

— Дружок, мне нужна пятисотка, а искать кого-то еще уже некогда.

— Сделай за двоих и заberi мою.

— Так не работает.

— Значит, у вокзала поспрашивай. Дураков полно.

Виктор схватил Ивана за руку и потащил к выходу.

— Что ты как ребенок, тебе предлагают деньги, а ты от них бегаешь.

— Не нужны мне никакие деньги, я, может, город смотреть приехал!

— Это ты сам себе напридумывал. А с городом я тебя познакомлю.

— Великолепное будет знакомство, — сказал Иван, отстегнув от себя Виктора.

На привокзальной парковке, распластавшись на два места и закрыв часть выезда, стояла белая «газель». Виктор без особых уточнений распахнул сдвижную дверь и впустил вначале Ивана, отрезая ему последнюю возможность к отлыниванию. Олег с Санычем уже находились на передних сиденьях. Водителю потребовалось еще секунд тридцать, чтобы дотянуть остатки никотина из сморщенного бычка, выкинуть его на асфальт и щелкнуть ключом зажигания.

Иван был бы не против узнать подробности о предстоящей работе, но никто ему не сказал ни единого слова. В кабине слышны были какие-то вялые разговоры, но за ревом мотора и тряской всех подвижных частей «газели» едва ли собственный голос услышишь. Машина истощно верещала на крайней левой полосе, чем несколько раз вызывала негодование следующих за ней иномарок. Долго они, правда, не сигналили, понимая, что многого не добьются. Иван смотрел в окно, с которого кусками слезала выгоревшая тонировка, и оценивал масштабы: да, город явно большой, с широкими улицами, высокими жилыми домами и обилием офисных коробок. В таком и затеряться проще.

Дорога постепенно сужалась, обочина зарастала кустами и неухоженными палисадниками, сквозь которые проглядывали двухэтажки и ряды деревянных сараев, окруженные автомобилями разной кондиции. Стараясь запечатлеть приметные ориентиры, Иван усиленно врезал в память все, что попадалось ему на глаза. Виктор, заметив его сосредоточенность, ехидно спросил:

— Чё, нравится?

— А?

— Красиво, говорю? — повторил Виктор, придвинувшись к Ивану вплотную.

— Безумно...

Свернув в закоулок, «газель» облегченно вздохнула, и наступила тишина, от которой посвистывало в ушах. Машина стояла на небольшом пятаке, окруженном заборами и пожухлой осенней травой в добрые полметра высотой. Одна бетонная плита была повалена на землю и отодвинута в сторону.

— Вот и прилунились. Иди, проинструктируй пацанов, — скомандовал Саныч.

Олег прошел через проем в заборе и двинулся куда-то вглубь. Иван и Виктор пошли за ним. Утоптанная тропа петляла между стен двух огромных корпусов и вскоре вывела на большую дорогу, еще сохранившую следы асфальта и автомобильный накат. Находились они на территории какого-то предприятия, видимо, бывшего, и следовали ко входу в солидное здание из красного кирпича. Двустворчатые рыжие от времени ворота, куда без труда пролезет автобус, были наглухо заварены поверх петель, а ручки дверей обмотаны толстой проволокой. Не растерявшись, Олег бодро запрыгнул в низкое разбитое окно, похрустев на осколках стекла, затих. Виктор не без труда, но повторил эту же операцию, а Иван едва не свалился назад, наступив на прогибающийся железный отлив.

Здание представляло собой производственный корпус с единым внутренним пространством, разделенным лишь перегородками метра в три высотой, заваленный мусором и птичьим пометом. Виктор размашисто пнул какую-то коробку, оказавшуюся корпусом радиоприемника, на что сидевшие под потолком голуби разом затрещали крыльями и всем скопом выдавились прочь через зияющие проплешины крыши. В углу валялись второпах накиданные друг на друга мешки.

— Короче, вот это в машину тащите.

— Да их тут КамАЗом не увезешь, — заметил Иван.

— В три-четыре захода управимся, — ободрил Виктор.

— Сколько влезет, и ладно, — добавил Олег, — только не шалдырим, время — деньги.

Иван окинул взглядом предстоящий объем работы и поинтересовался:

— Что, через окно?

— Попробуй через дверь, — ухмыльнулся Олег и куда-то резко исчез. Из глубины помещения вскоре стали раздаваться удары молотка.

Виктор напористо ухватил два мешка и потащил их к окну. Ивану они показались довольно легкими, но все же он взял только один и поторопился следом. Когда проход к окну оказался забит, надо было кому-то вылезти на улицу. Не мешкая, Виктор пролез через раму и стал принимать груз там.

— Видишь, ничего страшного, — весело сказал Виктор, — элементарная задача.

— Чего тогда мы в окно залезли? — злобно произнес Иван.

— Ну мало ли, двери старые, закисли.

— И проволокой обмотались, ага!

Некоторые мешки были тяжелее других, и Ивану стоило больших усилий поднять их на высоту подоконника. Из плотной ткани и набиты непонятно чем. Виктору тоже сложно было их ворочать, но он стойчески переносил эти тяготы, не подавая виду. Иван же был менее терпелив.

— Да сколько можно! — не унимался он.

— Все уже почти, сейчас к машине будем тягать.

После тяжелых мешков другие перекидывались играючи, почти как мяч. Один из них, зацепив кусок стекла, до сих пор торчащий из рамы, распоролся по шву и глухо плюхнулся на землю, обнажив свои внутренности.

— Ого, смотри-ка! — воскликнул Виктор.

Бросив оставшиеся мешки, Иван мигом перелез на другую сторону и стал требовать распоровшийся. Взяв в руки металлическую пластину, он долго вертел ее, не зная, что сказать.

— Ну, вроде микросхемы какие-то...

— От чего?

— Откуда я знаю... от радио. Видишь, — Иван поднес к Виктору деталь, — куски отломаны как? Чем-то рубили.

— Вот дураки, — подытожил Виктор.

— Да уж...

— ...Тут столько всего можно распилить и продать, а они какие-то приемники курочили.

Иван осуждающе посмотрел на соучастника халтурки, но ничего не сказал.

— Наше дело простое. Бери пока полегче которые, и пойдем, — сказал Виктор.

— Погоди.

— Да сними ты рюкзак, кому он тут нужен?

— Мне нужен, — отрезал Иван, не желая расставаться с вещами.

Виктор с мешками зашагал по известному пути к дыре в заборе. Иван двигался следом, осторожно оглядываясь. Стены корпусов словно сужались по мере продвижения вдоль них. Прямоугольные края крыши держали на себе рваные пласты рубероида, бессильно свисающего, как сорняк, из земли то и дело выглядывали фрагменты неизвестного назначения, похожие или на части старых стиральных машин, или на газовую печь, или на всё сразу. Водитель «газели» что-то крутил под капотом, не выпуская из зубов сигарету. Саньч дремал на пассажирском сиденье, но проснулся от удара мешков по железному днищу.

— Чего так долго возитесь?

— Таскать много, — вяло произнес Иван.

— Ну так таскайте, не на шару же! — грубо заявил Саньч.

Загрузив «газель» наполовину и вернувшись на территорию, работники сели передохнуть на мешки. Виктор с отвлеченным видом затянулся никотином, а Иван, спасаясь от дыма, решил залезть в корпус, дабы примерно оценить оставшуюся работу. Куча выглядела не сильно большой.

Внутри было на удивление тихо: голуби вернулись и молча сидели на балках, а молотка не было слышно.

— Эй!

Эхо начало беспорядочное путешествие по стенам, ударяясь в каждый подвернувшийся угол и резонируя на любой плоской поверхности. Птицы не посчитали этот сигнал достойным внимания и даже не удосужились хлопнуть крыльями для приличия.

— Полдела сделано, — сообщил Иван, как бы подбадривая самого себя.

— Цепляй спереди, там проще держать.

То семена, то двигаясь боком, парни тащили тяжелый мешок с металлическими деталями. Грубая его ткань постоянно выскальзывала из рук, натирая ладони. Наконец подойдя к забору, Иван растерялся и выпустил мешок на ноги Виктору.

— Ай, ты чё делаешь?!

— Машина где? — напряженно спросил Иван.

— Разгружаться, наверное, уехала.

— Да там полно места оставалось!

— Значит, так решили, я-то при чем?

Иван смотрел на пустую дорогу, закованную в бетонные ограждения, и ничего не понимал.

— Могли бы и сказать!

— Ладно тебе, пошли, — решил Виктор, чтобы не терять времени зря.

Чем ближе они подходили к корпусу, тем отчетливее Иван стал различать какой-то непонятный шум, которого раньше точно не было. С каждым шагом он становился все назойливее, но все равно никак нельзя было локализовать его источник. Старые трансформаторы иногда так жужжат, но вокруг все обесточено.

— Слышишь?

— Чё?

— Шумит что-то. Этого не было.

Виктор остановился посреди дороги и повертел головой.

— Да ветер.

— Какой ветер, тишина вокруг!

— Через корпуса продувает, все в дырах ведь, — рассудил Виктор.

Ивана это объяснение устроило, да и звук вроде бы притих, стоило подойти вплотную к окну. Чтобы не заниматься тяжелыми мешками, он решил пока перетаскать остатки. Виктор присел на бетонную плиту и вздохнул. Ивану же было несколько некомфортно находиться на открытом пространстве: казалось, что из всех окон вокруг, заколоченных и разбитых, на него постоянно смотрят. Внутри же стены придавали уверенности и успокаивали.

Неторопливо волоча по полу очередной мешок, Иван услышал, как Виктор радостно крикнул в окно:

— Вон, едут!

Забравшись на подоконник и высунув голову на улицу, Иван ничего не увидел.

— Где?

— Да мотор гудит за углом, я «газель» из тысячи отличу.

Решив изобразить бурную деятельность, Иван взвалил мешок на подоконник в полной готовности передать его. Не прошло и полминуты, как...

— Отойди!

Виктор со всей дури влетел в открытое окно, столкнув мешок и сбив Ивана с ног, затем схватил его за руку и поволок куда-то внутрь корпуса.

— Ты чего?

— Это не «газель»!

Присев на корточки, дабы скрыть свои силуэты, они увидели, как зеленая «ауди»-«бочка» быстро просвистела мимо, но тут же развернулась неподалеку и остановилась у валяющихся на дороге мешков. Виктор с Иваном попятились и спрятались за подвернувшейся колонной, стараясь не издавать ни звука. Из машины вышло пять здоровых мужиков.

— Вот суки, опять!

— Ох, попадитесь мне!

— Когда они в мешки все успели собрать?

— Глянь в окно, может, не все вытащили.

Лысый коренастый мужик с татуировкой на шее, смачно харкнув, подошел к окну и осматривал внутренности корпуса. Его было настолько хорошо видно, что Иван, в случае чего, без труда составил бы фоторобот. Казалось, даже отрывистое дыхание могло как-то дойти до них.

— Эу, есть кто? Больно бить не будем... О, тут тоже мешок!

Он уже собирался развернуться и возвращаться к машине, как Виктор неожиданно со всей дури рванул вглубь здания, издавая отчетливые шлепки ботинками по бетону. Опешивший Иван, помедлив секунды две, кинулся его догонять.

— Они еще внутри... — послышалось с улицы.

Иван никогда не умел хорошо бегать, а в условиях стрессовых привык сдаваться еще до начала состязания. Но альтернативные варианты как-то не радовали, поэтому он выжимал из себя последнее, пытаясь догнать Виктора. Они, казалось, оба понимали, что вероятность не найти выход была велика, и оттого бежали еще быстрее, стараясь выиграть дополнительное время. Поравнявшись с окнами, парни бежали вдоль них. Как назло, на всех стояли железные решетки, которые не каждая болгарка срежет. Виктор несся, успевая оглядеться, филигранно лавируя между препятствиями и выбирая наиболее выгодные пути. Иван же боялся запнуться о мусорные кучи, врезаться в валяющиеся поперек пути стеллажи, провалиться в дыры пола.

Сквозь муть еще не выбитых окон Иван боковым зрением увидел силуэт машины, движущейся параллельно.

— Налево! — с надрывом крикнул Иван.

Попытка скорректировать курс Виктора не увенчалась успехом — тот мчался по выбранной траектории и не планировал внимать советам. Вот только окна вдруг резко исчезли и перед ними выросла глухая стена — корпус закончился. Не сбавляя темпа, Виктор шарахнул плечом по случайно подвернувшейся двери — и раскрыл ее настолько легко, что рухнул на землю. Иван попробовал ему помочь, но тот встал сам и первым шагнул на свет. Машина, действительно, была неподалеку, ежесекундно уменьшая расстояние до целей.

Они оказались в паршивой ситуации: расстояния между корпусами были большие, до следующего бежать метров сто по дороге, на которой машина их тут же догонит.

— Туда!

Виктор решил все же рискнуть, махнул в сторону административного здания с большими стеклами-витражами, и сразу принялся исполнять собственный приказ. Была некоторая надежда, что затеряться в кабинетах и коридорах получится лучше, чем в полупустых огромных корпусах, просматриваемых насквозь во все стороны. Иван побежал за ним, не понимая, откуда берутся силы и как он до сих пор не задохнулся. Иван чувствовал, что все может закончиться плохо, но сделать ничего не мог.

Когда до входа в здание оставались считанные метры, Иван сильно отстал. Виктор это увидел.

— Давай, давай!

Внезапно Виктор развернулся и рванул прямо на машину, все с той же невозмутимостью и решительностью. Водитель стал сигналить, мужики высунулись из окон и матерились. Побоявшись, что Виктор запрыгнет им на капот, они не выдержали и резко свернули прямо перед ним, тут же затормозив. Тогда он вернулся к первоначальной задаче и побежал ко входу в корпус, до которого уже успел доковылять Иван. По счастью, двери оказались открыты, и они ворвались на проходную, минуя разбитую будку охраны и турникеты. Просочившись сквозь них, парни свернули направо и побежали вдоль Доски почета и зеленых декоративных стеклоблоков к лестнице. Где-то за спиной слышался мат и топанье ног. Вскрабкавшись на пару пролетов вверх, они двинулись по коридору в левую сторону. Свет проникал внутрь только из крайних окон, отчего коридор напоминал скорее тоннель. Иван совсем скис.

— Я...

— Не сейчас!

Виктор взял его под руку, аккуратно открыл ногой дверь кабинета, затащил товарища и плотно прикрыл дверь. Иван отдышался. Подкравшись к окну, Виктор посмотрел вниз: в машине сидел водитель.

— М-да, — тихо произнес Виктор.

Иван ничего не говорил, просто сидел на письменном столе. На этаже застучали ботинки, но уже размеренно, спокойно — люди понимали, что загнали добычу в угол. Кабинет был вполне типичным, советским,

с глухими деревянными шкафами, стандартного вида столами и стульями, цветочными горшками на подоконниках и календарями, правда, за две тысячи седьмой год. Виктор активно придумывал план действий, но ничего разумного в голову не приходило — ситуация была так себе, как ни посмотри. Зайдя в отгороженную каморку, он увидел там полированный шифоньер, вокруг которого разбросаны были вешалки и какие-то тряпки. Каморка освещалась одним маленьким окном у самого потолка.

— Вставай, — сказал он шепотом Ивану.

Иван болезненно поднялся, двигаясь как-то криво и немного прихрамывая, стараясь ступать аккуратно, не по разбросанным книжкам и канцелярскому хламу. Виктор уже приоткрыл дверцу шифоньера, знаками показывая, что нужно сделать. Иван полез внутрь, но Виктор его удержал за рюкзак.

— Сними!

Иван стянул поклажу за лямку и теперь уже аккуратно забрался в шифоньер, прильнув к стенке и прижав к себе рюкзак. Когда Виктор стал проделывать ту же операцию, шифоньер не издал ни звука, плотно влипнув всеми четырьмя опорами в проваленный, пошедший горбами от влаги линолеум. Оставалась еще одна задача — закрыть дверцы. Высвободив руку, Виктор зацепился пальцем за внутреннюю сторону замка и потянул на себя — дверца закрылась не до конца. Тогда Виктор схватился за угол и дернул сильнее.

Кккккккк... От внезапного звука дернулся сам Виктор, не говоря уже об Иване. Скрип дверцы шифоньера, наверное, был самый громкий звук за последние несколько лет в этой комнате. Ожидаемый результат не заставил себя ждать — теперь заскрипела уже другая дверь, входная. Тяжелые ботинки вступили на мягкий пол, двигались медленно, осторожно. Шифоньер стоял спиной к основной комнате, закрытый тонкой стенкой каморки, поэтому с порога его было не видно. Ботинки сделали круг по комнате, наступили на нечто пластиковое, что хрустнуло под ними.

Сидя в шифоньере, сложно было сказать наверняка, где именно ходят, — звук искажался эхом голых стен. Лицо Ивана совсем побелело — он закрыл глаза и едва дышал через по-старчески приоткрытый рот. Ботинок вдруг скрипнул так близко к каморке, что даже у Виктора душа осела ниже печени и начала тянуть остальные органы за собой. Было ощущение, что всё, они сдались, и только сердце в одиночку боролось против паники души, решившей сбежать в самый ответственный момент, — оно отчетливо прослушивалось и прощупывалось везде, где только вздумается. Особенно трещали виски.

Есть народное представление, что в самые ответственные и опасные моменты хочется обязательно чихнуть, закашляться или отколоть иную физиологическую причуду. Иван, пускай такое и с ним бывало, теперь точно с этим утверждением бы не согласился — он был почти уверен, что своей концентрацией и самоконтролем приостановил все процессы жизнедеятельности организма. Даже на гипотетическом тепловизоре вместо

красного пятна была бы лишь мутная пленка, в пределах погрешности. Он так сильно зажмурил глаза, что всерьез боялся их больше не открыть. Ботинки стояли рядом с шифоньером и почему-то не двигались. Вполне вероятно, в реальности это длилось несколько секунд, но в представлении Ивана все тянулось дольше самой бесконечности.

Даже когда ботинки покинули пределы их комнаты и вместе с другими парами зашагали с этажа прочь, Иван продолжал сидеть в шифоньере. Виктор уже успел вылезти, посмотреть в окно, высунуться в коридор и даже закурить. Только учуяв табачный дым, Иван выполз из каморки и взял сигарету.

— Ну как? — заговорил Виктор.

— Мягкие, — ответил Иван и рукавом стер со щеки случайную слезу. Вообще-то Виктор спрашивал не об этом.

— Они уехали, но, думаю, могут где-то пастись у забора.

Иван сидел на столе и разглядывал пожелтевший плакат с Олегом Газмановым.

— Сюда, в общем-то, вряд ли вернутся, — подытожил Виктор. Непонятно, на чем именно строилась его логика.

Он взял с пола замотанную нитками папку и открыл случайный набор документов: график дежурства корпуса 12-3, профилактическая проверка работы станка 132.3 с ЧПУ в корпусе 11, перечень отказов оборудования цеха точной настройки 16-1 от 2003 года. Внизу каждого бланка официальное наименование завода — Колчевский завод точного машиностроения «Точмаш».

— Ого, я знаю это место.

Виктор пролистал еще несколько папок, аккуратно переворачивая каждый листок, как будто это могло пригодиться. Ничего из написанного он не понимал, но сам факт того, что люди это писали, заполняли, складывали, а теперь оно просто макулатурой валяется на полу, его удивлял.

— Название на слуху. Я думал, тут еще работают...

На улице что-то зашумело, и Виктор, подкравшись к окну, высунул голову. Ничего не было видно. Звук исходил откуда-то сбоку и просто отражался от стены. Немного подумав, Виктор предложил:

— Пойдем на крышу попробуем залезть. Оттуда все будет видно.

— Мы там как на ладони, — опасливо заметил Иван.

— Тут этажей шесть, не с вертолета же нас будут искать.

Коридор выглядел совсем темным, и было удивительно, как они по нему могли бежать. Некоторые двери оказались распахнуты, и из проемов вяло тянулись полосы света, что позволяло хоть как-то ориентироваться. Все этажи выглядели одинаково, отличались лишь таблички и местоположение квадратных клумб с сухими стеблями цветов. Только добравшись до верха, Иван заметил, что в здании был лифт. На последнем этаже створки оказались раздвинуты, и ничего за ними не было видно: только мрак шахты, откуда тянуло прохладой. Виктор уже выбрался на крышу, аккуратно прикрыв железную дверь.

Вечерело. Солнце трусливо спряталось за облаками и лишь косвенно выдавало свое присутствие. Вся территория завода просматривалась отсюда великолепно, вот только с трудом можно было обозначить его границы: одинаковым длинным плоским корпусам не было конца. Многоэтажки по горизонту казались лишь частоколом, опоясывающим все живое. Теплый, почти летний ветерок подначивал снять верхнюю одежду и расслабиться, но Иван все еще чувствовал себя тревожно. Виктор ходил по краю и высматривал источник звука, пока тот не исчез.

— Это трактор вроде. Что-то ковырял рядом. Нам тут недалеко до остановки. Километра полтора.

— Транспорт еще ходит? — спросил Иван.

— Куда он денется, конечно.

Вспомнив, что в рюкзаке оставались пирожки, Иван полез доставать их. Сам он есть не хотел, но ради приличия решил предложить Виктору.

— Ба-а, что ты с ними сделал? — удивился тот, разглядывая сморщенный пакет.

— Раздавил.

— Вижу, что раздавил. На, держи.

Виктор вытащил кусок, приблизительно напоминающий размерами один пирожок, и протянул Ивану.

— Да что-то не хочется.

— Как это? Ну смотри... Спасибо.

Пока Виктор сжеживал из пакета питательные остатки, Иван оглядывался по сторонам и как-то нервничал.

— Скоро стемнеет, надо найти выход.

— Будем надеяться, что у забора не караулят.

Ивану хотелось верить, что все действительно будет спокойно, поэтому он первым вскочил, демонстрируя готовность выдвигаться. Виктор, выбросив пакет, вновь возглавил движение.

Вырванные с корнем турникеты поблескивали остатками хрома где-то у поста охраны. Пост же был забит фанерными вставками, которые, однако, не спасли стекла от «раскулачивания». Большие механические часы с белым циферблатом лишились стрелок и показывали безвременье. На полу лежали какие-то пластиковые панели, корпус телевизора и перевернутый аппарат по продаже газировки, как будто из старого фильма. Иван на всякий случай задержался в дверях и, только дождавшись, пока Виктор выйдет на пустырь и никого не заинтересует, стал его догонять.

Уходящее на покой солнце по-особому раскрашивало окружающую территорию. Болезненно-желтый закат еще хранил на себе отпечатки дня, в стеклах назойливо мельтешили яркие блики. На земле было уже ничего не различить, Ивану пришлось даже включить фонарик на телефоне, чтобы видеть дорогу. На удивление стало по-настоящему тихо, и каждый шаг, казалось, слышался за пару сотен метров. Пройдя весь корпус вдоль,

Иван бросил пучок света в направлении знакомого окна: мешки так и лежали нетронутыми.

— Ну что, понесли? — пошутил Виктор.

— Смешно.

— Да расслабься.

Дыра в заборе находилась там же, ничем не прикрытая. Никто и не думал поджидать за углом. Вскоре промзона закончилась. Рядом пахло залежавшимся мусором из переполненных контейнеров и гарью. Люди как ни в чем не бывало гуляли по вытоптанному газону, перетаскивали через огромную грязевую лужу коляски и окрикивали детей на велосипедах, чтобы те сбавили скорость. Ивану хотелось быстрее скрыться.

— Как мне до вокзала добраться?

— Зачем? — недоуменно спросил Виктор.

— Переночую в гостинице, завтра уеду.

— Да ты сдурел? Ко мне едем!

Иван замахал руками и головой одновременно.

— Не, не, хватит с меня!

— Это даже не обсуждается.

К остановке подъехал кряхтящий пазик и ждал пассажиров, устало булькая.

— Поднажми, это наш, — сообщил Виктор.

— Другой подождем, я не побегу.

— Уже восстановиться должен был. Бегом, бегом!

Иван и не думал бежать, а лишь слегка ускорил шаг, он действительно замотался. Виктор же на удивление быстро забрался в автобус и, сказав что-то водителю, высунулся из форточки. Торопиться не было никакого смысла — они сидели еще минут десять, пока салон не наполнился людьми. Дверь лязгнула, пазик рвано покотил в неведомом Ивану направлении.

Глава 18

— За два месяца ни копейки!

— Подожди...

— Чего ждать-то? Как тебя еще не выселили, удивительно!

— Ну, понесла...

— Снова за пенсией ездил? Не стыдно стариков обворовывать?

Иван лежал на раздвинутом кресле, высунув вспотевшие ноги из-под плотного махрового покрывала. Он старался вжаться в подушку, чтобы приглушить звуки с кухни, так как обсуждаемая там повестка явно его не касалась. Акустика была настолько хорошей, что каждая фраза словно ему и адресовалась.

— Ладно бы кошек там с улицы подбирал, а он бичей каких-то водить начал. Наследственность поперла?

— Можешь тише говорить?

— Ага, заткни меня еще, давай!

— Я не...

Женский голос сорвался почти в истерику.

— Ты Дашу с днем рождения когда поздравил?

— Поздравил ведь.

— Когда я тебе позвонила и сказала!

— Лучше так, чем...

— У тебя совесть есть или нет, Виктор? Ты в каком мире живешь?

Потолок комнаты был весь испещрен пятнами и разводами. Иногда они наслаивались друг на друга, становясь похожими на волны, горные хребты и широкие лесные массивы. При определенном желании можно было разглядеть самые разные силуэты, как в гуще кофейных отложений.

— Знаешь что? Хватит. Пока не увижу, что ты хоть немного взялся за ум, — на километр не подпущу. Понял?

— Права не имеешь!

— Ты много чего имеешь зато! Спасибо скажи, что снова в суд не иду!

— Возьми да подай! — огрызнулся Виктор.

— Тогда тебя еще и из квартиры выкинут. Съедешь на теплотрассу, вот будет хорошо, да?

— Не перегибай...

— Только знай: после такого ты вообще исчезнешь, я ни слова о тебе рассказывать не буду. Был человек — и нет. На хер такой нужен.

— Ну и сука же ты!

Раздался размашистый шлепок по щеке, выполненный ладонью знающего свое дело человека.

— Ай! — завыл Виктор.

— Я не шучу, понятно? Услышал? Ну?

— Услышал, услышал.

— Все! Желаю оставаться!

Громко хлопнула дверь, отчего на кухне зазвенела посуда. Иван понял, что опасность миновала и можно вставать, тем более сон отступил окончательно и бессмысленно было отлеживаться.

Виктор сидел за столом с пустым лицом, по которому нельзя было судить ни о настроении, ни о физическом самочувствии. Бледная, выражающая отрешенность физиономия. Увидев, не сразу, Ивана, Виктор оживился и дернулся за упаковкой чая, ждущей своего часа на холодильнике среди множества других пачек: черный, зеленый, каркаде, фруктовый... Иван опустил на свободное место и смотрел в одну точку, держась руками за голову.

— Что, башка болит?

— Да нет, — ответил Иван и сел правильно, потому что никакой причины держаться за голову не было. Разум его был на удивление свеж и не затуманен.

— Какой будешь?

— Любой...

— Тогда малиновый.

Виктор извлек последний в пачке пакетик. Себе же он развел обычный черный.

— Ты это, извини за сцену. Я не думал, что она сейчас именно заявится.

— Забей, понимаю.

Иван легко вздохнул, потому что просто захотелось. Виктор принял это на свой счет и тоже вздохнул. Нацедив кипяток из почти пустого чайника, Виктор без лишних вопросов сыпанул по две ложки сахара каждому.

— Каковы дальнейшие планы? — спросил он.

— Не знаю пока...

— А как же друзья?

— Какие? — спросил Иван.

— Ну, ты с вокзала рвался куда-то...

Отпив мутной жидкости из стакана, Иван поморщился.

— Да какие друзья... Я тут в первый раз. Просто не хотел ввязываться.

— Не зря, как выяснилось.

Резко повернувшись к Виктору, Иван заявил:

— Говорил же! Очевидно ведь, что такое хорошим не заканчивается.

— Н-да...

Виктор достал из шкафа измятый кулек желтого печенья и поставил к чаю. На вид оно было самое обычное, но отсутствие вкуса и излишняя сыпучесть выдавали почтенный возраст.

— Так, а чего ты сюда приехал тогда?

— Просто.

— Кто ж просто приезжает? — удивился Виктор.

— Ну вот я, получается.

Виктор не унимался.

— Совсем без цели?

— Можно и так сказать.

— А как же работа там, все такое?

Иван хрустнул печеньем, середину которого оказалось не так просто разгрызть. Резкой болью отдало в зуб.

— По... подождет. Иногда отдыхать надо.

— Хм. Это правильно.

— А ты сам что? Чем занимаешься? — из вежливости спросил Иван.

— Да всяким... — вяло ответил Виктор. — Ищу себя.

Фраза понравилась Ивану. Особенно учитывая, что сказана была уже далеко не подростком.

— И как успехи?

— Так...

Поместив чайник в потертую железную раковину, Виктор развернул кран на все обороты, отчего тот сначала запнулся и дернулся в конвульсии,

но затем все же одумался и принялся обрызгивать все вокруг. Немного доставалось и чайнику.

— Нас ведь вчера правда могли поймать, — засмеялся Виктор, пытаясь сменить тему.

— Это смешно разве? — не понял юмора Иван.

— Да что бы они сделали? Охрана обычная, чоповцы. Максимум вмазали бы по роже разок.

— Тогда чего ты первый рванул?

— Я? — возмутился Виктор.

Расплескав излишки воды по полу и плите, Виктор водрузил чайник на конфорку.

— Ну а кто?

— Да я наши жопы спасал! Залезли бы они в окно, и что дальше? Так хоть снаружи остались.

— Нашелся герой... — сказал Иван.

Когда очередной стакан чая был допит, а все печенья съедены, на кухне повисло молчание. Каждый думал о своем и смотрел в произвольную точку, не поднимая глаз. Виктор сдался первым, ушел в комнату и долго шарился в кладовке. Ивану хотелось собраться с мыслями и спланировать свои действия. Знакомство с городом определенно не выдалось, и стоило двигаться дальше, но настроения прыгать по поездам он пока себе не нагулял. Возможно, самый лучший вариант — это купить дешевый плацкарт куда-то на юг, где комфортная погода и бесперебойное снабжение фруктами, от которых ломятся прилавки и ветви плодоносящих деревьев.

У Ивана было своеобразное представление о юге: гиперболизированные подростковые воспоминания, помноженные на рассказы знакомых и кинофильмы, зачастую зарубежные. Иван не боялся разрушить этот образ, даже немного стремился к этому. С другой стороны, приближался туристический сезон, и цены на билеты росли по экспоненте. Правда, все последние дни он так или иначе двигался к югу, пусть и не напрямиком. Ивану вдруг пришло в голову проинспектировать свою финансовую состоятельность. Он зашел в комнату за рюкзаком, вынул оттуда кошелек.

— Ван моумент, — сказал Виктор, не поворачиваясь. Он разложил по полу какие-то банки и коробки, сиюсь что-то разыскать.

Содержимое кошелька озадачило Ивана сильнее, чем он мог предположить. И без того небольшая сумма, с которой он уехал, стала до того скромной, что на мгновение на щеках и лбу проступили капли холодного пота. Потеряв счет деньгам, он забыл, что те имеют свойство уменьшаться, в особенности при совершении покупок. Путем нехитрых приближенных калькуляций Иван пришел к выводу, что средств ему хватит ориентировочно на один железнодорожный билет плюс пару раз перекусить. Это как-то совсем рушило любые его планы.

— А вот и я!

Виктор радостно ввалился в кухню и демонстративно бахнул на стол две бутылки без какой-либо этикетки. В одной содержалась прозрачная жидкость, в другой — темная, похожая на вино.

— Подумал тут... ведь я тебя втянул в эту авантюру, поэтому, хоть и не считаю себя виноватым, желаю загладить произошедшее... Вот.

— Что это? — недоумевал Иван.

— Сейчас узнаешь. Так, стаканы...

Виктор пошел к шкафу и искал более-менее приличный стакан. Иван наблюдал за ним.

— Я вообще к выпивке не очень.

— Да и я. Видишь, сколько искать пришлось, — оправдывался Виктор.

— Нет, в смысле я не...

— Ладно, погоди.

Виктор снова ушел в комнату, Иван пододвинул прозрачную бутылку: пластиковая полторашка никак не могла содержать в себе что-то приличное. Стеклянная тара с темной жидкостью выглядела неплохо, но вместо крышки там была забита пробка от шампанского, обмотанная тканью.

— Так-то лучше, — радостно произнес вернувшийся Виктор.

Тонкий хрустальный фужер наполнялся чем-то не совсем ясным, на тарелке рядом лежали нарезанный сыр, сморщенные помидоры и вполне приличные огурцы, лишь чуть кривые. На праздничный фуршет это походило меньше всего, но Ивану не хотелось так уж сразу обидеть нового знакомого. Поэтому он взял фужер и стал вертеть его в руках. Содержимое от этих действий стало оседать на дно седым налетом.

— Ну, давай за знакомство, дружок, — чокнувшись, Виктор опрокинул фужер в один присест и потянулся за огурцом. Иван не успел даже среагировать, продолжая сидеть с фужером в руке.

— Это... сервиз бабкин. Меня всегда раздражало, что посуда просто стоит... место занимает, — вот, решил взять, — пояснил Виктор.

Была все же у алкашей какая-то нездоровая тяга к красивой посуде. В целом Иван разглядывал не столько сервиз, сколько жидкость, в него налитую. Пока он собирался с мыслями, Виктор уже долил себе из пластиковой бутылки и готовился к очередному тосту.

— Теперь твоя очередь, — сказал он.

— За... родителей, — вспомнил Иван совершенно банальный тост, которым свойственно подстегивать любые застолья, и, зажмурившись, залил в себя все разом. От ожидания чего-то очень плохого он даже придерживался за стол, но, к его удивлению, ничего не произошло — мягкая безвкусная вещь растеклась по организму незаметно.

— А что это? — спросил Иван.

— Нравится?

— Довольно... легкое что-то.

Виктор тронул бутылку и с важным видом начал:

— Это самогон, какой-то особый рецепт... я не очень знаю. В деревне у родичей соседка промышляет этим, вот подарила, давно еще.

— Мм, — показал свою вовлеченность в разговор Иван.

— Она всю улицу снабжает каким-то пойлом, а для своих делает вот такой, настоящей... Так, не засиживаемся.

Налив себе третий, а Ивану второй фужер, Виктор решил забросить идею с тостами и просто чокаться.

— Только не сильно, посуда хрупкая, — предостерег он.

Второй раз оказался еще легче, будто льешь в горло застоявшуюся воду. Иван решил вовремя завершить трапезу.

— Мне хватит, я свой лимит выбрал.

— Бог троицу любит. Ты выпил два.

— Считаешь? — упрекнул Иван.

— Чего тут считать, не деньги же, — улыбнулся Виктор и приготовился хлопнуть четвертый.

Звон хрупкого стекла, опрокидывание — и вот третий фужер опустел. Иван обрадовался, что так легко отделался, даже без огурцов с помидорами.

— А где у тебя туалет?

— Да вон прямо, тут сложно потеряться, — направил рукой Виктор.

Действительно, квартира довольно скромных размеров и потеряться в ней при всем желании не вышло бы. Вчерашним вечером Ивану не хватило сил хоть что-то в ней оценить и запомнить. Санузел оказался совмещенный, и в нем было нагромождено какое-то немислимое количество хлама: швабры, терки, губки, целый стеллаж с банными принадлежностями, тазы, ведра, на веревках висели половики. И все пыльное, мутное, грязное — складывалось впечатление, что тут давно никто не жил. Ивана особенно позабавила пачка порошка, стоявшая на самом видном месте, — рекламу этого порошка, с такой этикеткой, показывали не позднее восьмого класса школы, а то и раньше. Вот стопка желтых газет — Иван решил посмотреть дату издания. Тусклый свет мешал сфокусироваться на тексте, мелкие буквы лишь плыли общим потоком. Плюнув на это дело, Иван положил газеты обратно и, завершив необходимое, вышел из туалета.

Сделав только лишь шаг в коридор, он понял, что с ним что-то не то: взгляд не фиксируется даже на больших предметах, тело словно потеряло свой вес и норовит куда-то уплыть, а ноги хоть и слушались, но были какие-то не такие. Медленными шажками вернувшись на место, Иван увидел, что в его фужере уже снова что-то налито.

— Сказал же: не буду!

— Я и не настаиваю. Пусть стоит.

Виктор тем временем выпил еще и тоже притормозил. Он скрестил кисти рук, положил их на стол и внимательно посмотрел на Ивана. Так обычно делают люди, которые хотят начать долгий и утомительный разговор. Однако ничего за этим не последовало — он словно давал возмож-

ность Ивану задать любой интересующий того вопрос. Не то чтобы Иван этого хотел, но раз уж настаивают...

— Ты тут живешь? — глупо сформулировал он.

— Живу вроде как. Не похоже?

— Просто... как-то несколько... запущенно.

Виктор взял кусок сыра и стал сворачивать в трубу.

— Да я не всегда здесь. Иногда уезжаю...

— Интересно.

— Не особо, на самом деле.

— Ну ладно, — согласился Иван.

Седого налета в фужере уже не было видно, да и сама жидкость как будто стала прозрачнее и чище. Иван зачем-то дунул в него, вызвав легкую рябь.

— Знаешь... иногда просто хочется, ну, — Виктор закинулся сырной трубкой и как будто специально долго ее пережевывал, подбирая слова, — другого чего-то. Не такого, как есть сейчас. Нового.

— Свободы? — предположил Иван, стуча пальцами по краю стола.

— Жизни.

Иван криво посмотрел на плывущую фигуру Виктора, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— Когда ты каждый день просыпаешься, выходишь на улицу, разводишь руками, — Виктор развел руками, — и улыбка появляется на твоём лице. Не потому, что ты дебил или там невроз какой словил, а так... искренне.

— Тебе же никто это не запрещает делать, — заметил Иван.

— Да, но смысл?

— Раз хочется.

— В том-то и дело, что не хочется, — с грустью произнес Виктор.

Иван вдруг схватил фужер и набрал полные легкие воздуха. Ему хотелось сначала сказать какой-то умный и возвышенный тост, но в последний момент он передумал.

— Ж... За то, чтобы всегда хотелось!

Виктор даже не успел ничего себе налить и просто чокнулся пустым фужером. Ивана это нисколько не смутило.

— Надо для этого... менять что-то, понимаешь?

— Да понимаю... Одно дело балаболить... за столом, а другое — делать. Это ведь... не так просто, — разворачивал мысль Виктор.

— Начни! — несколько громче ожидаемого вскрикнул Иван.

— Сколько раз я это слышал... — Виктор поставил под стол пустую пластиковую бутылку и взялся выковыривать пробку из стеклянной. — Как будто сам не понимаю.

Вторая бутылка пошла в ход очень естественно. Она была меньше по объёму, но по характеру содержимого такая, что без закуски и передышки сломит даже опытного бойца.

— Это коньячная настойка с местного завода «Спиртпром». У меня раньше друг там работал, постоянно таскал, — сообщил Виктор, хотя

Ивана уже это мало волновало. Все же он для поддержания беседы сформулировал вопрос:

- Работал?
- Больше не работает.
- Чего так?
- Профессиональная деформация, — поставил диагноз Виктор.
- Хм.

Ивану захотелось поделиться деталями своей поездки, но он не мог придумать, с чего начать. Поэтому начал говорить обо всем сразу и по чуть-чуть.

— Я ведь взял и изменил. Сам. Взял и все поменял в жизни. Надо-ели эти проблемы... Глупые, не понимающие ничего люди...

- Это ты о чем? — заинтересовался Виктор.
- О ком. О себе! — Иван похлопал себя по груди.
- И что ты поменял?
- Все... Свалил из города!

Виктор посмотрел на Ивана совершенно трезвыми глазами.

- Вот так перемена, — саркастично произнес он. — Сюда?
- Да не... это просто случайная точка. На пути... к другому.
- Ты скопил денег? Или что? От работы-то вон как отбрыкивался.
- На еду есть немного... было, точнее. А так я больше не трачусь. Эти объяснения все сильнее запутывали Виктора.

— А билеты? Или ты автостопом?

— Автостоп, кстати, хорошая идея... Но там надо с людьми общаться, мало ли кто попадет. Все куда проще.

— На электричке-то ты ехал не бесплатно, романтик?

— Да я просто устал в вагонах трястись, поэтому решил электричкой...

Незаметно Виктор долил обоим коньячной настойки. Иван, не задумываясь, осушил фужер, закусил огурцом и сморщенным помидором.

- Ничё не пойму. На чем ты едешь?
- На... грузовых.
- Поездах, что ли? Товарняках? — не унимался Виктор.
- Ну, — утвердительно кивнул Иван.

Виктор нелепо перекошил лицо, пытаясь скрыть удивление.

— Да ладно. Ты?

Иван встал в позу, соорудив серьезную гримасу.

- Что значит «ты»?
- Просто... ты не очень похож на такого человека.
- Ну, все теперь...
- Как это вообще обставлено? — расспрашивал Виктор.
- Сел и поехал, как еще...

Некоторое время они просто сидели и смотрели на стол, на пустые тарелки, на почти закончившуюся вторую бутылку. Весенний день за окном расцвел, с улицы доносились разноголосые птичьи вопли и гуденье

проезжающих вдоль дома машин. Природа твердо взяла курс на лето и последовательно к нему шла.

— Покурим? — неожиданно для себя предложил Иван.

— Можно.

Виктор взял с подоконника надрезанную алюминиевую банку и поставил на стол.

— Нет, на улице.

— Тут не вагон, я разрешаю.

— Погода вон какая. Чего сидеть в стенах, — настоял Иван.

— Ох... ну идем.

Лавочка у клумбы оказалась занята тремя бабками. Иван встал на крыльце, прислонился к доске объявлений и готовился получить сигарету. Его взгляд случайно пересекся с бабками: их внимательные лица что-то оценивали, а глаза были чуть прищурены, как у кошек.

— Здравствуйте, — только и успел произнести Иван, потому что Виктор за рукав потащил его прочь от подъезда.

— Здравсьте, — хором произнесли бабки.

Виктор и Иван завернули за угол пятиэтажки и сели на какие-то бревна с прибитыми криво досками, которые кто-то любезно водрузил между двумя железными гаражами, зеленым и синим. Достав пачку и передав Ивану, Виктор смотрел на испсанную черным баллончиком стену дома.

— А ты? — спросил Иван.

— Не хочу пока...

— Сели бы у подъезда, чего тут-то.

— Да там эти. Ну их, — объяснил Виктор.

Сделав пару затяжек, Иван снова закашлялся и решил больше не пробовать. Вместо этого он вертел сигарету перед собой, вдыхая слабую струю дыма и глядя, как равномерно тлеет бумага. Предполагая, что на улице алкоголь лучше выветрится, Иван с досадой отметил, что скорее наоборот — тут он еще сильнее ощущал себя пьяным. Правда, тело кое-как его слушалось, а вот мелкая моторика от спиртовой интоксикации пострадала.

Недалеко от гаражей то и дело ходили — натопанная тропинка вела куда-то в соседний двор. Выбросив потухший окурок в кусты, Иван продолжал чувствовать запах дыма — он совсем не заметил, как Виктор закурил. Взгляд его все так же был обращен к расписанной пошлостями стене, но вряд ли он всерьез ее разглядывал.

— Знаешь, что хочу?

Было похоже, что Виктор разговаривал сам с собой, однако вопрос адресовался Ивану. Он понял это не сразу.

— Знаешь? — повторил Виктор.

— Чего?

— Уехать отсюда к чертовой матери. Вот прямо все бросить и уехать!

— Ты ведь и так периодически уезжаешь, сам говорил.

Повернув голову, Виктор с досадой посмотрел на Ивана.

— Да куда там. К родителям в поселок только.

— Тоже нормально.

— Что ты там про... товарняки говорил?

— Ничего, — выдохнул дым Иван.

— Нет, что-то точно было...

Виктор вдруг вскочил, уронив на себя пепел с сигареты.

— А давай я с тобой поеду?

— К-куда? — не ожидая такой прыти произнес Иван.

— У тебя же есть дальнейший план?

— Не особо...

— Мне без разницы. Лишь бы развеяться. А там, глядишь, и осяду где, — начал тараторить Виктор. Видно было, что он загорелся идеей и аж изменился в лице, вытравив из себя весь алкоголь...

— Надо подумать. Я не решал еще.

— Давай решай, чего время тянуть!

Иван делал вид, что сложные мыслительные процессы циркулируют в его голове, однако даже не заметил, как снова оказался в квартире на стуле возле пустого фужера. Виктор ходил по кухне и что-то неразборчивое тараторил себе под нос. На секунду Ивану показалось, что он не выходил на улицу и никакого разговора не было.

— Что с собой брать нужно?

— Что? — словно повторяя для себя, сказал Иван.

— Ну, вещи?

Ивана этот вопрос застал врасплох, и он не мог на него адекватно ответить.

— Ни... ничего.

— То есть как это? Тросы там...

— У-ух... какие тросы, — Ивану совсем не хотелось говорить, и каждое сочетание слов давалось ему тяжело, — рюкзак возьми.

— Хм.

Виктор перестал ходить по кухне, ушел в комнату и вскоре вернулся.

— Ты это серьезно? — спросил Иван, глядя на него.

— Другого нет.

На плече Виктора висел маленький ранец, с которым пятиклассники ходят в школу: розовый, с изображением каких-то животных, был он в полиэтиленовой упаковке, совсем новый.

— Подтяжки надо еще и очки!

— Зачем? — на полном серьезе спросил Виктор.

— Чтобы точно педофил.

— Тьфу ты, да хватит, что ли!

Иван засмеялся.

— Спросит тебя полицейский: у кого украл?

— Скажу, купил. Правда ведь.

— Кому? Себе?

— Мало ли кому. Ребенку.

— Ты-то не ребенок... — Иван уткнулся лицом в стол и закрылся руками. — С пакетом иди.

В голове все смешалось окончательно: спать одновременно и хотелось, и нет. Тяжелым грузом она лежала на столе и вяло поглядывала, как Виктор собирает в черный пакет какие-то ложки и чашки. Уже не было твердой уверенности, что это не сон.

— Когда выдвигаемся? — спросил Виктор.

— Мы разве... что-то решили?

Виктор подошел к столу и в упор посмотрел на Ивана.

— На улице же все обсудили. Ты чего?

— Да... пожалуй, мне лучше прилечь.

Иван пошел в комнату, стараясь держать себя прямо. Благо идти было недалеко.

— Так когда?

— Завтра, — наобум сказал Иван, лишь бы не думать.

— Полдня еще впереди, чего ждать?

— Не... торопись.

Упав на незаправленную постель прямо в одежде, Иван несколько минут покружил под потолком между горных хребтов и лесных массивов, а затем отключился. Солнечный весенний день на улице еще всю гулял.

Глава 19

Стародавняя поговорка гласит: утро вечера мудренее. С этим спору нет, любой человек рано или поздно проверяет ее действие на себе и тихо удивляется простоте и ясности мыслей наших далеких соплеменников. Но мудренее ли вечер дня? Иван на этот вопрос вряд ли бы ответил утвердительно. Провалившись в беспмятстве всю продуктивную часть суток, он открыл глаза от резкого шороха прямо у своей головы. Виктор забросил черный пакет в тумбочку рядом с креслом, вдобавок картинно хлопнув дверцей.

— О, продрыхся? Давай вставай!

Несколько секунд Иван, как это обычно бывает, отходил ото сна, нехотя вспоминая, что происходит. Постепенно память вернулась к нему, и он жалобно охнул. За окном уже рыжело, и огненные языки отхватили значительную часть потолка. Виктор аккуратно складывал вещи в ранец, даже не вынув его из упаковки. Он увидел, как Иван за этим наблюдает.

— Да я подумал, что руки свободные должны быть, а с пакетом все ж неудобно...

Иван медленно сел.

— Полиэтилен хотьними.

— Да, да, — пробубнил Виктор.

Сборы прошли в таком оперативном темпе, что, дважды зевнув и один раз закрыв глаза, Иван уже шел по вечерней улице, ведомый

какими-то козьими тропами через грязные поляны и кусты. Жилые участки они обходили исключительно сзади, так что дома можно было наблюдать по большей части с исподней стороны, иные здания были в настолько унылом состоянии, что даже Иван это приметил, хотя особо головой не вертел.

Спустя примерно полчаса блужданий он все же решил поинтересоваться у своего спутника, куда они идут.

— На железную дорогу. Я подумал, что к вокзалу нам нет смысла идти, надо искать менее людное место.

— Это ты правильно подумал, — заключил Иван.

— Да пришли почти.

На всем пути их следования пейзаж почти не менялся: старые жилые районы, что можно пройти насквозь вытоптанными напрямую дорожками, минуя магазины, большие парковки и развязки. Иван не очень понимал причин конспирации, однако не возражал: с таким рюкзачком и правда лучше всех сторониться. Немногочисленные местные жители, которые все же оказывались на тропе, предпочитали разглядывать грязь под ногами и внимание свое не рассеивали. Впереди показался пустырь, сразу за ним виднелась однопутная железная дорога. Тропа же шла насквозь и уходила вглубь частного сектора, металлические крыши которого поблескивали в последних лучах солнца.

— Здесь что-то ездит вообще? — спросил Иван.

— Должно. Я тут давно не был.

Виктор отошел в сторону, чтобы пропустить мужика в сером пальто, тянущего доверху набитую сплюснутыми картонными коробками детскую коляску. Он аккуратно перетаскивал ее через рельсы, стараясь ничего не уронить. Иван пошел прямо по путям, желая скрыться из вида.

— Пошли, чего стоишь?

Мужик наконец укатил коляску вниз по насыпи, и Виктор медленно двинулся за Иваном, шагая рядом с рельсами. Деревья вяло скрипели своими еще лысыми ветвями.

— Какое-то сомнительное место, — поделился Иван своими наблюдениями.

— Почему?

— Ну, подъездной путь, — объяснил Иван.

— Это плохо? — не понял Виктор.

— Увидим.

Они топали куда-то, надеясь выбраться на более оживленную железнодорожную магистраль. Иван двигался по рельсам, умело переставляя ноги и держа тело в равновесии. Не то чтобы он много практиковался, просто хотелось показать себя знающим да и хоть чем-то занять. В темноте это становилось трудной задачей, и приходилось идти медленнее. В любом случае это было куда удобнее, чем плестись по шпалам. Бросив все попытки переступить через одну, Виктор семенял короткими шажками, наступая на каждую.

С правого края дороги за высоким забором с плотной колючей проволокой однообразно, низким басом шумели громоздкие квадратные сооружения с вентиляторами. Прожекторы на высоких столбах в основном освещали внутреннюю территорию, но часть света падала на дорогу, что значительно упрощало передвижение.

— Скоро она кончится?

— Не знаю, так далеко я не заходил, — честно сказал Виктор.

Тюремный забор резко ушел в сторону и стал удаляться прочь от железнодорожного полотна. Снова стало темно, и пришлось идти на ощупь. Лай сторожевых собак постепенно затих, отражаясь от бетона редким эхом где-то за спиной. Впрочем, прогулка продолжалась недолго.

— Вот и пришли, — сказал Иван грустно.

— Говно.

Дорога упиралась в какое-то предприятие и была перегорожена железными воротами. Ржавыми, но вполне используемыми. На территории горел свет и стояло много контейнеров, за которыми сложно было что-то разглядеть.

— Открывай, короче, карту, надо искать нормальный вокзал.

— Где я ее возьму? — не понял Виктор.

— В телефоне.

— Ну, держи.

Виктор передал телефон, и Иван разглядывал его с видимой брезгливостью.

— Нормального у тебя нет?

— А это какой?

— Как бы тебе сказать...

Кнопочный аппарат неизвестного китайского бренда был слегка потрепан, но в целом выглядел неплохо. Вот только помощи от такого не дождешься.

— Тогда своим ищи, — настоял Виктор.

Не хотелось Ивану ничего в своем телефоне искать. Ведь пришлось бы его включить, а с каждым днем это становилось сделать сложнее. Сколько пропущенных вызовов, сколько сообщений одновременно придет? Конечно, бесконечно так продолжаться не могло...

— У тебя и интернет не подключен? — спросил Иван, как будто этот телефон был способен на что-то помимо звонков.

— Интернет на компьютере дома.

— Не видел что-то я там компьютера.

— Ноутбук, в комнате лежал. Значит, не обратил внимания, — заключил Виктор.

Решение обойти предприятие вдоль забора пришло само собой — не возвращаться же назад. Заодно кто-нибудь да подвернется, подскажет маршрут. Вот только обходить было прилично: забор то тянулся прямой линией, то извивался кривыми сегментами. По темноте оставалось идти только направо, то и дело утыкаясь в коряги и плиты с торчащими

пряжками арматуры. Иван уже успел пожалеть о своем решении не возвращаться.

Через некоторое время они выбрались на грунтовую дорогу и молча шли по ней, ориентируясь лишь на развешанную по горизонту гирлянду огней многоэтажек. Пару раз мимо них проехал бортовой КамАЗ, причем один и тот же: видимо, он загрузился чем-то на одном из предприятий за забором, потому что возвращался куда медленнее и чадил сильнее. Иван подумал, что неплохо было бы остановить грузовик, но вставать на пути такого монстра при плохой видимости не хотелось. Едкий серый дым виднелся даже в темноте: он медленно оседал к обочине и стелился в низине. Запах солярки продолжал чувствоваться даже после того, как красные сигналы скрылись из виду. От него неприятно першило во рту и даже слезились глаза. Первоначальное рвение Виктора тоже куда-то улетучилось, по крайней мере, шуточных комментариев без повода он уже не отпускал, шел, погруженный в неясные размышления, и, казалось, мечтал о неизведанном. Когда грунтовка плавно перетекла в детскую площадку многоэтажной новостройки, Виктор подошел к двери подъезда, прочитал адрес и устало вздохнул.

— Ну? — спросил Иван.

— Далеко ушли.

— Насколько?

— До хрена. Тут никакой железной дороги точно нет.

Иван огляделся по сторонам. Кроме одинаковых панельных и кирпичных коробок, вокруг не было ничего. Фонари отражались в стеклах автомобилей и светили тускло, как вымазанные маслом, едва позволяя разглядеть силуэты окружающих объектов. Неудивительно, что улица была абсолютно пустой: никому в голову не приходило гулять здесь ночью. Даже стрельнувшая пучком ближнего света машина, забравшись на единственное свободное место посреди газона, казалось, приехала самостоятельно и просто затихла. Только писк домофона позволил отследить незаметную тень ее владельца, скользнувшую в приоткрытую щель подъездной двери.

— То есть ты думал, что по однопутной заросшей дороге к промзоне что-то может ходить?

— Ну да. Разве не так?

— Как видишь, нет... Куда теперь? — поинтересовался планами Иван.

— На маршрутке до вокзала, а там уже сам смотри.

В своем городе Иван точно знал, как и куда добраться даже ночью, пешком и с другого конца. Его начала напрягать эта неорганизованность и неопределенность, но он быстро остыл. Забравшись в одиноко стоящий на обочине «форд-транзит» с трехзначным номером маршрута, он наблюдал за сонным городом, ни о чем не думая. Даже протянутая Виктору мелочь так и осталась лежать в ладони.

— Я тебя не туда завел, я и заплачу.

Всю дорогу до вокзала они ехали в почти пустой маршрутке, и только две женщины в том возрасте, когда непонятно, можно ли уже называть их бабушками и при этом не обидеть, о чем-то вполголоса бубнили.

— Это разве тот вокзал?

Иван стоял на тротуаре возле остановки и оглядывал большой светящийся овал с огромными окнами, у входа в который припарковано было несколько желтых таксомоторов и бродил рассеянно какой-то деклассированный элемент. Его выдавала странная походка и тот факт, что водители бесцеремонно отгоняли его от машин, не давая высказаться.

— До того с пересадкой ехать. Этот тоже нормальный, недавно построили, — с некоторой гордостью заявил Виктор, будто он единолично его возвел.

— Какой-то слишком прозрачный, — попытокнул Иван.

Присев на лавочку возле круглосуточного супермаркета и сняв рюкзак, Иван стал излагать Виктору план дальнейших действий.

— Посиди тут, я схожу посмотрю расписание поездов и нужные нам пути. Задача — ехать южнее, надо удостовериться.

— Может, я пока в магазин заскочу? — предложил Виктор.

— Заскочи, но лучше не... — взгляд Ивана снова зацепился за розовый ранец. — Давай я на вокзале куплю. Или потом. Не светись.

— Да что такого-то? — недоумевал Виктор.

— Лишнее внимание нам ни к чему.

Оставив Виктора на лавочке, Иван быстрым, но уверенным шагом перешел дорогу и зашагал вдоль здания вокзала к единственному входу. Через прозрачные панорамные стекла было видно, что людей в зале ожидания почти нет, и он легко приметил женщин из маршрутки, сидящих рядом с пригородными кассами.

— Зём, накинь червонец на троллейбус, а? — отчеканил заученную фразу деклассированный элемент.

— Извини, налички нет, — ответил Иван, не желая потакать попрошайкам. Хотя мелочь, не уплаченная в маршрутке, продолжала греметь в кармане.

— Ага, все вы такие...

На входе стояла рамка металлодетектора и лента для сканирования багажа, но так как Иван был налегке, то рассчитывал проскочить ее быстро и уже всматривался в табло, висевшее в центре зала.

— Молодой человек, назад.

Противнобрякнувшая рамка показала красный сигнал, и Ивана развернули. Основывая свое поведение на опыте общения с работниками привокзальной полиции, он сразу, с порога хотел показаться максимально дружелюбным.

— У меня ничего нет, — глупо улыбнувшись, произнес Иван и сразу же себя возненавидел.

Средних лет мужчина с короткой стрижкой и начисто выбритым лицом улыбнулся ему в ответ.

— Курточку расстегните.

Подчинившись воле сильнейшего, Иван стал плавно опускать замок вниз, лишь бы его не заклинило. Полицейский внимательно наблюдал за этим затянущимся перформансом. Наконец, Иван распахнул куртку и продемонстрировал подкладку и потертую водолазку. Ожидая какой-то реакции, он даже немного онемел. Мужчина, видимо, понял это и несколько секунд ему подыгрывал. Затем спросил:

— Оружие, наркотики есть?

— Нет, — отчеканил Иван таким убогим тоном, что стал себе противен.

Опытный взгляд полицейского сложно затуманить и уж тем более обмануть. Он аккуратно направил жезл к карману.

— Телефон в корзинку положите и проходите.

Иван выложил выключенный смартфон, спокойно прошел через детектор и двинулся к табло. Он чувствовал какую-то обиду и жалость к своему ничтожному «я», которое, пресмыкаясь перед очередным человеком в погонах, выглядело посмешищем и вело себя соответствующе.

Долго вглядываясь в расписание поездов, которых было пять штук, Иван не мог даже примерно понять направление их следования. Эти населенные пункты были совсем ему незнакомы. Без карты и навигации, конечно, подобные вопросы решать проблематично. Иван сам загнал себя в эти ограничения, словно выставив дополнительную сложность в и без того непростой игре. Логично рассудив, что, раз уж он попал на вокзал, надо разузнать по максимуму, Иван двинулся к двум женщинам из маршрутки, как будто их совместная поездка была обязательством к помощи. Они сидели к нему спиной, так что Иван решил сначала обойти их и встать лицом, затем говорить.

— Здравствуйте.

Ответа не последовало.

— Не подскажите, какой из этих поездов движется на юг?

Одна из женщин вяло повернула голову в сторону говорящего.

— Это в Казахстан, что ль?

— Нет, к морю.

Вторая женщина отрывисто засмеялась, как кикстартер мопеда, что разом выдало в ней истинный возраст.

— Это электрички, милый мой. Вам не сюда.

Поняв, какую глупость спросил, Иван вышел на противоположную сторону вокзала, к первому пути. Единственная электричка тихо тарахтела в середине станции. Было видно, как ходит по кабине машинист. Створки дверей были открыты, свет в салоне включен — людей не наблюдалось. Двинувшись вдоль перрона, Иван пытался найти хоть кого-то, пускай даже из работников. Легкий весенний ветер незлобно холодил лицо, подбадривая засыпающий организм, бубнящий вдалеке маневровый тепловоз даже не включал прожектор — все вокруг спало, хотя до полуночи было еще порядочно.

Иван уже слез с перрона и шел вдоль технических построек, низких, наспех заштукатуренных в местах трещин, пока не увидел между вторым и третьим путями дымящуюся каптерку. Нырнув под сцепку путеизмерительного и почтового вагонов, чтобы далеко не обходить, он оказался прямо перед скромной деревянной дверью. Обойдя постройку сбоку, он заглянул в мутноватое окно без шторы и увидел маленький настенный телевизор, сквозь помехи показывающий еле различимый сериал. Аккуратно постучав по стеклу, Иван вызвал в каптерке шевеление.

— Ты кто?

Помятый мужик с недельной щетиной, большими ноздрями и лысиной смотрел на Ивана вопросительно. Из-под расстегнутой оранжевой спецовки торчал частично заправленный вязаный свитер, весь в комьях от стирки.

— Добрый вечер. Я хотел узнать, как...

— Информ-касса тут, чё ли, тебе? — перебил Ивана мужик.

— Ну, я подумал...

— Ты сюда попал как? — спросил мужик.

— Пришел.

— Молодец, шо не прилетел. Ну?

Иван сделал паузу и вдохнул воздух с перегаром.

— Какой из этих путей движется на юг?

— Чё?

— Ну, из тех, что есть на станции. Какой поезд мне нужно... взять.

Билет, в смысле...

Мужчина почесал подмышку, странно цыкнул и переменял опорную ногу, встав другим боком.

— Ни хрена чёт я не пойму, тебе надо-то куда?

— На юг. Южный. Направление. Как туда попасть?

— Ох, заходи, не рублю чёт ничё я.

Иван оказался в каптерке и сел на пожеванную с краев табуретку, рядом с маленьким столом, примыкающим вплотную к стене. На засаленную клеенку не хотелось даже облокачиваться. Пахло пылью, сладковатым алкогольным душком и мазутом. На стенах висели обрывки старых карт. Дальний правый угол был весь закрыт полотном фотообоев с изображением соснового леса.

— Какой из путей на данной станции ведет к южному направлению? — отчеканил Иван максимально размеренно и понятно, как мог.

— Тэк...

Мужик убавил громкость телевизора, плеснул в чашку минеральной воды из полторашки.

— Электрон без четверти одиннадцать отчаливает. На вокзале б и узнал.

— А какой это путь? Мне электричка не очень нужна, — аккуратно лавировал Иван.

— Тута теперь ток пригородные. Двигай на главный тогда, в центр.
 — Все-таки юг — это вперед или назад?

Иван показал направления рукой: за спину, к фотообоям, и к двери.

— Ты хто такой-то? За кой черт ты это выведываешь?

— Турист.

— Шпионишь? — сказал мужик и надул лицо воздухом докрасна, приподняв кулак, что выглядело, однако, комично.

— Путешествую.

Мужик плеснул остатки минералки в бокал и мгновенно его осушил. Затем оценивающе оглядел гостя.

— Дак товарняки тебе, чё ли, нужны?

Иван заерзал по табуретке.

— Н-ну... можно и так сказать.

— Пфф, чё мямлить-то стока было?

Встав из-за стола, мужик толкнул дверь и оказался на улице. Оглядевшись по сторонам и тяжело харкнув на гравийную отсыпку пути, он скрылся из виду. Постепенно приближался грохот маневрового тепловоза, от его низкочастотных бурлений затряслись стены и по-комариному запищало стекло в деревянной раме единственного окна. Иван разглядывал, как преломляется мерцающий свет телевизора в помятой пластиковой бутылке, пока однократный свисток тифона не заставил его дрогнуть. Через приоткрытую дверь был слышен приветственный окрик. Вскоре мужик вернулся, на ходу заправляя свитер в широкие утепленные штаны, взял с полки листок А4 и швырнул на стол.

— Товарняки тута не останавливаются, идут сквозь до Грядино... У тебя чёт и мешка никакого нет.

— Налегке, — сообщил Иван.

— Вот тут, версты четыре иль пять от станции, есть кривая. Перед мостом. Рельсы там послужат еще, но поворот шибко резкий, поезда там всегда семят, как куры.

— То есть к мосту ийти?

— Да, мост старый, но хороший, царя небось помнит. Эти олухи разобрать его все грозились, но даже рельсы не заменили — растаскали деньги по карманам. К мосту и топай. Это и есть твое направление.

Алый указательный палец без ногтя лежал на нужной точке, но за обилием написанных поверх схемы цифр мало что удавалось понять. Справедливо решив, что злоупотреблять гостеприимством более не стоит, Иван попятился к выходу.

— Надеюсь, вам можно это рассказывать, — проговорил он вполголоса.

Но был услышан.

— Мне-то? А чё мне кто сделает?

— Понял, — утвердительно кивнул Иван, зацепив макушкой свисающую с потолка копну проводов.

— Я на путях родился, считай, в райцентр в школу тока так и ездили, на товарных бишь. Цас так никто не делат...

— Спасибо.

— ...Кроме дебилов всяких. И чё не живется спокойно...

Словам мужика Иван если и верил, то не во всем — ничто не мешало тому сообщить в отделение привокзальной полиции об излишне любопытном субъекте. Поэтому, прибавив шаг, Иван скоро оказался у супермаркета. На лавочке лежало два фирменных продуктовых пакета, из одного вывалилась бутылка минералки и пачка лапши быстрого приготовления. Виктор стоял рядом, опершись ногой на урну, и потягивал сигарету. Деклассированный элемент быстрым шагом отходил от него, чтобы скрыться за поворотом.

— Ты ему денег, что ли, дал? — поинтересовался Иван.

— Да, сдача оставалась — чего не помочь?

Взгляд Ивана вновь остановился на пакетах.

— Чего накупил?

— Фигни всякой. Жрать-то приспичит в дороге.

— Чем меньше вещей, тем лучше.

Иван бегло осмотрел содержимое пакетов и не нашел ничего лишнего: пирожки, пара консервных банок, хлеб, вода, пачки лапши. Не прикопаешься.

— Ладно, давай только расфасуем по рюкзакам, в руках не понесешь. А то как со сменкой будешь.

— Сменкой?

— Обувью сменной... забей.

— Окей.

Согласившись, Виктор не сдвинулся с места, пока не докурил и не швырнул окурок в урну. Попал.

— Трехочковый, видал!

— Быстрее давай, не хватало лишних глаз нам еще, — настоял Иван.

— Да кому мы нужны? Тут таких знаешь сколько...

— Каких таких? — не понял параллели Иван.

— Ну, предприимчивых... и изобретательных.

— Вижу. Пакуй ранец, нам еще идти неизвестно сколько.

Виктор бережно уложил все содержимое пакета, только бутылка минералки торчала из приоткрытого отсека.

— Куда двигать? — поинтересовался он.

— Вдоль линии пошли, вон, только справа обойдем.

Справа оказался растянутой на добрые восемьсот метров пустырь. За пустырем, как это обычно бывает, начались лабиринты бетонных заборов с огромными вывесками оптовых складов, так что парни свернули на железную дорогу и пошли по ней, чтобы не потеряться.

Расстояния, на карте обрисованные мужиком в каптерке, оказались куда больше, чем предполагал Иван. Они шли уже минут тридцать, но путь даже не начинал изгибаться. Развилки никаких они не встречали, так что в правильности выбранного направления сомнений не возникало. Странно было, что за все это время проехал лишь один грузовой поезд,

встречный, причем с такой скоростью, что и помыслить запрыгнуть на него было жутко: глухое биение колесных пар и кряхтение полувагонов сливались в устрашающий гул. Виктор непроизвольно даже остановился и сошел с насыпи на траву, хотя между двумя путями было непривычно просторно.

— Это мы вот на этом поедем? — недоумевал он.

— У моста они будут сбавлять, там поворот.

— Что-то этот ни хрена не сбавил.

Сомнения были и у самого Ивана, однако он все же предпочел раньше времени не суетиться. На горизонте еще виднелись макушки многоэтажных домов, а сквозь лесополосу то и дело порскали светом фары — вернуться всегда можно. Набежавшие было облака рассосались, окрестности освещала молодая луна. И если изгиб пути они прошагали по инерции, не обратив на него из-за деревьев особого внимания, то вот мост увидели сразу. Правильные рубленые формы, высокие пролеты казались столбами ворот, пограничным пунктом между конкретным «сейчас» и неопределенным, неуловимым «завтра». Виктор вряд ли думал об этом, но появлению долгожданного силуэта однозначно был рад.

— Не знаю, сколько мы тут просидим, — заговорил Иван. — Видимо, долго.

— Да ладно, в одну сторону же проехал.

— Это не автобус, тут так не работает.

Положив рюкзак на холодный рельс, Иван аккуратно сел на него и достал из кармана перчатки. Он стал внимательно всматриваться в сторону теперь уже хорошо заметного изгиба, откуда они только что пришли, — как будто поезд должен приехать с минуты на минуту.

— Замерз, что ли? — поинтересовался Виктор.

— Металл холодный, быстро задубеешь.

— Да ладно, не такое видали.

Виктор сел на рельс рядом и достал сигарету. Растягивая процесс, он тянул дым медленно, так что рыжий пепел почти не бликовал и чуть не тух, поддерживаемый вдохом в самый последний момент. Ивану курить не хотелось. Он был в размеренном ожидании, боясь упустить момент, хотя сложно не заметить приближающийся поезд, который задолго до своего появления пронизывает мощным лучом прожектора ночную пустоту.

— Так, приготовились, — встал Иван и быстро нацепил рюкзак.

— Да я не докурю даже.

— Поздно, давай в сторону.

Сделав два шага к обочине, Виктор наблюдал за игрой теней на деревьях, опоясывающих поворот.

— Он ведь далеко.

— Ждем.

Гул стал постепенно нарастать, тени от деревьев — становиться все больше, и вот из-за резкого поворота появился прожектор.

— Ты знаешь, как запрыгивать?

Глубоко втянув дым, Виктор уточнил, выбросив окуроч:

- А что, есть какие-то правила?
- Надо выбрать удобный полувагон. Это без крыши.
- Крыши? — повысил голос Виктор, чтобы перекричать локомотив.
- Я скажу, какой. Надо бежать параллельно вагону и цепляться за

подножку. Потом пе...

Раздался оглушительный визг тифона. Только теперь Иван смог разглядеть тепловоз.

- Ну, потом? — крикнул Виктор.
- Отбой, это маневровый!

Состав продвинулся вперед, и стало не так шумно: вагоны двигались довольно медленно и их перестук позволял слышать собеседника.

- Этот не пойдет.
- Чё? — не понял Виктор.
- Едет до следующей станции или в тупик.
- Я зря сигу, что ли, выкинул?

Снова наступила тишина. Иван топтался на насыпи, наступая подосвой на крепления шпал.

- Так чего ты там про крышу говорил? — напомнил Виктор.

— Ничего. Нам нужен вагон без крыши — их большинство всегда. Бежишь параллельно, цепляешься за подножку. Потом по лестнице внутрь.

- Это и так понятно, дружок.

— Я залезу первый и буду смотреть, что внутри лежит, — нам нужен пустой и желательнее угольный.

- Боишься испачкаться? — съязвил Виктор.

— За твой ранец боюсь, — ответил ему Иван и легко постучал по голове нарисованного на портфеле медведя.

Время, казалось, остановилось. Телефон Виктора показывал чуть за полночь, но минута шла за все десять. Иван справлялся с сонливостью странными дерганьями на месте: подъемом ног, приседаниями, быстрым вращением головы по сторонам. Уставший стоять Виктор принял более радикальное решение — оперся на столб контактной сети и попытался уснуть, но пятая точка быстро мерзла на промозглой земле, и приходилось ворочаться. Давно стихла вся окрестная природа, не гудели машины и не лаяли собаки — только успокаивающий шорох деревьев с едва проступившей листвой. Где-то под мостом, очевидно, было какое-то мелкое болото, из-за влажности нельзя было согреться даже в движении.

- Пошли за мост встанем, — сказал Иван.

- Зачем?

- Болото, может, не будет так чувствоваться.

По мосту было идти удобно и даже приятно: плотно уложенные плиты позволяли шагать, как по тротуару, главное — вовремя переступить через стыки. Это оказалось на удивление хорошее, крепко сделанное сооружение, в котором, конечно, ничего дореволюционного не просле-

живалось — мужик, видимо, так долго сидел в своей каптерке, что пропустил информацию о его реконструкции. Быть может, он еще с чем-то напутал?

— Короче, я тут буду, если чё — кричи, — сообщил Виктор и залез на служебную секцию моста, прислонившись к ржавым перилам. Секция эта предназначалась для обслуживания и ремонта мостовых конструкций. Также на ней довольно удобно оказалось сидеть.

— Ладно.

Иван продолжал оставаться на ходу, не переставая удивляться своей выносливости и стойкости. По большому счету, именно это его бодрило — осознание того, что уже много часов он не спит и теперь уже точно нельзя, потому что это перечеркнет достигнутое и выстраданное. Вот только тишина и темнота, помноженные на какую-никакую усталость, — это препятствия куда более изощренные, чем принято считать. Знакомый шум вдалеке нисколько не насторожил Ивана. Он продолжал топтаться, заговаривая себя ото сна. Даже когда под ногами затрещали противным высокочастотным цыканьем рельсы, внимание Ивана было обращено исключительно внутрь него самого.

— Эй, але!

Это Виктор вылез из служебной секции, кинулся к Ивану и дернул за плечо. Тот открыл глаза и, приходя в сознание, побежал вперед, с моста, но споткнулся о рельс и упал на щебенку правым коленом. Резко нахлынувшая событийность поначалу безумно его испугала, однако он окончательно пришел в себя.

— Рюкзак! — вспомнил он.

Виктор помог навесить рюкзак на спину.

Забравшись в какие-то колючие кусты сразу за мостом, парни наблюдали, как испепеляющий все живое лазерный пучок локомотива проплывает мимо них и открывается вид на вагоны.

— Главное, чтобы машинист не спалил, — сказал Иван.

— Да чего он тут спалит?

— А то на следующей остановке по вагонам пойдут проверять.

Состав двигался довольно медленно, и это несказанно обрадовало Ивана. Лунный свет позволял неплохо ориентироваться в пространстве: по крайней мере, подножки и лестницы были очерчены точно.

— Короче. Залезаем на подножку, я сразу лезу по лестнице наверх — смотрю, что везут. Если не подходит — ты прыгиваешь первый, я за тобой, и двигаемся к другому.

— Так ведь быстро едет...

— Это ни черта не быстро.

Металлическая гусеница полувагонов вылезала из-под сводов моста и тянулась вдаль, где уже не виден был локомотив. Необходимо было как можно точнее вычислить нужный экземпляр вагона, пустой и сравнительно чистый, чтобы не предпринимать дальнейших акробатических маневров. Иван вдруг поймал себя на мысли, что ему очень некомфортно

и даже неприятно находиться рядом с поездом. Давящий своими размерами, видимый лишь схематично, он распространял вокруг себя какое-то величие, а оркестр колес будто заставлял тянуть ладонь к виску и отдавать кому-то неведомому воинское приветствие.

Иван касался рукой поручней, как бы отсеивая ненужные варианты, на деле же — чтобы почувствовать расстояние и доказать себе, что это всего лишь вагон. Наконец, он собрался.

— Погнали, вот!

Иван зацепился и стал ускоряться. Можно было бежать вполсилы — поезд пока никуда не торопился. Закинув ногу, он быстро притянул себя к корпусу вагона и оглянулся — Виктор двигался рядом. Ухватившись за угол лестницы, Иван освободил подножку и стал подниматься. Хватит пары ступеней, чтобы заглянуть в трюм и выяснить пригодность вагона. Здесь хватило одной — перед носом торчали свежеструганные доски. Иван хотел было на себя разозлиться за то, что сразу не увидел их с земли, но времени не было — он крикнул Виктору, чтобы тот десантировался, и сам оперативно вернулся на подножку, с которой без труда сошел на щебенку. Следующую цель предстояло искать точнее — состав мог закончиться в любой момент, возможности увидеть хвост не было. Иван снова не мог выбрать, все ему казались не такими, грязными и ржавыми. Он даже перестал стучать по вагонам рукой.

— Давай я, — крикнул Виктор и побежал, не услышав никакого ответа от Ивана.

Тот и не собирался ничего отвечать — инициатива приветствовалась. Поравнявшись с боком случайного вагона, Виктор так резко ускорился, что Иван даже опешил: вот он уже ехал на подножке и пытался нащупать лестницу на торце. Вошел во вкус. Дабы не отстать совсем, Иван прыгнул на подножку и держался на ней, давая товарищу возможность совершить маневр. Мгновение — и Виктор уже на лестнице, осматривает содержимое вагона.

— Чё там? — пытался перекричать гул колес Иван.

В ответ ничего не было слышно.

— А? Ну?

Виктор молчал. Эта пауза длилась, наверное, секунд пять, но не стоит забывать о другом ходе времени в такие моменты — Иван успел напрыгаться и сам начал нащупывать лестницу.

— Залезаем. Я помогу, — услышал он сверху.

К этому моменту Иван уже настроил себя на самое сложное: перенести ногу внутрь вагона. Лестница освободилась, и Иван аккуратно перешел с подножки, крепко стиснув железную перекладину. Подняв голову, он увидел, что Виктор тянет ему руку.

— Да я сам!

Продвинувшись на пару ступеней вверх, Иван увидел стоящего на коленях Виктора. Весь вагон был доверху заполнен досками, так что расстояние до кромки было сантиметров двадцать. Страх вперемешку со зло-

бой разлились по телу Ивана, причем в неравной пропорции. Сначала он начал кричать:

— Ты на хера сюда залез? Он же полный!

— Они все такие. Давай руку!

Иван противился.

— Мы же свалимся с него на первом повороте, нас спалят!

— Там дальше цистерны и конец состава, выбора у нас нет, — пытался привести аргумент Виктор.

— Я ездил на такой херне... и это было дерьмово! Только там было не так плотно заполнено! — продолжил орать Иван.

Ему казалось, что лучшим вариантом было найти другой вагон, что он и начал делать — сполз на две ступени вниз.

— Куда полез, уже все — ускоряемся, — предостерег Виктор.

Посмотрев вдоль вагона, Иван не увидел ничего — ни земли, ни обочины. Только мрак, обступивший состав со всех сторон. Начало казаться, что еще чуть-чуть — и не будет видно даже лестницы. Ничего не оставалось делать, кроме как последовать за Виктором. Иван вернулся на две ступени вверх и даже нащупал третью. Виктор попятился и стал показывать руками, что готов тянуть. Ноги начали затекать, поэтому Иван скорее закинул правую ногу за борт. Только в этот раз она почти сразу же уперлась в доску. Виктор не растерялся и, обхватив за плечи, резко потянул Ивана на себя. Лицо у того уперлось в плохо оструганное дерево, ветер рвал со спины и хотел унести прочь рюкзак, конечности не могли найти никакой опоры. Иван боялся разогнуться, поэтому странно извивался, стаскивая с плеч лямки.

— Вот видишь, все нормально!

Виктор сидел на корточках и ободряюще хлопал Ивана по плечу. Положив свой ранец рядом с Иваном, он медленно двинулся к противоположной части вагона. Семеня редкими шагами, он очень скоро понял, что можно встать в полный рост, — и встал. Иван увидел это и взвизгнул:

— Ты чё делаешь?! Сядь!

Но этого не было слышно. Виктор внимательно что-то осматривал, затем подошел к Ивану и резко нагнулся — над головой пронеслась бетонная глыба автомобильного моста. Высоко, конечно, но достаточно, чтобы Иван прикусил язык и молча заозирался вокруг, как новорожденный. Небольшие проблески фонарных столбов очень скоро растворились, и вокруг снова ничего не было видно, кроме примерных очертаний.

— Соседний вагон пустой, — громко произнес Виктор.

Иван сел прямо.

— Чего же ты сюда тогда полез?!

— Да разве видно? — аргументировал Виктор.

— Теперь до станции бы дожить, не свалиться.

— Доски не скреплены.

Виктор протиснул пальцы под доску и с усилием приподнял. Она оказалась метра четыре.

- Ты чего, выбросить их хочешь? — не понял Иван.
- Да нет... Расстояние между вагонами метра полтора.
- И что?

Поняв, на что намекает Виктор, Иван глубоко вдохнул и попытался проглотить слюну, которая встала колом.

- Надо туда перелезть. Тут мы охренеем.
- Ты совсем, что ли, поехавший?
- Это элементарно. Поезд пока еще не разогнался.
- Я на стоячем даже так не делал! — вскрикнул Иван.

Подобные акробатические номера были явным перебором.

- Тем более. Будет тебе опытом.
- Не, не, не, я никуда не сдвинусь!
- Чего ты зассал-то, как девка?
- Ночь вокруг, дождись хоть станции, — говорил Иван сорвавшимся, писклявым голосом.

- Станция, может, утром будет.
- Вот утром и перелезем!

Желая как-то отдалить эту ужасную затею, Иван начал засыпать Виктора аргументами, но тот даже не думал слушать. Поймал в себе героя.

- Ты как вообще до этого ездил?
- Не предпринимая самоубийственных выходов, — поделился секретом Иван.

Потеряв всякий интерес к спору, Виктор пошел к концу вагона и сел на его край, свесив ноги. Иван попробовал встать в полный рост, сделал несколько шагов, но все же решил, что ползти удобнее. В этот момент поезд, видимо, проезжал стрелку и состав резко дернулся, что еще сильнее убедило Ивана в правильности выбора. Дотащив оба рюкзака до края вагона, он стал наблюдать за Виктором, ожидая самого плохого. Виктор же тянул ногу к противоположному борту, но не мог достать — все-таки не цапля.

— Можно немного спуститься и лестницу ухватить. Будет самый простой вариант, — сообщил свою концепцию Виктор.

- За что тут держаться, у нашего вагона ее с этой стороны нет!
- Ну, держись за борт.
- Херня какая!

Тогда Виктор опять встал в полный рост, отошел на полшага от края и стал что-то прикидывать. Состав снова проехал под мостом, теперь уже более крупным, но никто не шелохнулся.

- Ладно, придется прыгать...
- Нет, ты точно больной!
- Главное, на прямые ноги не приземляться, а так высота небольшая!

Иван от злости распрямился, как солдат, правда, отойдя от края.

— Небольшая?! Ты даже не видишь, что внутри. Может, там тоже доски!

- Нет там ничё, — уверенно заявил Виктор.
- Как можно в темноте такое делать вообще?
- Ой, все, достал. Отойди!

Словно специально выждав момент, чтобы сделать это максимально органично и необдуманно, Виктор резко сорвался с места, оттолкнувшись от скрипнувшей под его весом доски. Секунда — и глухой металлический удар донесся из трюма вагона, что свидетельствовало об успешности посадки. Почти сразу же он выглянул из-за борта.

- Ничего сложного. Кидай рюкзак!

Иван послушался и кинул свой рюкзак в другой вагон.

- Да мой!

Бросив ранец животными вверх, Иван осознал, что ему тоже придется прыгать. Перелезть, цепляясь за края борта, он точно не сможет — не та гибкость, не та удачливость. Вероятность намотаться на колесные пары вагона в таком случае была многократно выше. Виктор что-то советовал, о чем-то говорил, но понять было трудно — в ушах свистело от давления, сердце сжалось в груди. Состав выкатился на освещенный участок, и фонарные столбы начали с одинаковой периодичностью на пару секунд озарять место приземления. Это скорее мешало.

Иван понял, что считать в уме до трех — самое глупое из возможных занятий. Нужно против воли, минуя инстинкт самосохранения оторвать каменные ноги от досок и побежать, найдя в себе истоки животные, первобытные, когда разум отходит на задний план и остаются только рефлексы.

- Что же ты делаешь, debil, — вслух произнес Иван.

На встречном пути вдруг нарисовался поезд и стал свистеть рядом, сотрясая воздух. Это произошло так резко, что Иван испугался и, сам того не осознавая, побежал по доскам, мечтая не споткнуться. Правая коленка ощутимо постанывала, но ничего страшного. Раз, раз, раз, раз — в голове началась какая-то каша из непонятных слов и фраз, хотелось скорее пробежать это ужасное расстояние. Оно постоянно растягивалось и уже выглядело как двадцатиметровая дорожка, хотя в реальности там не было и пяти. Прыгнуть лучше заранее, потому что край вагона не видно. Иван со всей дури оттолкнулся от доски и взлетел. Ему казалось, что он попал в какую-то воздушную струю, что его несет плотным потоком прочь от состава, и вместе с этим — что человек способен летать, если очень захочет. Внутренние органы словно переворачивались вместе с ним, за это мгновение он даже почувствовал некую солидарность с пилотами и с космонавтами... Удивительно, сколько всего можно понять и прочувствовать за один прыжок, длящийся секунду.

Однако, слишком разогнавшись, двигаясь в противоположную от хода поезда сторону, Иван задал себе такое первоначальное ускорение, что вагон из-под него чуть не ускользнул. Пролетев над головой Виктора, он оказался в дальней части пустого полувагона, длиной от стенки до стенки без малого тринадцать метров. Перевернувшись с живота

на спину, Иван глядел в темное небо и наблюдал за изгибами проводов контактной сети, хорошо видимых в свете прожекторов станции. Судя по скорости, поезд не собирался на ней останавливаться. Пытаясь понять, не надломилась ли какая-то из его хрупких костей, Иван поочередно двигал всеми конечностями — вроде порядок. Только грудь немного гудела, так как приняла на себя удар рифленого пола вагона.

— Живой?

Виктор, закрыв собой вид на провода, подал руку и поставил Ивана на ноги. Тот оперся о стенку вагона и невольно улыбнулся, как улыбается человек, совершивший для себя что-то невозможное.

— Говорю же, ерунда. Держи.

Сделав несколько глотков минералки, Иван отдал бутылку и зажмурился. Он со странным трепетом ожидал, что, когда откроет глаза, окажется дома перед телевизором. Экран заполнят знакомые рожи актеров, кочующих из сериала в сериал, под боком будет сидеть жена, следящая за тривиальными сюжетными перипетиями, и за весь вечер никто не произнесет ни слова. Странные, навеянные усталостью мысли. Но перед ним виднелась лишь спина Виктора, стоявшего на внутренних ступенях вагона и разглядывавшего окрестности. Все-таки не сон. Взяв с пола свой рюкзак, Иван подложил его под спину, чтобы не сильно мерзнуть, и решил вытянуть из себя сон настоящий. Возбужденное тело продолжало ускоренно гонять кровь по организму, голова быстро щелкала какие-то не связанные между собой мысли, так что даже равномерный стук не мог расслабить Ивана.

— Проехали какую-то станцию, но сейчас снова ни черта не видно. Видимо, долго будем ехать, — поделился наблюдениями Виктор, — можешь покемарить, я все равно не буду.

— Ага, покемаришь после такого.

Единственное, что по-настоящему радовало Ивана, — он смог переступить через себя и свои страхи. И пускай в одиночку его передвижения были гораздо безопаснее, Виктор умел-таки сохранять самообладание в любой ситуации. Такого человека было приятно иметь под боком. Еще бы ранец его куда-нибудь деть... Иван не заметил, как стал соскальзывать в легкую дремоту, думая о том, куда они первым делом пойдут по приезде на юг. Уверенность в успехе их путешествия была если не стопроцентная, то очень к тому близкая.

(Окончание следует.)

Анна ПАВЛОВСКАЯ

БУТЛЕГЕР ДОЖДЯ

* * *

влажный заспанный ангел в ночнушке
вытирает слезинки платком
осыпаются с неба веснушки
пахнет медом грудным молоком

снятса белые ливни июля
снятса желтые липы в цвету
неужели меня обманули
и тебя никогда не найду

чтобы ты появился остался
чтобы я не скиталась одна
я лечу к тебе с черного марса
на трапеции детского сна

пролетая сияющий космос
как в колодце кольцо за кольцом
нужно выплакать лишние слезы
подбежать с покрасневшим лицом

нужен свет керосиновой лампы
теплый свет в почерневшем стекле
чтобы выйти из круга сомнамбул
и родиться и жить на земле

потому фабрикует приманку
рыболов заготовщик сиречь
чтобы вольную душу-пацанку
приманить заловить и подсесть

* * *

погадать тебе на кофейной роще
на томатной чаше дубовой гуще
раньше было с прошлым намного проще
потому что было оно грядущим

опрокинуть рощу на блюде снега
разглядеть очертания циферблата
что тут скажешь скоро пройдет полвека
что ты видишь только давай без мата

отстоится роща и силуэты
прояснятся всмотришься все знакомо
что ты будешь делать прошедшим летом
если я уйду от тебя к другому

* * *

поскольку мне снится холодное серое лето
на приисках речи дымится моя сигарета
но я одиночка согласно локальной легенде
бутлегер дождя сомелье отрешенного бренди

аляска тщеславия сна золотые крупитцы
по беглым расчетам за месяц должно окупиться
где ищут артелью и шило меняют на мыло
нашла я в пещере свою inferнальную жилу

казалось бы хватит торчать на заснеженной речке
и ставить насечки недель на серебряной печке
казалось бы хватит копить черепки золотые
кончается лето проснешься а руки пустые

* * *

Из полей, разумеется, росных,
из медовой свободы,
из штрафбата природы
дезертирую в рай папиросный.
Здравствуй, Борхес.

Протираю платком окуляры,
перелистываю фолианты,
Беатриче, Лаура, инфанта,
это рай, где дымятся кошмары.
Здравствуй, Данте.

Здесь моя фронтовая орбита,
здесь трибуна моя и пюпитр —
три из трех.
Здесь я — Бах и Петроний Арбитр.
Здравствуй, Бог.

* * *

декабрьский туман полужимок с небесной шугой
сыграет на чувстве потери воскресную мессу
причастие сном и поскольку мне снится покой
в загрузке идей вообще никакого прогресса

на чувстве потери играет декабрьский цейтнот
где лица размыты дороги размыты разрыты
вращается стрелка и белка уходит в народ
в горячей путевке в грядущий разгар суицида

грядет гавриил и труба для всего настает
простой саксофон что прекрасно подходит под водку
космический джаз так сказать inferнальный фокстрот
для дамы за столиком от гражданина с бородкой

не надо вопросов запросы мои на нуле
как датчик горячего в падающем азраиле
холодная водка застыла кремлем на столе
и мирный исход как сказал моисей еще в силе

* * *

за желтой лавочкой которая полено
томится божий луг разнеженный жарой
где отрешенный шмель один во всей шмеленной
прочерчивает грань меж небом и землей

я на земле живу смотрю на небо скромно
прочерчивая даль касанием руки
склоняется сирень в окно одной из комнат
качаются тюльпанов поплавки

был чистым горизонт но позже обложило
свинцовые мазки испачкали закат
прочерчивая грань где я тебя любила
и не вернуть назад

* * *

я на земле живу смотрю на небо с кровью
когда армагеддон взрывается в груди
упали ангелы в болота подмосковья
и даже бог не может их найти

выходит синий лес из обморока ночи
крошится душный луг расплавиться готов
черемуха в изгнании бормочет
заклятия на сотне языков

никто не вышел жив все спят как на картине
никто и никогда не шелохнется впредь
и только мотылек застрявший в паутине
последний ангел пробует взлететь

В августе 2020 года прошло очередное Совецание сибирских авторов, в котором на этот раз принимали участие и литераторы Дальнего Востока. Из-за сложной эпидемиологической обстановки руководителям и участникам семинаров пришлось общаться с помощью интернет-приложения, но это не помешало ни серьезному разговору о сибирской литературе, ни разбору текстов, представленных семинаристами.

В прошлом номере журнала мы познакомили вас с молодыми поэтами, чьи произведения на Совецании были рекомендованы к публикации в журналах. Сегодня — очередь прозаиков. Имя бердчанки Натальи Коротковой уже известно нашим читателям: она постоянный автор «Сибирских огней». В ее рассказах мы видим продолжение традиций деревенской прозы: яркие народные характеры, тревогу за судьбу российского села и его жителей. Любовь Новгородцева, жительница Омской области, публикуется в нашем журнале впервые. Надеемся, что читатели так же, как мы, отметят искренность и психологизм ее прозы и образность языка.

По результатам Совецания оба этих автора получили рекомендации для вступления в Союз писателей России.

Наталья КОРОТКОВА

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Р а с с к а з ы

Несгибаемая Катерина

Она мучилась уже неделю. Спина болела до тошноты, до темени в глазах. Боль отдавала по всему телу. И раньше, случалось, прихватывало поясницу. Ну да мазью натрешьься какой — оно и отпустит. А тут...

* * *

Катерина — сухощавая, жилистая старуха. Энергичная и деятельная не по годам. Целыми днями колготилась она по хозяйству, приводя в порядок свое изрядно обветшалое за последнее время подворье и старенький дом-пятистенки. Вздыхала, ревниво поглядывая на добротные соседские усадьбы. Сделать бы все по уму, да силы уже не те... С зятя-то

что возьмешь?! А мужа своего уж сколько лет как схоронила. Молодые же, пока своим домом не обзавелись, жили с нею. И как они ни старались ее уговорить — куда там!

Не было в хозяйстве такого дела, с которым бы Катерина не справилась. Особенно уважала работу мужскую: дрова ли колоть, снег ли чистить, огород ли копать — все едино! Сарайку опять же старую разобрать, яму сливную вырыть — с превеликим тебе удовольствием! А вот кухню терпеть не могла. Ее ж, бабскую-то работу, не видать: сварил — съели, дома убрался — глядишь, опять беспорядок. Внуки. Что тут поделаешь? С утра до вечера колотишься без продыху, и никакого тебе наглядного результата.

А работала Катерина без удержу! Иной раз поесть забывала.

— Ох, нехорошо мне что-то сегодня, — жаловалась она дочери Антонине.

— Чего нехорошо-то? В каком месте?

— Слабость, — прислушавшись к себе, заключала Катерина.

— Слабость... Опять, поди, не ела! Ела, нет — спрашиваю?

— Да не помню я! — отмахивалась мать.

Добро бы только поесть забывала — это еще куда ни шло. А то ведь подвиги ее трудовые зачастую сопровождались нешуточным членовредительством. Катерина ходила вечно перебинтованная, заклеенная пластырями, руки-ноги в синяках — страшное дело!

С месяц назад, к примеру, рубила дрова и угодила топором по пальцу. Благо вскользь. Вгорячах замотала тряпкой — и дальше колоть. Потом уж глянула, а там...

— Да что ж ты за человек-то такой?! — ругалась на нее дочь. — Тебе лет сколько? Помнишь, нет? Другие, приличные старухи с внуками нянькаются или на лавочках возле дома сидят да семечки лузгают. Ну если уж не сидится на месте — так блинчиков, что ли, беляшечки напекла бы или пирогов каких. Чего тебя все на подвиги-то тянет?

— А ты поучи, поучи мать! — недовольно ворчала в ответ Катерина. — Мать-то совсем дура, без тебя не знает, что ей делать.

— Да ведь перед соседями стыдно! — распалялась Антонина. — Ведь они ж думают, мы тебя эксплуатируем на старости лет. В доме мужик, а бабка по крышам лазит! Вот за каким лешим тебя на крышу вчера понесло? Ведь опять чуть не навернулась!

— А чего ж! — возмущенно вскидывалась Катерина. — Вас, что ли, дожидаться, пока антенну поправите?

— Тьфу! Вот правильно говорят: горбатого могила исправит, — махала рукой дочь.

— Ничего... недолго, поди, уж осталось, — Катерина оскорбленно поджимала губы.

«Вот и поговори с ней после этого!» — вздыхала Антонина.

И правда: чем старше мать становилась, тем сложнее детям было с ней сладить. Порой казалось, назло все делает или доказать кому что хочет. При этом, как мать ни хорохорилась, по всему было видно: сдает

Катерина Петровна. Возраст — никуда не денешься. Прошлым летом у нее в очередной раз переключило спину: ни согнуться, ни разогнуться. Ей бы врачу показаться, да только никаких врачей Катерина не признавала. Поэтому дочь, не спросясь, записала ее к массажисту. И деньги вперед заплатила, о чем и сообщила матери.

Катерина, узнав, вскипела:

— Это ж в район мотаться!

— Ничего. У тебя зять есть. Свозит. Не переломится.

Делать нечего — деньги уплочены. На массаж она честно десять дней отходила. Спину отпустило. Но дочери за это время пришлось много чего о себе выслушать.

— Ну чем ты опять недовольна? — недоумевала Антонина. — Прощла ведь спина! Не зря сходила.

— Прощла... Мне же врач твой делать ничего не велел. А у меня вон на огороде конь не валялся!

— Да кому он сдался, огород твой?! — в свою очередь раздражалась дочь.

— А!.. Вам ничего не надо!

Однако послушаться доктора Катерина не могла. Сунется в огород — все лечение насмарку. Деньги, считай, на ветер.

Болезни Катерина привыкла переносить героически: стиснув зубы, се-рея лицом, сдерживая стоны. Таблетки не пила принципиально. Обходилась народными средствами. Очень уважала газету «Знахарь». В кухне на шкафу у нее всегда стояла батарея склянок с разными снадобьями.

— Чего это опять у тебя? — брезгливо морщась, принюхивалась дочь к стоящей на буфете трехлитровой банке, прикрытой марлей.

В банке было намешано не пойми что. В темной вонючей жидкости Антонина разглядела плавающие куриные яйца — целые, в скорлупе. Ее передернуло.

— Господи, мама, ты себя в могилу когда-нибудь вгонишь своими зельями!

— В могилу... Чё б ты понимала. Это ж такая вещь! Нет, ты послушай, послушай... — хваталась за газету Катерина. Глаза ее возбужденно блестели.

— Я этот «Знахарь» в печке спалю! — кипятилась дочь, слушая очередной жутковатый рецепт. — Кстати, где лекарство, что я на прошлой неделе покупала?

— Да ерунда это твое лекарство, — отмахивалась мать, пряча глаза. — Зря только деньги потратила.

— Так ты пила его или нет?

— Ну не пила! Не пила! — психовала Катерина. — Толку-то его пить?!

Если же вдруг мать обнаруживала какой недуг у дочери, глаза ее загорались охотничьим блеском. На прошлой неделе Антонина имела неосторожность пожаловаться на горло.

— Луковицу режешь пополам, берешь в зубы и глубоко дышишь. Через рот. Аж ноги трясутся! — восхищенно сообщила Катерина.

Дочь прыснула.

— Ну чё ты ржешь-то? — обиделась мать. — Я всегда так-то спасаюсь. Ты попробуй! Как рукой снимет!

Порой эксперименты ее по части народной медицины едва не заканчивались трагически. Прошлым летом загремела в больницу. Целую неделю провалялась под капельницей. А все потому, что вычитала, будто бы от зубной боли надо жевать листья чистотела. Зубы у Катерины были в полном порядке, но в целях профилактики — не повредит! Да и чистотела этого в огороде у нее было навалом. Не пропадать же добру. Вот только беда: рассуждая так, что натуральный продукт повредить никак не может, дозировку она не соблюла. Ну и... Увезли ее в итоге на скорой — как полагается, с мигалками, под вой сирены. Хорошо, успели вовремя.

С тех пор дочь держала это дело на контроле. Но если очередной рецепт явной угрозы здоровью не представлял — не вмешивалась.

* * *

На этот раз спину Катерина надорвала, таская уголь. Правда, теперь она уже сомневалась: а спина ли это? Лежа в своей комнатенке, вытянувшись на кровати и упрямо уставив длинный, с горбинкой, нос в потолок, Катерина перебирала в памяти все известные ей болезни — одна страшнее другой, — испытывая при этом малопонятное удовольствие. Водилась за ней такая странность.

Перед ней ясно, как на экране, разворачивалась картина неотвратимого грядущего. В красках. В лицах. В мельчайших деталях. Прокручивая в голове жутковатые сценарии развития событий, Катерина, однако, не преминула сделать себе выговор за давно не беленный потолок.

В самый разгар «кино», когда ближайшие родственники под траурные звуки похоронного марша уже несли ее за Паутовское озеро — на местное кладбище, пришла дочь, не дав насладиться печальным зрелищем до конца. А у Катерины к тому времени уже и скупая непрошенная слеза нарисовалась.

— Ну что, лежишь?

— Лежу. Чего мне?.. — в голосе матери слышалось неудовольствие.

— В больницу, конечно, не пойдешь?

— Цас! Все брошу и побегу.

— Ну да, чего я спрашиваю?! Я там баньку стопила. Ты как?

Катерина помолчала.

— Попозже.

— Может, помыть тебя?

— Помру — помоешь.

— Тьфу!

Как ни храбрилась Катерина, а все ж таки на сердце нехорошо скребло. Третий-то день пластом! Такого она и не упомнит. А с другой стороны... «Почитай, семьдесят пять годков пожила, — уговаривала она себя. — И хорошо пожила. Дочь подняла. Считай, одна! Внуков опять же полон дом. Пожила... Пора и честь знать. Хочешь не хочешь, а придется. Куда денешься? На том свете, поди, уж прогулы ставят...» — она невесело усмехнулась.

Первый раз вот так вот задумалась она о неминуемом и впервые с горечью осознала: сколько ни поживи, а все мало. Ишь, жизнь-то как пронеслась! Все работа, работа... И не заметила! А тут, видать, и впрямь время помирать пришло. И как это старики, бывает, жалуются, что устали, дескать, жить, помереть бы? «Брешут, небось! — разозлилась вдруг Катерина. — Устали они... Как же! Так я и поверила! Придуриваются!»

Такие вот невеселые мысли ее одолели. Но натуру-то не переделать! Стала прикидывать, с какими хлопотами столкнутся родные в случае чего. Сам не позаботишься — через пень-колоду ведь все сделают!

Так... Смертное она давно уж приготовила, а дочери, невзирая на ее протесты, строго-настрого наказала, в чем хоронить:

— Туфли-то, смотри, вон те, коричневые, а то напялишь чё попало. Буду потом, как Зинка-покойница, дура дурой лежать, прости господи!

С Зинкой, соседкой, история та еще была. Подарил ей муж туфли на золотую свадьбу. Сроду подарками не баловал, а тут на тебе. Та было поначалу, как коробку-то увидела, обрадовалась... Да только туфли оказались ядовито-зеленого цвета. Ну просто вырви глаз!

Зинка мужа обижать не хотела, но и носить такую срамотень, как она выразилась, душа не принимала. «Выкрасить да выбросить!» — плевалась Зинка. На назойливые вопросы мужа, почему туфли не носит, отвечала, что жалко, мол, такую красоту по деревне-то трепать.

И тут случилось ей помереть. А перед смертью шибко она переживала, в какой обуви в последний путь отправится, и потому снохе наказала ни в коем разе не надевать ей новые, мужем даренные туфли. Сноха клятвенно пообещала свекрови позора не допустить. Ну а как померла Зинаида да стали ее обряжать, тут и оказалось, что старик, то бишь вдовец, ни на какие другие туфли не согласен — плачет, убивается: дескать, не довелось жене поносить их при жизни, берегла все, пусть хоть там... «Ладно, — махнула рукой сноха и про себя решила: — На кладбище переобую. Незаметно».

На кладбище, дождавшись, пока все попрощаются, пряча под мышкой «сменку», подошла она к гробу... Но не тут-то было! Старик от жены не отходил до последнего. И переобуть свекровь не представлялось никакой возможности. Так и похоронили Зинку в зеленых туфлях. Сноха, правда, в последний момент изловчилась и незаметно пакет-то с переобувкой в ноги свекрови сунула. Хоть так, мол...

Ох и сокрушалась потом... Ох и переживала, плачась подружкам, что свекровь, и при жизни не отличавшаяся покладистым характером, приходит теперь к ней по ночам и поносит ее распоследними словами: по-что, дескать, обещание не сдержала.

«А ты зачем пакет-то ей сунула в гроб? — посмеивались те над ней. — Думала, она там сама переобуется?»

В общем, и смех и грех! Памятуя об этой истории, туфли Катерина приготовила загодя. Кого на похороны позвать, чем кормить-поить — она тоже распорядилась заранее. А вот как с могилкой быть? Кто копать-то будет? В деревне мужиков — раз-два и обчелся. Зять в командировке, как на грех. Обычно в таких делах обращались к Виктору Перевозчикову — мужику непутевому, запойному. Однако ж выбирать не приходится. Да и пристрастие его сильно дело облегчало. В подвале у Катерины четверть самогона давно стояла, дожидалась своего часа. Видать, время пришло.

— Антонина...

— Да, мам? — заглянула в комнату дочь.

— Зови Виктора, — велела Катерина.

— Зачем это? Чего опять удумала?

— Не твое дело. Зови.

Виктор жил на краю села. Один. Жена с детишками в прошлом году в город перебралась. Долго она терпела пьянство мужа, да, видно, силы кончились. Мыкался мужик теперь бобылем.

Несмотря на то что пил Виктор беспробудно и трезвым его сроду никто не видал, выглядел он тем не менее исключительно. В свои пятьдесят был строен, подтянут, на лице ни морщинки. «Проспиртовался, собака! — делали вывод деревенские. — Вишь, не стареет, и ни одна бацилла его не берет!»

* * *

— Ну чё, Катерина Петровна, никак помирать собралась? — Сняв замызанную кепку, Виктор, пригнувшись, вошел в комнату.

— Пора, видать, — отозвалась Катерина.

— Да уж, как ни хорониться, а от смерти не оборониться.

— Это да... — Она вздохнула.

— Да ты вроде бабка-то крепкая. Или болит чего?

— Спроси лучше, чего не болит, — отмахнулась Катерина.

— Ну так, — некстати хохотнул Виктор. — Смерть одна, а болезней тьма! Но ты того... Не переживай. Оприходуем в лучшем виде.

— Тоже мне, оприходовальщик нашелся. — Катерина недовольно поморщилась: ей не нравился легкомысленный тон Виктора. Она настроилась на разговор серьезный, обстоятельный, а тому все хаханьки. — Ты,

смотри, место-то посуше выбери. На взгорке. А то знаю я тебя! Лежи потом в слякоти...

— А тебе, бабка, не один хрен?!

Катерина недобро глянула на Виктора. Тот поежился под ее взглядом.

— Да не переживай, мать, все будет на должном уровне. Ты послушай, что говорил об смерти Блаженный Августин... — Виктор потянулся в карман, вытащил небольшую замусоленную книжицу и, послунявив пальцы, полистал.

— Ну все: понесли калоши Витю! — Катерина махнула рукой.

В деревне все знали об этой его придуре. Виктор всегда носил с собой записную книжку с разными умными изречениями, которую периодически, в редкие минуты просветления, пополнял новыми премудростями.

— «Заботы о погребении, устройство гробницы, пышность похорон — все это скорее утешение живым, чем помощь мертвым», — подняв палец, многозначительно изрек Виктор. — А вот что на сей счет говорил Сенека...

— Да залепися ты! — зло одернула его Катерина. — Вот будешь сам помирать, тогда и читай Сенеку свою.

— Понял, мать. Не расположена. — Виктор с сожалением сунул книжку в карман. Помялся. — Ну... Ты таксу-то мою знаешь?

— Да знаю. Будет тебе пол-литра. Не переживай.

— Так чего тогда? Пошел я. — Виктор поднялся.

— Да и то... засиделся. — Катерина уже с трудом сдерживала раздражение.

— Аванец бы... — Виктор продолжал топтаться в дверях и смущенно мять в руках кепку.

— Вот паразит! — изумилась Катерина. — Да ить не померла еще! Аванец тебе...

— Ну так подготовиться надо... Место посмотреть... То да се...

— Тьфу! Дармоглот!

Под кроватью стояла початая пол-литра водки — спину растирать.

— Возьми вон, — кивнула Катерина.

Виктор радостно засуетился, подхватил пузырь.

— Ты, мать, не переживай. Все в лучшем виде будет. Не сомневайся, мать...

— Катись уже! — Старуха окончательно вышла из себя.

Виктор ушел.

Катерина вздохнула... «Чего колгочусь? Поди, так лежать не оставят. Уж управятся как-нибудь». Хотя... Где там управятся! Самогонку вон достать надо из погреба. Она там за бочкой с капустой припрятана, чтоб зятю на глаза не попалась. Не найдут ведь. Да и кому в погреб-то лезть? Зять уехал. Скажи дочери, та опять голосить начнет: чё, дескать, придумала...

Катерина кое-как сгреблась с кровати. Держась за стеночки, охая и причитая, потащилась в сенцы — к лазу в погреб. Дочь бы не встретить...

Добравшись до цели, Катерина открыла крышку погреба. Кряхтя и стеноя, нащупывая ногой в темноте ступеньки, поползла вниз. Не хватало еще сверзиться... Благополучно спустившись, потянула дверь на себя. Та поддалась тяжело, со скрипом.

«Ишь... Забухла, поправить бы. Зятя-то не допросишься. Без меня тут совсем запаршивят», — с досадой подумала Катерина.

Она пробралась к бочке с капустой. Тяжело нагнувшись, потянулась за четвертью самогона... И тут по спине ей вдруг чем-то страшно хрястнуло!

— Ох!..

У Катерины от боли перехватило дыхание. Она стояла согнувшись, боясь пошевелиться, не понимая, что произошло. И только увидев валяющийся на земле здоровенный кочан капусты, сообразила, в чем дело. К потолку в погребе были прилажены металлические крюки, на которых висели кочаны. Вот один из них, видать, подгнил и, сорвавшись, по спине и долбанул.

Она прислушалась к себе. Живая вроде, слава тебе господи! Потихоньку переставляя ноги, направилась к выходу, от греха подальше. А то как бы навовсе тут не остаться!

Одолев первые несколько ступенек, с удивлением обнаружила, что у нее ничего не болит: ни спина, ни желудок, никакой другой орган. Поднялась еще на пару ступеней — ничего!.. Выбравшись на свет божий, Катерина подошла к распахнутому окну — глотнуть свежего воздуха.

В огороде дочь с внучкой пололи грядки. Возле внучки вьюном вился щенок, тыкался мордой в колени, то и дело опрокидывая ее на землю. Та заливисто хохотала.

Глаза у Катерины повлажнели, черты лица стали как будто мягче. Она усмехнулась:

— Ишь, старая, помирать собралась! Поживем еще.

Промокнув рукавом слезы, она направилась было к себе, но вдруг замерла, вспомнив о чем-то.

— Вот же паразит! Ну паразит... Аванец ему. Будет тебе аванец! Оглоед проклятый. Жучара!

* * *

Антонина, поливая грядки, услышала, как стукнула калитка.

— Иди, доча, погляди, кто там.

Девчушка с готовностью сорвалась с места:

— Ой!.. Бабушка куда-то пошла.

Антонина, бросив лейку, поспешила за ограду.

— И куда ее потелепало?! — она беспокойно выглядывала из-под руки. — Помирать ведь собиралась!

Юбка Катерины полоскала уже в конце улицы.

«Прощание славянки»

*Так пронесем сквозь боль и радость,
Как на груди нательный крест,
В сердцах до самой смерти святость
Родных благословенных мест...*

Сергей Дьяков

Старик умирал...

Смерть его была удивительно покойной. Мирной. Незадолго до того, как впасть в беспамятство, стал бредить. Улыбаясь, он тянул к потолку исхудавшие за время болезни руки и тихо, едва слышно шептал: «Гуси летят... Гуси...»

* * *

Из районной больницы старика забрали неделю назад. Сергей с Аленой, как узнали, что у отца инсульт, сразу в машину — и за ним.

Последние несколько лет, после смерти жены, старик жил один. Однако дом без хозяйки не запустил, сохранив во всем заведенный его Нюрой порядок. Каждая вещь оставалась на своем, когда-то отведенном для нее месте. И даже фланелевый, в цветочек халат жены продолжал висеть на стуле рядом с его кроватью. Старику так было легче.

И огород не забросил. Хотя управляться год от года было все тяжелее. Но, как мог, переползая на коленях от одной грядки к другой, то чеснок рыхлил, то лук пропалывал. Иной раз свалится без сил на землю, полежит-полежит — и опять за работу.

«Совсем поизносился», — усмехался про себя старик.

Дочь с зятем не раз звали его к себе, да он ни в какую. Здесь родился, здесь вырос. Отсюда, мальчишкой совсем, на фронт уходил. Один только раз за всю свою жизнь и покинул он тогда деревню на долгие пять лет. Сюда же с женой молодой после войны вернулся. Детей народили... Где же, как не здесь, и помирать ему?.. Ну а даст Бог еще пожить, так уж всяко лучше в родном доме, на своей земле. Тут хочешь не хочешь, а помаленьку копошиться будешь. А в городе что? В квартире... В окно смотреть да смерти дожидаться? Нет уж...

Так и жил один.

Да оно и верно: на новом месте старики редко приживаются. Потому Алена с отцом не спорила, смирилась, только в гости теперь почаще старалась выбираться.

Была у старика еще старшая дочь, но та в Прибалтике жила, в Эстонии. Заграница! Пока визу оформишь, то да се... На одну только дорогу деньжищ сколько над! Не ранешние времена. А младшая, хоть и за триста с лишним километров, но все ж таки одно государство.

Да... Никак не мог он привыкнуть, что прежней его страны давно нет.

* * *

Старика везли, разложив задние сидушки старенькой «короллы». Тот спал после укола, поставленного в больнице перед дальней дорогой. Сон его был тревожен.

Снилось, будто стоит он в своем огороде. Зябко. Сыро. Ветер насквозь продувает старый, изношенный ватник. На ногах стоптанные кирзачи, за голенищем кнут. Он оглядывается вокруг: огород огромный, соток тридцать. В конце огорода — небольшой березняк. В нем когда-то пасли корову, а по весне с ребятишками собирали березовый сок. Дом старика крайний. За плетнем — степь с редкими околками; между ними — то здесь, то там — разбросаны затянутые ряской, поросшие по краям рогозом небольшие озерца, скорее похожие на лужи: раздолье для уток да гусей. Но сейчас ни птицы, ни людей вокруг. Никого. Только резкий порывистый ветер гоняет по убранному огороду большущие сухие катуны — со степи принесло. Пусто и неприятно: и вокруг, и на душе у старика.

Он видит, как стылое, до краев затянутое дождевой наволочью небо тяжело нависло над крышами деревенских домов. Ветер гонит в сторону оковка рваные тучи, готовые вот-вот разрешиться проливным дождем. Неожиданно черные ветви деревьев оживают, и предгрозовая тишина оглашается хриплым, простуженным вороньим граем!..

Ишь, поналетели... Старик вытягивает из-за голенища кнут. Замахивается. Хлесткий, короткий звук! — и птицы с пронзительным, душе-раздирающим криком срываются с деревьев. Серое осеннее небо разом чернеет...

* * *

Последний год был особенно тяжелым для старика. Молодые разъехались — оно и понятно: работы нет. Кирпичный завод — тот еще в девяностые растащили. По кирпичику. Колхоз развалился. Без надобности оказался государству. А какой колхоз был! Молокозавод — и тот закрылся: перестали деревенские молоко сдавать. В добрые-то времена в каждом дворе была скотина. Корову разве что самые захудалые хозяева не держали, самые лодыри. На ином подворье и не по одной кормилице было. Вечером за ворота выйдешь, так стадо с выпаса идет по улице — конца-края не видно. А сейчас? Пять-шесть коровенок. На всю-то деревню! А кому держать? У стариков сил уж нет. А молодые, что не сбегали, те или пьют по-черному, как сосед напротив, или в «Одноклассниках» сидят. Тьфу, да и только! Словом, куда ни глянь — кругом беда!

А тут еще и больницу закрыли. Оптимизация... «Слово-то какое па-скудное!» — плевались старики. Вот фельдшерица — одна на три деревни — и разрывается. Разве за всеми доглядишь? Так что не дай бог расхворать-ся нынче: пока помощь подоспел, десять раз загнешься.

Они и загибались.

Старик обычно коротал вечера на лавочке возле дома. Один за другим потихоньку подтягивались соседи, такие же одинокие пенсионеры, как и он. Последний год круг его товарищей стремительно редел. К осени на лавочке остались они с Агнессой Ивановной одни.

Агнесса — дородная старуха в потрепанной куртанайке, в резиновых галошах. На голове — полинялый, застиранный платок. Ходила она еле-еле, тяжело опираясь на палку. Больные распухшие ноги туго перетягивала эластичными бинтами. Трудно было сейчас в Агнесе узнать первую деревенскую красавицу, певунью-говорунью. А когда-то, бывало, ни один митинг без нее не обходился — страсть как любила выступать! Заведовала клубом, вела кружок самодеятельности, ставила спектакли. Клуб давно закрылся. Ни тебе артистов, ни зрителей. В прежние времена веселая и заводная, теперь Агнесса все больше помалкивала.

Изредка по улице проносились мотоциклисты — не местные. Дачники. Проезжала на велосипеде почтальонша, кивала издалека. Следом Леня-пастух, местный дурачок, гнал мимо свое немногочисленное стадо. На Лёне старый, с чужого плеча, растянутый свитер, подпоясанный солдатским ремнем. На голове — выцветшая на солнце пилотка. В руке кнут, которым пастух задумчиво помахивал, ведя сам с собой только ему понятный диалог. Коровы шли, понуро опустив головы, точно думая какую-то свою невеселую коровью думу. Время от времени они останавливались и, отмахиваясь от назойливого гнуса, стегали себя хвостами по грязным, в репейниках, бокам. Пастух терпеливо ждал, когда они вновь тронутся с места. Не дождавшись, лениво щелкал кнутом. Коровы нехотя двигались дальше. Со стороны стадо напоминало поредевший после боя отряд.

Заметив стариков, Леня радостно улыбался щербатым ртом и, сдернув с головы пилотку, низко и часто кланялся. Те кивали и улыбались в ответ. Поравнявшись с ними, пастух строжел лицом. Надевал пилотку, по-солдатски оправлял ремень и, вытянувшись в струнку, отдавал старикам честь. После этого он нагонял свой «отряд».

Агнесса, провожая Леню взглядом, мелко крестила его вслед. Старик сидел опустив голову.

Иногда сосед, что жил через дорогу, перебрав лишнего, устраивал очередное представление. Сначала из дома напротив доносились заполошные причитания жены. Затем на порог выскакивала она сама. Как правило, босиком, в лучшем случае — в тапочках на босу ногу. Халат на сдобной фигуре то и дело распахивался, и наружу выглядывала замызганная комбинашка. Соседка, несмотря на свои пышные формы, резво устремлялась в огород, лихо перемахивая на ходу через плетень. Следом на крыльцо вываливался сам хозяин — тщедушный взъерошенный мужичонка с настолько пропитой физиономией, что человеку стороннему возраст его определить едва ли было возможно.

С диким ревом сосед устремлялся вдогонку за женой. Через пару десятков метров он выбивался из сил и, махнув рукой, отправлялся домой — спать. А супружница, выждав за стожком в конце огорода некоторое время, шла ночевать в баньку — от греха подальше. Когда же она осо-

бенно допекала своего благоверного, тот, похоже, принимал радикальное решение: порешить ее навовсе. Во дворе у соседа стоял трактор «Беларусь», на котором тот калымил в редкие периоды воздержания. Пьяный в хлам, он кое-как вскарабкивался на него, заводил двигатель и, поддав газу, решительно выруливал в сторону огорода, снося плетень и круша все, что попадалось на пути. Жена пределами огорода в таких случаях не ограничивалась. Видимо, жалея посадки, она выскакивала на улицу и устремлялась к дому участкового, голося дурниной на весь околоток.

Старики на все на это смотрели молча. Что тут скажешь? Они помнили другую деревню. Другую...

Так вот сидят, бывало, — время расходиться.

— Ох-хо-хо... — вздохнет протяжно Агнесса напоследок.

— Д-да! — припечатает старик.

Вот и весь разговор.

* * *

Из больницы старика забрали. Все, что могли, тамошние медики сделали. Нужды держать его там дальше никакой не было. Да и условий тоже никаких. Дети обнаружили его на старой продавленной койке в обшарпанном коридоре, возле процедуры.

По приезде домой Алена несколько дней бегала по знакомым врачам, доставала дефицитные лекарства, договаривалась с медсестрами. Отцу назначили уколы, капельницы. В жизни немногословный, суровый даже — внуки, те и вовсе побаивались его, — сейчас он тепло смотрел на родных, охотно разговаривал, иногда пошучивал. В какой-то момент Сергеем с Аленой показалось, что старику стало лучше.

А тут еще знакомые порекомендовали врача хорошего, кандидата наук. Созвонились. Та обещала на следующий день приехать. И дети поверили — отец поправится. Но к вечеру он впал в беспамятство.

* * *

Старик видел себя опять молодым. Стройным, подтянутым, при капитанских погонах. Таким он вернулся в деревню летом сорок шестого. На груди, кроме медалей, орден Красной Звезды и два ордена Отчественной.

Звезду за Берлин получил. Он тогда со своими ребятами-минометчиками от Одера до самого центра города вместе со штурмовыми группами пехоты прорывался. Первыми на окраине закрепились, первыми — под его командованием — открыли огонь по центру города. Уличные бои — дело тяжкое. Квартал за кварталом... Как только жив остался?

А домой вернулся не один — с молодой женой. Сослуживец как-то фото сестры показал — ну и... Приглянулась, в общем, девчонка. Взял да и написал письмо. И фотографию свою отправил. Парень видный. Офицер! Как тут было Нюре голову не потерять? На фото глянула — и пропала девка!

После Победы он еще год в Берлине служил. Предлагали в армии остаться — не захотел. Душа по дому истосковалась. Да и Нюра заждалась. Как она там?.. Писала, что, когда линия фронта вплотную к их городу приблизилась, вместе со всеми окопы рыла; во время налетов дежурила на крышах с девчонками — зажигалки гасила; позже в госпиталь санитаркой устроилась. За войну и мать, и отца схоронила. В общем, натерпелась лиха.

Родня молодую жену поначалу не приняла: мало, что ли, в деревне своих девок? Чужую привез. Да еще — городскую. Думали, что сбежит молодуха. Тут тебе не город! Но Нюра девкой бойкой оказалась, работящей, до чужой беды отзывчивой. Кому помочь — она завсегда первая: хату ли глиной обмазать, побелить ли, с огородом управиться... В общем, прижилась в деревне, своей стала. А мать, та и вовсе на невестку нарадоваться не могла...

...И вот видит старик, как идет он по пыльной проселочной дороге домой. Со станции идет. Рядом Нюра, на руке виснет. В другой руке — аккордеон трофейный, брату младшему подарок. Жарко! Гимнастерка мокрая от пота. Во рту пересохло. Водички бы...

* * *

— Инсульт. Повторный. Тяжелый... — Врач, молодая миловидная женщина, с сочувствием смотрела на Сергея и Алену. — Ну, и возраст... Сами понимаете.

Она вздохнула:

— Можно, конечно, госпитализировать. У нас очень хорошее отделение. За ним будут ухаживать, искусственно кормить, но в сознание он уже не придет. А дома, среди родных, близких... Оно в любом случае лучше будет. Все необходимые лекарства, чтобы состояние облегчить, я выпишу. В общем, решайте.

После ухода врача Аленка легла рядом с отцом, прижалась, обняв сухонькие старицкиные плечи. Она держала отца за руку, как маленького, и беззвучно плакала. Серега, присев рядом, взял его за запястье: пульс еле прощупывался. Он в панике заметался по комнате. Что же делать, господи?! Чем помочь?.. И вдруг его осенило! Ну конечно же! Тесть не раз ему рассказывал, как чудом выкарабкался после тяжелейшего ранения. Считай, с того света вернулся. А все почему? Да потому, что жить хотел! К Нюре своей ненаглядной рвался. Значит, нужно, чтобы старик снова, как тогда, захотел жить! Только бы докричаться до него, только бы суметь разбудить в душе самые яркие, самые дорогие сердцу воспоминания. Но как?!

Сергей в смятении беспомощно оглядывался вокруг. Взгляд его случайно упал на гармошку, давно без дела пылившуюся под столом. А может?..

Он схватил инструмент:

— Сейчас, батя... Сейчас...

Накинув ремень на плечо, судорожно вспоминая полузабытое, бегло прошелся пальцами по кнопкам. Раз. Другой. Наконец, нащупав мелодию, замер, как бы собираясь с духом, — и рванул меха. Он играл марш «Прощание славянки». Играл самозабвенно. Со сдержанной, нарастающей силой. Отбивая ногой ритм строевого шага.

— Полк! Смирно! — во весь голос, растягивая слова, как, бывало, командир части на армейском праздничном разводе, прокричал Сергей. — К торжественному маршу! Поротно! На одного линейного дистанции! Первая рота — прямо! Остальные — напра-во! Равнение направо, шагом — марш!

Аленка сидела рядом с отцом, уткнувшись в ладони. Плечи ее ходили ходуном.

Сергея кричал срывающимся голосом, не сводя с тестя глаз, не смахивая бегущих по лицу слез.

* * *

Старик сразу узнал этот плац, вымощенный серой брусчаткой.

Берлин взят!.. Их поредевший, измотанный боями полк разместился на отдых в старых немецких казармах. В майском воздухе разливается запах цветущих лип и акаций. Развалины домов еще дымятся, и чад пожара смешивается с нежными, пьянящими цветочными ароматами. Запах Победы! Старик почувствовал его вновь.

Полк выстроился на плацу. На них все та же пыльная, пропахшая порохом и гарью полевая форма, в которой они еще вчера штурмовали город. Перед строем — командир полка:

— Товарищи солдаты, сержанты и старшины! Товарищи офицеры! Поздравляю вас со взятием Берлина! Ура-а!..

— Ура-а! — подхватывает полк.

И в тот же миг это ликующее многоголосье сливается с торжественными, пробирающими до слез звуками марша: полковой оркестр грянул «Прощание славянки».

* * *

Старик открыл глаза. Взгляд его был совершенно ясным и осознанным.

— Ты чего?

— Батя!..

Сергея и раньше относился к тестю с симпатией, но особо родственных чувств к нему не испытывал, так как виделись они редко. А за эти дни всем сердцем прикипел.

Старик был в сознании еще два дня. Он снова улыбался и даже посмеивался, слушая в который раз рассказ зятя о том, как тот, испугавшись, отчаянно пытался реанимировать его. Он даже поесть не отказался. После

первого инсульта ему трудно было глотать, теперь же он с удовольствием ел йогурт, которым Алена кормила его с ложечки.

— Как вкусно! — удивлялся привыкший к простой пище старик.

Можно было подумать, что он пошел на поправку, но во взгляде, да и во всем его облике чувствовалось что-то отстраненное — как будто он уже и не здесь, не с ними. «Понимает ли он, что умирает?» — спрашивал себя Сергей, впервые вот так вплотную столкнувшийся со смертью, вернее с ее грозным, неотвратимым приближением.

Отношение тестя к неминуемому концу его изумляло. Тот не жаловался, не изматывал капризами, как это часто бывает с тяжелобольными. Не спрашивал, что с ним, не задавал неудобных вопросов, которые вынуждали бы родных прятать глаза и бодро врать, что все, дескать, хорошо и он скоро поправится. Ничто не выдавало в нем страха перед неизбежным.

И ведь невозмутимость старика не была показной, вымученной — для того, чтобы детей не расстраивать, внуков не испугать. Нет! Он на самом деле был удивительно спокоен. Даже умиротворен. И это никак не укладывалось в голове зятя.

Сергея только в житиях святых читал о таком. Так то ж святые! А ведь старик и верующим вроде не был — во всяком случае, никогда об этом не заговаривал. Правда, жена как-то обмолвилась, что отец крещеный.

В ночь на воскресенье старик снова впал в забытие и в сознание уже не приходил. В бреде повторял:

— Гуси летят... Гуси...

На рассвете, когда сквозь неплотно задернутые занавески в комнату проникли первые солнечные лучи, он задышал часто-часто и через несколько минут, глубоко вздохнув в последний раз, испустил дух...

* * *

Старик стоял за околицей, на краю заброшенного колхозного поля. Стоял с непокрытой головой, легкий ветер теребил седой чуб. Снег уже сошел, лишь местами белели небольшие редкие его островки. Кое-где сквозь прошлогоднюю жухлую траву пробивалась первая зелень. Старик вдохнул полной грудью бодрящий утренний воздух — еще морозный, но уже напитанный еле уловимым дыханием весны. И вдруг услышал протяжное: «Кгаа-кгаа...»

Он поднял голову — по небу пролетал гусиный клин. Гуменники! Старик улыбнулся. Пора... Оглянулся последний раз на деревню, оправил гимнастерку и уверенно зашагал по полю — вслед за гусиным клином*. Он шагал, а в утренней тишине над землей торжественно плыл праздничный пасхальный благовест, перекликающийся с тонким, чуть слышным перезвоном наград на груди солдата.

* Образ гусей в северном фольклоре — это символ жизни и смерти. Способность этих птиц быть вестниками умирания и воскресения природы побуждала людей обращаться к ним с просьбой о возвращении умерших близких. — *Примеч. автора.*

Хоронили его в родной деревне, рядом с женой, как и просил. На кладбище везли в кузове открытого грузовика. Алена сидела в изголовье, бережно придерживая голову отца. Везли по безлюдной, точно вымершей деревенской улице.

Народу на кладбище — раз-два и обчелся. Рядом с вырытой могилой — Агнесса Ивановна в черном платочке, пообок от нее — Иван Мороз, тоже фронтовик, в пиджаке с орденами. Да пара ветхих старушек в стороне.

Хмурый водитель неторопливо вылез из кабины, откинул борт грузовика. К нему подошел Сергей. Они приняли обтянутый кумачом гроб на руки, поставили на привезенные с собой табуретки. Старушки, вытирая платочками глаза, потянулись к гробу — попрощаться. Последней пошла Агнесса.

— Спи спокойно, дорогой наш Николай Яковлевич, — негромко, склонившись над покойным, произнесла она. — Спи спокойно и не тревожься, сосед.

Она выпрямилась, оглянулась на односельчан. И вдруг, как бывало в молодости на митинге, торжественно и ясно зазвучал ее голос в кладбищенской тишине:

— Николай Яковлевич принадлежал к той редкой когорте людей, которых уж и не осталось вокруг. Людей, цель жизни которых — служение ближним своим. Офицер, орденоседец — он и служил. Служил беззаветно. Отчеству — с оружием в руках в грозную годину. Селу родному, семье, соседям... Такой был человек. И ведь ни разу ничего для себя не попросил. А мог бы! Имел полное право. Потому как всю жизнь без остатка отдал Родине. Да только где она теперь — наша Родина? — Агнесса вопрошающе-грозно огляделась вокруг. И сельчане, давно отвыкшие от таких речей, вдруг увидели перед собой не измученную и разбитую болезнями старуху, а их прежнюю Агнессу. — Где та Родина, для которой жили? Работали тяжело, не жалея себя? Жилы рвали! Где она — наша Родина?! Похоже, опять пришла пора выручать ее. Да только плохие из нас теперь выручальщики. Кто придет на смену нам? — Она тяжело вздохнула. — А хочется... Ох, как хочется верить, что придут...

Агнесса замолчала, опустив голову. Но тут же встряхнулась:

— А ты не тревожься! Не тревожься за нас, Николай Яковлевич! Хоть и поредело войско наше, мы не подведем. И найдутся еще те, кто ряды наши пополнит. Найдутся!

Ветер трепал сгорбленные фигуры сельчан и ковыль вокруг.

Найдутся ли?

Елена БЕЗРУКОВА

СИНЕЕ СТЕКЛЫШКО

* * *

Легким, безумным, оранжевым
Сбудься, случайная жизнь!
Шарик воздушный, не спрашивай,
Стой на мосту и держись
За осторожную ниточку
В небе, контрастном до слез.
Ах, человечешко, выскочка,
Что же ты миру принес?
Что там за бред про служение?
Что там за рок огневой?
Может, ты лишь приложение
К шарiku над головой?
...А по мосту по бетонному,
Слепо, предсмертно, как страх,
Едет в тебя многотонная
Гибель на всех скоростях.
И за секунду до окрика
Вздогнув, как будто живой,
Шар понесет тебя в облако
Вверх, над твоей головой...

* * *

Говори же — я слушаю:
Воздух осени — слух.
Выпрямляется к лучшему
То ли дым, то ли дух.

Как дымы вертикальные,
Мысли вытянуты
До смешной, до печальной ли,
До седой высоты.

Потому что от холода
Строже беглая жизнь.
Потому что обходится
Без ненужных чужих

Сторона, где предзимие
Занавеской черкнет —
И потянется синее
На полгода вперед.

Что бродило и маялось
От тюрьмы до сумы —
Отпустить хоть на малость бы
В кладовую зимы.

Тут земля долговязая,
Степь, начало начал...
Что б ты здесь ни рассказывал —
Все равно замолчал.

Здесь любое звучание
Дребезжит, как стекло.
Здесь надежней молчание
И теплее тепло.

* * *

Молоком горьковатое слово запить,
Чтобы вдох был по-прежнему светел.
Глубина, на которой нельзя разлюбить,
Все прощает, заметил?
Через медленный сад, где гудит чернозем,
А листва говорит еле слышно,
Мы идем, будто мы никогда не умрем,
Собирать перезрелую вишню.
Что делить нам с тобою на этой земле?
Нам и так-то по темечку било:
Не остаться в гордыне, в обиде, во зле.
А иначе — зачем это было?

* * *

Каждому раздали свое стеклышко:
Зеленое, желтое, карее.
Мне досталось редкое, синее.
Я на солнце смотрю сквозь него.
Синее солнце — пролетное,
Как окно между ночью и днем.
Каждого научили чему-нибудь:
Математике, физике, музыке,
Рассуждать, обнимать, вслушиваться,
Жить сквозь то, что в сон протекло.
Так лучше — видеть одно сквозь другое.
Так чище — слышать одно сквозь другое.
Бог, я смотрю на тебя сквозь человека.
Мне тебя так видней.

* * *

Говори на моем языке.
Вторит эхо извилинам грома.
Так тоска припадает к тоске,
И никак по-другому.
Так строка ожидает строку
И прощенья — проклятье,
Тело, спящее на боку, —
Повторенья объятья.
Приглашая на казнь и на пир,
Выводя на мороз и сожженье,
Все двоится, зеркалится мир.
Но не видит свое отраженье.

* * *

Потому что через снег
Потому что неужели
Проступает человек
Тихо-тихо еле-еле
Потому что ты молчишь
Потому что слушать рано

Или поздно или странно
Или лишь
Ах какая тишина
Небывалая по смыслу
Низким пологом нависла
Ночь нежна
Не бывает в феврале
Но была неосторожно
Потому что жизнь возможна
И на скошенном крыле
Я не верю в громкий шаг
В резкий свет и взрыв полярный
Дышит Бог молекулярный
Точит пробочку душа
Незатейливым дымком
Изнутри любовь сочится
И на свете чисто-чисто
Снегом снегом молоком
И не сбудется уже
И не надо и ни строчки
Жизнь как воздух в оболочке
В тонкой маленькой душе
Дай коснуться насовсем
Жив покуда осязаем
Ничего-то мы не знаем
А зачем

Любовь НОВГОРОДЦЕВА

ЖИЗНЬ И ЕЕ ВИНТИКИ

Р а с с к а з *

1.

Максим был безгранично счастлив. Уже целую неделю. В прошлую среду он наконец решил проводить после школьной репетиции Настю Краснову — тоненькую, как травинка, с пушистыми золотистыми волосами, а сегодня осмелился ее поцеловать и теперь возвращался домой со сладко сжимающимся сердцем и глупой улыбкой до ушей. Хорошо, что на улице уже крепко стемнело — можно было не сдерживаться и улыбаться сколько угодно, не опасаясь, что встречные прохожие примут за дурачка. Торжественно скрипел снег под ногами, небо празднично искрилось звездами, как будто кто-то специально запустил салют в честь их с Настей первого поцелуя. Морозный воздух почему-то пах Настиными духами, и Максим вдыхал его так глубоко, как только мог.

К восьмому классу он вымахал ростом и раздался в плечах, так что выглядел не на четырнадцать, а на все шестнадцать. От отца ему достались крепкое телосложение, правильные черты лица и примесь татарской крови. Кареглазый, темноволосый, с непослушным вихром на лбу, который только добавлял шарма, Максим нравился многим девчонкам, даже из старших классов. Некоторые сами предлагали встречаться, но его сердце с этой весны было прочно занято золотоволосой одноклассницей. И вроде бы женского пола он не боялся, вот только с Настей нельзя было общаться запросто, как с другими. А как с ней можно, он не знал, поэтому долго не решался подойти. И лето прошло, и осень, и почти треть зимы, а он все никак не мог набраться смелости, и неизвестно, когда смог бы, если бы не началась подготовка к школьному новогоднему вечеру.

В одной из сценок Максим должен был взять Настю за руку, и, когда это случилось, когда он сжал ее теплые пальцы в своих, удержал чуть дольше, чем было нужно по сценарию, и она не отняла руки, только щеки ее смущенно порозовели, — тогда робость отступила. После репетиции он пошел ее провожать, не спрашивая разрешения и ничего не объясняя, а она и не удивилась, словно знала, что рано или поздно это произойдет.

---

* Публикуется в сокращении.

В ограде, выскочив на мороз из нагретой будки, Максима радостно обляяла Лайма, по-своему, для порядка, отчитывая за то, что задержался.

— Да ладно ты... — Он ткнулся разгоряченным лбом в собачий лоб все с той же глуповатой улыбкой, неудержимо растекавшейся по щекам.

Лайма вывернулась, затанцевала с нетерпением, изо всех сил стараясь о чем-то рассказать. Максим непонимающе похлопал ее по спине:

— Ну иди, иди в будку, а то замерзнешь.

Прежде чем зайти в дом, он спрятал, утолкал свое ликование поглубже внутрь, чтобы родители не заметили. Ни к чему им пока знать.

В прихожей его насторожила тишина, слишком отчетливая, почти осязаемая. Такой у них дома никогда раньше не было.

Из комнаты бесшумно выглянула мама. Максим в первую секунду даже не понял, почему у нее такое некрасивое лицо. Потом догадался: от слез.

— Ты... — уронила мама и сразу же исчезла.

— Мам, что случилось? — спросил Максим вполголоса ей вдогонку. Казалось, в такой тишине нельзя говорить громко.

Куртка никак не желала цепляться петелькой за крючок вешалки, шапка упрямо съезжала с полки. «Неужели бабушка умерла?» — обдала холодом мысль. Бабушка была совсем старенькая и вызывала у Максима чаще всех остальных чувств раздражение, но смерти ее он не хотел.

— Кто там пришел? Максимка? — опроверг его догадку дребезжащий голос из дальней комнаты. — Уж темно давно, а он все где-то шарашится...

Значит, не бабушка. Тогда что?

Он осторожно просунулся в щель между шторами, за которыми скрывалась спальня родителей. Опасался увидеть там что-то страшное, но увидел только унылую скобку сгорбленной маминой спины и тощий желтоватый хвостик на затылке.

— Мам, что случилось-то?

Мама набрала в грудь побольше воздуха, готовясь сказать ему какую-то тяжелую правду.

Выдохнула:

— Отец нас бросил.

— В смысле?

— Ушел к другой женщине. У него теперь другая семья. Мы ему больше не нужны.

В замешательстве Максим сел рядом с матерью на кровать. Отец ушел к другой женщине? Быть такого не может! Наверное, поругались опять, вот он и брякнул со злости, а она поверила.

Последнее время родители часто ругались: мать чуть ли не каждый день изводила отца ревнивыми подозрениями. Максиму его даже жалко было. Тот задержится на пилораме, приедет уставший, голодный, а она ему начинает про какую-то продавщицу... Несколько раз, бывало, отец разворачивался и уезжал обратно на работу, ночевал в сторожке.

— Мам, ты как ребенок... Он же специально так сказал.

— Нет, не специально, — покачала мама тощим хвостиком. Голос ее стал писклявым, как у обиженной девчонки, и сама она вся сделалась не больше подростка, какая-то маленькая и худая. — Он вещи свои забрал.

Внутри Максима как будто образовались весы: на одной чаше — мамина уверенность и заплаканное лицо, на другой — его, казалось бы, разумные оправдания отцовского поступка. Вещи отец тоже мог нарочно забрать, чтобы припугнуть ее. Отвез их, поди, в сторожку. Сколько он там выдержит, в спартанских условиях? Максимум неделю — и вернется.

Чаши весов беспокойно ходили вверх-вниз, ни одна не могла перевесить окончательно.

Что, если у отца и в самом деле другая женщина? Если так, то должна же она где-то жить. А узнать, куда уехал отец, легче легкого: где его машина, там и он. Максим готов был прямо сейчас сбегать к дому предполагаемой разлучницы, чтобы все выяснить.

— Мам, а к кому он ушел?

Мама хрипло вытолкнула из себя каменные слова:

— К продавщице из хозяйственного магазина.

— Из какого? — Максим расслышал, но ему отчаянно захотелось ошибиться.

— Из хозяйственного, — повторила мама.

Мысли беспомощно поплыли в разные стороны, как от удара чем-то увесистым по затылку. В деревне был только один хозяйственный магазин. В нем работала тетя Таня Краснова. Мать Насти.

Нет, он отказывался верить. Неужели добрая, всегда с улыбчиво-внимательным «что вы хотели?», с удивительно синими, почти как ее рабочий фартук, глазами, с копной золотистых вьющихся волос, таких же, как у ее дочери, тетя Таня могла пойти на подобную низость? Хотя... Максим вспомнил, что, когда они с Настей подходили к ее дому, он услышал, как хлопнула дверца машины в их ограде, и удивился, потому что машины у Насти с матерью не было, но тут же забыл об этой мелочи, совершенно недостойной внимания в тот момент. А теперь она выкатилась, как потерянный винтик из темного угла, и легла на мамину чашу весов.

Впрочем, это еще ничего не доказывало.

— Ты, наверное, голодный. — Мама смахнула что-то, мешавшее ей на щеке, рукавом халата. — Иди, поешь. Суп в холодильнике.

Пока тарелка борща крутилась в микроволновке, Максим вертел в руках смартфон, соображая, как бы поосторожнее выведать у Насти, у них ли отец, и ничего лучше не придумал, чем послать ей пригодное для любого случая жизни: «Что делаешь?»

Не успела микроволновка пропищать о том, что суп согрелся, от Насти прилетел ответ: «Макс, я в шоке!» И следом: «Не думала, что у них до этого может дойти!»

— В смысле? — он оторопело уставился на экран.

В голове медленно, кирпичик к кирпичику, начала складываться картина произошедшего.

Получается, отец и вправду ушел.

Получается, мамины ревнивые истерики происходили не на пустом месте.

Получается, отец действительно тайно встречался с продавщицей, и эта продавщица — Настина мать. Кто знает, может, он вовсе не ночевал в сторожке, когда демонстративно уходил из дома, как несправедливо обвиненный. Ему было где найти более уютный ночлег.

Получается... отец будет теперь жить в одном доме с девушкой своего сына?

И самое ужасное, самое отвратительное: раз Настя «не думала, что у них до этого может дойти», значит, она была в курсе! Была в курсе и молчала!

2.

Дома стало неуютно после ухода отца, словно он оставил открытой какую-то невидимую дверь, в которую, сколько ни топи печку, тянуло холодом и тревогой.

Мама сразу сделалась маленькой, беспомощной. Максим, конечно, давно заметил, что перерос ее на целую голову, но по детской привычке продолжал смотреть на нее как бы снизу вверх, потому что она была взрослой, а он — не совсем. Теперь они поменялись местами.

Он терпеливо ждал, когда ей полегчает, старался во всем помогать, даже мыл ненавистную посуду. Но ни через месяц, ни через два ей не стало лучше. Наоборот, чем дальше, тем больше усиливалось ее безразличие к окружающему. Если раньше мама терпеть не могла беспорядок и ворчала из-за незаправленной кровати и брошенной как попало одежды, то теперь вообще не заходила в комнату сына. Хуже того: она перестала заправлять и свою кровать. Ходила неделями в одном и том же халате, с немой головой. Хотя «ходила» — преувеличение. Большую часть дня она лежала, а если ей нужно было зачем-то встать, вздыхала, ни к кому не обращаясь:

— Как я устала!

Она почти не разговаривала, постоянно находилась в своих мыслях, злилась, когда Максим или бабушка заставляли ее ненадолго вынырнуть в действительность.

Как-то Максим пришел из школы и обнаружил, что обед не сварен.

— Мам, поесть ничего нету? — заглянул к ней в спальню.

Мать вонзила в него полный ненависти взгляд. От неожиданности Максим почувствовал себя пригвожденным к косяку.

— Как вы мне надоели! Неужели сами сварить ничего не можете? Видите же, что у меня сил нет! — Она стала подниматься с кровати и вдруг заплакала, горько и беззвучно.

— Мам, может, тебе к врачу надо? — осторожно спросил Максим.

— К какому врачу? — Слезы моментально прекратились, мокрые глаза презрительно сощурились. Так же она щурилась на отца, когда тот отпирался, что у него есть любовница.

— Ну существуют же какие-то лекарства от депрессии...

— В психушку? В психушку меня решили спровадить?! — голос ее взвинулся, и сама она вся взвинулась, кинулась на кухню, громко и зло начала стучать посудой.

В другой раз мама понесла бабушке ужин. Бабушка приходилась Максиму на самом деле прабабушкой. За последнюю осень она сильно сдала, перестала выходить из комнаты, жаловалась на ослабевшие ноги. Максим сказал бы, что у нее ослабела и голова. То ей мерещились голоса, то стук в ворота посреди ночи, то «открывался дар ясновидения» и она начинала озвучивать жуткие картины, возникавшие в ее воображении, если кто-то из домашних ненадолго где-то задерживался.

Максим в своей комнате пытался делать домашку по алгебре, однако все происходившее в доме ему было хорошо слышно.

— Кто там давеча приходил? — скрипнув кроватью, поинтересовалась бабушка.

— Никто не приходил, — ответила, будто молотком стукнула, мама.

— Я же слышала! — настаивала бабушка. — Ты с каким-то мушшынкой разговаривала!

— Не было никого, сказано! — удар повторился.

— Он потом еще дверью ка-а-ак хлопнет! — Бабушка упрямо продолжала свое. — Не Володя это был?

Максим шепотом выругался: обязательно ей нужно было упоминать отца!

— Ты глухая, что ли?! Не приходил он! Не приходил! Не приходил! — с каждым следующим выкриком мамин голос становился отчаяннее, тоньше и в конце концов взорвался звоном разбитой тарелки.

Максим в ужасе бросился к ним. Он был уверен, что мама швырнула тарелкой в бабушку, но та сидела на кровати с таким невозмутимым видом, как будто осколки посуды и кляксы пшенной каши у ее ног — обычное дело. Заметив Максима, она строго повернула к нему маленькое сухонькое лицо:

— У, бугай какой вырос! Пошел бы, схватил отца за шкуру да приволок домой! Не вишь разве, чё с матерью делается?!

Максим внутренне собрался, приготовился к маминой реакции. Ему и самому сейчас хотелось запустить чем-нибудь в бабушку, а маме-то уж тем более. Неужели нельзя просто молча поесть? Обязательно надо сморозить какую-нибудь чушь и довести всех до бешенства!

Мама отреагировала так, как Максим и предположить не мог.

— Сынок... — Она двинулась к нему осторожно и медленно, словно от малейшего колебания воздуха он мог исчезнуть. Жирные волосы растрепаны, в глазах такое кричащее отчаяние, что у Максима мурашки пробежали по спине. — Сынок, помоги мне!

— Как помочь? — Он невольно попятился назад и уперся спиной в стену.

— Поговори с отцом. Сходи к нему, скажи, чтобы домой шел...

— Мам, ты что? Унижаться перед ним?

— Сынок, пожалуйста! — Она вцепилась ему в плечи худыми пальцами. — Он любит тебя, он тебя слушает!

— Не пойду я никуда!

Максим оторвал от себя ее руки, на мгновение удивившись собственной силе, и хотел уйти к себе, но мама упала на колени и крепко обхватила его за ноги:

— Сыночек, прошу тебя! Он, наверное, и сам уже не рад... домой хочет, но не идет, потому что... потому что я его тогда сама выгнала! — Слезы потекли у нее по щекам, она уткнулась лицом Максиму в колени. — Сыночек, я тебя умоляю!

— Мам, хватит! Отпусти! — потребовал Максим раздраженно.

Собирают ерунду на пару с бабушкой, одна другой хлеще!

Мама подняла на него мокрые, какие-то совершенно очумелые глаза, и Максима внезапно стиснул ледяной ужас: она же реально сходит с ума!

— Ты должен поговорить с ним! — уже не просила, а требовала мама. — Уговори его вернуться!

Максим высвободился из ее рук и, сам не помня как, оказался у вешалки в прихожей.

— Скажи, что я его за все, за все прощу! — рыдала мама.

— Нечя с им разговаривать! За шкирку его и домой! — дребезжала бабушка.

Максим выскочил на крыльцо в расстегнутой куртке и незашнурованных ботинках. Он вовсе не собирался идти к отцу, но и здесь остаться больше не мог.

3.

...Вернулся он, когда уже сгустились сумерки. В доме светилось одно окно, остальные угрюмо темнели.

Максим попробовал представить, что сейчас делает мама. Наверное, лежит у себя в комнате, прислушивается к каждому шороху. Ждет, какой он принесет ответ. Жаль, что у него нет другого дома, только этот...

Что же сказать ей? Как будет правильней? Соврать, что не видел отца, так она будет посылать к нему снова и снова. Сейчас она тешит себя надеждами на возвращение мужа и страдает оттого, что он все не приходит. А если точно будет знать, что ждать нечего, — может, тогда успокоится?

Не успел Максим перешагнуть порог, а мама уже стояла в прихожей. Ему сразу бросилось в глаза, что вместо замызганного халата на ней голубая туника с Эйфелевой башней, волосы распущены и слегка сыроваты, да и на лицо она заметно похорошела. И никаких признаков недавнего сумасшествия. Такая мама нравилась ему больше, но сердце тут же защемило от жалости к ней. Он ведь понимал, для кого она прихорошилась.

«Ну?» — В ее цепком взгляде читалась надежда.

Максим медленно разулся, повесил куртку, прошел на кухню, сделав вид, что ему нестерпимо хочется пить. «Хоть бы она сама поняла! —

взмолился он к текущей из крана воде. — Хоть бы мне не пришлось ей это говорить!»

— Ты видел отца? — В мамином голосе прозвучало нетерпение, даже досада. Таким тоном родители разговаривают с детьми, когда те делают не то, что от них ждут.

— Видел, — признался Максим и через силу влил в себя воду из стакана.

— Ты говорил с ним?

Максим собрался с духом:

— Mam... в общем... он сказал, что не вернется.

Стакан решительно звякнул, становясь на свое место в строй других.

Мамины плечи как-то сразу поникли. «Зачем? Зачем ты меня убил?» — страдальчески и удивленно спрашивали ее глаза.

— Mam... ушел — ну и фиг с ним! Что мы, без него не проживем, что ли? — Максим торопился словами перевязать только что нанесенную ей рану. — Надо просто пережить, перетерпеть...

Мама не дослушала. Фиолетовые шторы, закрывавшие вход в спальню, потерянно сомкнулись за ее спиной.

«Ничего, она справится!» — Максим туго-натуго перебинтовал себе грудь этой мыслью. Ему тоже нужна была перевязка, только никто не замечал.

В комнате на столе ждала недоделанная алгебра, но он потерял столько сил, чувствовал себя таким разбитым, что, даже если бы и попытался сесть за уроки, организм эту бесполезную алгебру все равно бы отверг. Побросав учебники с тетрадками в рюкзак и устроившись на кровати с ноутбуком, он забил в поисковик вопрос, который волновал его куда больше: «Сколько длится депрессия у женщин после развода?»

Однозначного ответа интернет не дал. В среднем, говорилось там, такая депрессия может длиться от двух месяцев до двух лет. Это пугало и успокаивало одновременно. Значит, то, что мама уже два месяца находится в таком состоянии, можно считать нормой. Но что, если это затянется на год или два?

Он хотел еще посмотреть, бывает ли, что женщины в подобных случаях сходят с ума, но поисковик не понял вопроса и выдал список сайтов, советующих, как пережить развод. Максим полистал их. В основном там предлагали чем-нибудь заняться: спортом, ремонтом, карьерой... Все это маме как-то не подходило, и он пожалел, что сейчас не лето. Летом она могла бы заниматься своими любимыми делами: возиться в огороде, делать заготовки, ходить в лес по ягоды или грибы.

Вдруг щелкнул выключатель, и из плафона на потолке во все стороны брызнул ярко-желтый, неприятно режущий глаза свет.

Мама, с плохо отмытой тушью, с красными пятнами на щеках и шее, подошла к кровати и села на край. Эйфелева башня на голубой тунике накренилась и сломалась.

— Что именно он сказал? — спросила мама притворно спокойным голосом.

Максим на всякий случай захлопнул ноутбук. Вспоминать о разговоре с отцом было мучительно, а повторять его слова — тем более. Он поморщился:

— Мам, зачем ты себя мучаешь? Я тебе уже говорил.

— Я хочу знать, что он сказал, слово в слово, — настаивала она.

— Так и сказал: «Я не вернусь», — через силу вытолкнул из себя Максим. Остальное — про то, что полюбил другую, — не вытолкнулось, застряло.

— А ты?

Максим почувствовал, что где-то в глубине у него начинает раздраженно клокотать внутренний вулкан.

— Спросил почему.

— А он?

— Он сказал, потому что прошлого не вернуть. Так, как раньше, уже никогда не будет.

— А ты?

— Я сказал, что тебе без него очень плохо. Он сказал, что ты справишься.

— А дальше?

— Что — дальше?

— Ты ничего ему больше не сказал? — В маминых глазах кипело негодование.

— Что я должен был еще говорить?

— Ты должен был его домой позвать! Ты должен был сказать, что тебе без него плохо! Что он тебе нужен!

От того, с каким остервенением она совала ему под нос слово «тебе», внутренний вулкан Максима не выдержал, взорвался.

— Он же сказал: «Не вернусь!» Как я еще должен был его позвать?! Зарыдать и упасть на колени?! Умолять?! Может, ботинки ему целовать?! Или какое-нибудь другое место?!

Мама отпрянула с видом ребенка, сделавшего для себя неожиданное неприятное открытие. Глаза ее сузились.

— Ты... ты такой же, как твой отец! Вылитый! Ты такой же, как он... — Она сжала губы, подыскивая подходящее сравнение, и, отыскав, выплюнула Максиму в лицо: — Предатель! Вы оба меня предали! Думаете только о себе! Вы хоть раз пробовали представить, каково мне? Что я чувствую? Конечно, разве это вас волнует!

Она стремительно вышла из комнаты, оставив включенный свет и Максима, ошарашенного этими несправедливыми обвинениями.

Он пытался убедить себя, что сердиться глупо, что мама не в себе и надо учитывать ее состояние. Но обида была сильнее. Нахлынула, оглушила и утянула в самую глубину. Получается — что? Отцу надо, чтобы сын его понял. Матери надо, чтобы он понял ее. А его, Максима, понимать не обязательно? Они думают, ему можно вот так запросто заявить про любовь к другой женщине? Можно отправить его унижаться, а после обозвать предателем? Они думают, он ничего не чувствует, что ли?

Максим поднял крышку ноутбука и кликнул по значку «ВКонтакте». Среди друзей онлайн была и черно-белая аватарка Насти: голова опущена, лицо закрыто волосами, как шторкой. Она не меняла фото с того дня, когда они разговаривали последний раз. Это было в январе, сразу после новогодних каникул. Настя поймала его за рукав куртки на школьном крыльце, попыталась что-то объяснить. Но он ничего не хотел слушать, ему тогда казалось, что она виновата перед ним не меньше своей матери...

Имело это печальное фото какое-то отношение к их разрыву или нет, неизвестно. Попробуй пойми этих девчонок. Максиму хотелось, чтобы имело. Сердце, несмотря на отданный ему приказ утихомириться и забыть Настю, нет-нет да и напоминало о себе. Сопротивлялось. Вот и сейчас любовь опять заскулила, зацарапалась, как зверек в тесной, темной клетке...

«Они — это они, а мы — это мы», — вспыхнули в памяти Настины слова, которые так покоробили его при последнем разговоре. Они уже не вызывали прежнего негодования. Теперь его возмущало другое: никто не спрашивал ни его, ни Настю, никто не интересовался их мнением, их чувствами. Их вообще не брали в расчет, как будто они мебель, которую можно оставить за ненадобностью в старом доме — как его, или, как Настю — задвинуть в угол, чтобы не мешалась!

Похоже, Настя была права. Она, умница, поняла это сразу, а ему, тугодуму, потребовалось целых два месяца.

4.

...Вернувшись из школы, Максим увидел у ворот на снегу четко пропечатанные следы шин, точь-в-точь как у отцовского «дастера». Внутри шевельнулась робкая надежда: вдруг родители помирились? Отец ушел от тети Тани, теперь та сидит и рыдает, как совсем недавно мама, а Настя побежала ее утешать, почему и сорвалась сегодня с уроков...

Он заторопился в дом, чтобы поскорее узнать, правильно ли его предположение, и даже почти успел поверить, что так и есть, но дверь молча сунула ему под нос кукиш — маленький навесной замок.

Ключ в таких случаях обычно висел на гвоздике в дровянике. Максим протянул руку, нащупал его не глядя. Сняв замок, зашел в дом. Неприятно удивился, не почувствовав привычного печного тепла, в которое попадал, вернувшись из школы.

— Кто там? — строго потребовала бабушка, исполняя добровольно принятую на себя обязанность сторожевой собаки.

— Я! — отозвался Максим и почувствовал, как в нем начинает закипать знакомое раздражение. Сидела бы помалкивала, и без нее тошно!

— А мать где?

— Откуда я знаю?

— Дак надо ее разыскивать! С утра как ушла, так и нету! Отец давеча приезжал, начал по шкафам шаробориться. Я ему кричу: «Чё ты

шароборишься, чё тебе надо?» Он говорит: «Документы». Были бы у меня ноги, я бы показала ему документы! Надо ключ от его прятать!

Тревожная, весь день неотступно ползущая за Максимом туча дохнула холодом в спину. Мамино лихорадочное состояние утром, отец, приехавший за какими-то документами, Настя, убежавшая из школы после загадочного телефонного звонка, — не связаны ли эти события между собой? Надо выяснить, что происходит, и побыстрее!

Не переодеваясь в домашнюю одежду — не до этого, — Максим сел на кровать, которую утром заправил с особой аккуратностью, и позвонил маме. Потом отцу. Потом — наверное, уже в десятый раз — Насте. Все их телефоны точно сговорились устроить ему бойкот. Гудки шли, но никто не отвечал.

Бабушка за стеной что-то энергично бубнила. Максим не прислушивался, но ее слова все равно как-то ухитрились проникнуть ему в уши:

— Она, поди, к нему и пошла. Начали, поди, ругаться. Она же вон кака психована, — с выражением озвучивала старуха свои бредни невидимому собеседнику. — А он, можа, треснул ее да и зашиб! Много ли ей надо, она же совсем бессильная стала. А можа, и удавил, бугай. Спрятал где-нибудь, и не найдешь...

Ужас медвежьими лапами ухватил Максима за плечи. Он еле сдержался, чтобы не крикнуть бабушке: «Заткнись ты!» — и не запустить чем-нибудь увесистым в стену.

Находиться в неизвестности, к тому же один на один с полусвихнувшейся старухой, было невыносимо, но куда идти, кому еще позвонить, он не знал. Пробежаться по магазинам и поспрашивать, не заходила ли мама и если заходила, то не говорила ли, куда собиралась пойти потом? Или сгонять к отцу на пилораму, узнать, какие документы ему так срочно понадобились? А вдруг окажется, что он зря переполошился? Может, мама зашла к каким-нибудь знакомым и засиделась у них. Может, отец полис или карточку пластиковую забыл, когда мама его выгнала, и заехал забрать, просто так совпало, что ее не было дома. А Настя... Может, ей срочно понадобилось матери ключи передать или еще что-нибудь. А на звонки она не отвечает, потому что они с Максимом вроде бы в ссоре.

Уговаривая себя не пороть горячку, Максим переоделся, поставил чайник и, пока тот грелся, натаскал с улицы дров, принес ведро угля на вечер. Обед мама не приготовила, и со вчерашнего вечера поесть ничего не осталось, но это было не страшно: он заварил себе лапшу, а бабушке — кашу, не требующую варки. В последнее время эти блюда прочно вошли в их рацион.

Когда он принес бабушке тарелку с кашей, она вместо благодарности злобно ткнула в его сторону острым, выступающим вперед подбородком:

— Ты собираешься мать разыскивать или нет?

— Что ты докопалась до меня! — не выдержал Максим. — Где мне ее искать?!

— Дак надо же чё-то делать! В милицию, можа, сходить. Были бы у меня ноги, я бы уже всю деревню обежала! И как только у тебя душа об матери не болит?

Душа Максима, выболевшая за эти два месяца настолько, что в ней живого места не осталось, от незаслуженного бабушкиного упрека заняла с новой силой.

— Ешь! — Саданув ложкой о старый полированный стол, он поспешил уйти, унести свою боль, словно раскричавшегося младенца, чтобы убаюкать, успокоить в одиночестве на кухне.

«Может, еще немного, и мама придет», — сказал он себе, усаживаясь за стол перед тарелкой с лапшой, запах которой с каждым разом казался все противнее, и сразу же сам в это поверил. Обязательно так и будет, нужно просто набраться терпения и подождать.

Но и после лапши мама не пришла.

«Еще пятнадцать минут», — пообещал Максим, а чтобы это время прошло быстрее, зашел в «ТикТок». Потом были еще пятнадцать минут. И еще. А потом душа перестала верить ему. Из плачущего ребенка она превратилась в бабушку и стала требовать: «Вот чё ты сидишь? Надо же чё-то делать!» Бабушке можно было нагрубить или, в конце концов, заткнуть уши и не слушать ее, а от души отделаться невозможно. Еще раз — впрочем, уже совсем без надежды — Максим попробовал позвонить маме, отцу и Насте, потом оделся и вышел на улицу.

Серое полотно облаков хмуро висело над деревней. «Кто-нибудь, объясните мне, что происходит!» — хотелось закричать Максиму, бросить, будто камень, свой крик прямо в небо, прорвать его плотную парусину, чтобы хоть немного света, ясности пролилось сюда, в этот невыносимый день.

Куда пойти? К отцу на пилораму? Не ходить же, в самом деле, из дома в дом, из магазина в магазин! Только и от отца неизвестно будет ли помощь. Может, отмахнется, как в прошлый раз. Жалко, что невозможно другому человеку дать почувствовать, что чувствуешь ты. Так людям намного проще было бы понимать друг друга.

В переулке, соединявшем его улицу с той, которая дальним концом упиралась в отцовскую пилораму, Максим неожиданно встретил Кристинку, свою одноклассницу и подругу Насти. Она спускалась с крыльца почты, держа в руке небольшой пакетик из Китая, и, увидев Максима, настороженно, и как будто даже с испугом, замерла.

— Что? — не понял он. — Что ты так на меня смотришь?

Кристинка, по своему обыкновению, растерянно захлопала ресницами.

— Ты Настю не видела? Не звонила ей? — требовательно спросил Максим.

— Нет...

— Что там у нее могло такого произойти? — Он с досадой пнул снежный комок, подкатившийся к носку ботинка. — Неужели так трудно взять трубку?

Кристинка недоверчиво смотрела на него:

— Ты еще не знаешь?

— Чего не знаю?

— Ну... про твою мать...

Максим почувствовал, как тревога, что упорно преследовала его с утра, навалилась всей тяжестью и удушающим захватом сзади сдавила горло.

— Про мою... мать? — выдавил с трудом.

Кристинка теперь буквально сверлила его взглядом:

— Правда ничего не знаешь?

— Да говорю же, нет! Пришел домой, дома никого. Звоню-звоню, никто не отвечает...

Кристинка поморгала и наконец решилась:

— Ну... она же это... с ума сошла!

Максим приготовился услышать что-то более страшное, поэтому в первую секунду даже испытал облегчение, но в следующую смысл сказанного обрушился на него, как подтаявший сугроб с крыши. Вспомнились безумные, жуткие мамины глаза, которыми она смотрела на него снизу вверх, крепко схватив за ноги. Значит, не показалось ему тогда...

Однако это было еще не все.

— Она чуть Настину мать не убила.

Максим не поверил. Как его маленькая, худенькая, похожая на девочку мама могла кого-то «чуть не убить»? У нее и сил-то почти не осталось.

— Ну, так люди говорят, которые там были, — прочитав сомнение на его лице, пожала плечами Кристинка.

— Где — там?

— В магазине. Говорят, когда зашли, тетя Таня вся в крови на полу лежала, а твоя мать волосы на себе рвала и кричала: «Мало тебе, мало? На, жри, сожри меня уже до конца!» Вызвали твоего отца и медсестру. Настина мать в больницу ехать отказалась, а твою увезли...

То ли парусина в небе наконец прорвалась, то ли туча-преследовательница выпустила в Максима грозовой разряд... Он стоял посреди улицы ослепленный, оглушенный, потерявший способность шевелиться и что-то соображать.

Куда теперь идти? Что делать? Как жить дальше?

В кармане загудел смартфон. Звонил отец:

— Сын, я только что освободился, выезжаю из города. Мама в больнице, но ты не переживай, все будет хорошо. Приеду — расскажу подробно...

— Я уже знаю, — буркнул Максим. — Можешь не утруждаться.

5.

Отношения с Настей совсем разладились. Теперь она не хотела разговаривать с Максимом, а он урок за уроком, день за днем тоскующим взглядом прожигал ее правую щеку и плечо, гладил золотой водопад волос, вычерчивал на спинке ее стула абстрактные узоры.

Однажды после уроков, вконец измучившись, он ухватил ее за рукав куртки на школьном крыльце:

— Давай поговорим!

Настя коротко и пронзительно посмотрела на него, будто выстрелила в упор, и они побрели вдоль школы, не замечая и не смущаясь любопытных взглядов. Под ногами расплзся мартовский снег, солнце с ласковой жалостью гладило их по головам. Раненный Настиным «выстрелом», пытаясь осмыслить его, Максим вдруг осознал, что они стали другими. Они больше не те два подростка, которые, преодолевая стеснение и нерешительность, впервые поцеловались глухим зимним вечером. Все это осталось где-то позади, уплыло в прошлое.

Он много думал, что скажет Насте. В мыслях получалось умно и складно, но, когда они не сговариваясь остановились на перекрестке, от которого их пути расходились в разные стороны, все приготовленные фразы попрятались и с языка по-дурацки соскочило обиженное:

— Значит, не хочешь больше со мной встречаться?

Настя, теребя шнурок, которым затягивалась на талии ее ярко-красная весенняя куртка, дрогнувшим голосом, но стараясь, чтобы вышло твердо, сказала:

— Нет.

— Почему?

— Ты сам знаешь.

— Не знаю, — упрямылся Максим.

Девушка помолчала, все так же дергая шнурок тонкими беспокойными пальцами.

— Так будет лучше для всех.

— Для всех... — хмыкнул он. — А для нас?

— Макс... — Она умоляюще уткнулась взглядом в его грудь. — Я не могу так. Когда я смотрю на тебя, то сразу все это вспоминаю.

— Но разве я в чем-то виноват?

Настя покачала головой:

— Нет. Дело не в тебе. Дело во мне. Я буду чувствовать себя предательницей, понимаешь?

Он понимал. Сам проходил через такое.

— Насть, они же нас с тобой вперед предали! И еще предадут, даже не сомневайся! Помнишь, ты же сама мне говорила: они — это они, а мы — это мы! Есть их жизнь, а есть наша!

— Я уже не уверена, что была права. Да и не важно это больше... Все равно мы с мамой уезжаем.

— В смысле? — растерялся Максим. — Куда?

— В город. У мамы там сестра живет. Сначала к ней, а дальше видно будет.

— Когда? — с трудом протолкнул он через сдавленное спазмом горло.

— Четверть закончится, и поедем.

Посчитать было нетрудно. До конца четверти оставалось полторы недели.

Кое-как придя в себя, на онемевших ногах, совершенно не чувствуя проникавшей в ботинки холодной сырости, Максим доплелся до дома. «Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — сжав зубы, думал он об отце. — Все из-за него! Никогда не прощу! Никогда!»

Мокрые клетчатые следы резиновых сапог на крыльце сообщили Максиму, что отец приезжал на обед и недавно уехал обратно на работу.

— Ненавижу! — досталось и следам.

На пороге, как обычно, его встретило строгое, скрипучее бабушкино «кто там?».

— Задолбала! — проворчал Максим, швырнув к стене рюкзак с учебниками.

— Максимка, ты? — Бабушкин голос сделался примирительно-вкрадчивым. — Иди-ка сюды! Спрошу чё-то.

— Ну что опять? — Он нехотя заглянул в ее комнату.

После того как маму увезли в больницу, бабушка еще больше сморщилась, даже уменьшилась. В комнате появился неприятный старческий запах, и непонятно было, то ли он исходил от самой бабушки, то ли из угла, где стояло ведро с крышкой.

Старуха сидела на кровати, спустив на пол голые ноги в шерстяных носках и держась обеими руками за матрас. Платок сполз с головы, седые волосы взлохмаченно торчали в разные стороны.

— Надо как-то с матерью связаться, — сказала она вполголоса, будто опасаясь, что кто-то может услышать, и многозначительно посмотрела мутно-голубыми глазами. — Он, идол, можа, специально ее в эту больницу сдал! Дал врачам на лапу, они ее там и держат. Оформит ее как дурочку, а ту в дом приведет!

— Как ты меня достала! Когда ты уже перестанешь собирать всякую!.. — Максим выкрикнул матерное слово, но оно каким-то чудом не достигло бабушкиных ушей.

— Зачем ему в чужой дом уходить, если свой есть? — продолжала она. — В чужом доме он не хозяин. Там ему распоряжаться не дадут. Вот он и спланировал: мать в дурдом сдать, бабка, думает, сама помрет скоро... Ты гляди, можа, и тебя в антернат какой спровадит!

Очередная бабушкина сумасшедшая «догадка» стала последней каплей. Максиму показалось, что еще чуть-чуть — и из его горла вырвется дикий вопль, от которого задребезжат стекла в доме.

— Как вы меня все достали! — простонал он в потолок и со всей силы двинул кулаком по косяку.

В следующую секунду его прорвало. Но не воплем, не криком. Все, что столько времени копилось в нем, мучило, душило, жгло, разъедало, — хлынуло слезами. Не в силах удержать кривящееся, расползающееся в стороны лицо, Максим добежал до своей кровати и вплющил его в подушку.

6.

Маму выписали в конце апреля. Она заметно пополнела — как сама говорила, от таблеток — и, хоть сокрушалась по этому поводу, прилежно продолжала их принимать. Лечение сделало ее добродушно-спокойной, степенно-медлительной, какой она раньше никогда не была. Максима это тревожило поначалу, но потом он свыкся: пусть лучше она будет такая, чем устраивает ревнивые истерики или лежит в постели, не проявляя интереса к жизни.

С ее возвращением дом посветлел, ожил, словно шторы распахнулись на окнах и впустили внутрь солнце и свежий воздух. Кухня наполнилась уютными запахами обедов и ужинов, приготовленных женскими руками. Даже чайник стал свистеть радостнее.

Красновы уехали в город, выставив дом на продажу, и его купила на материнский капитал неблагополучная многодетная семья. Потеря Насти сблизила Максима с Кристиной. Сначала он писал ей только для того, чтобы выведать какие-нибудь новости об уехавшей подруге, но неожиданно нашел в ней чуткого, понимающего собеседника, и тоска, день и ночь точившая душу, постепенно стала ослабевать.

Первые недели после маминой выписки Максим втайне боялся, что отец уедет вслед за тетей Таней и недавний кошмар начнется заново. Однако время шло, а отец никуда не собирался, наоборот, развернул стройку в ограде, снес старые сараи, стал поговаривать о новой бане. Для Максима так и осталось загадкой, то ли тетя Таня его больше не приняла, то ли он сам решил остаться.

Родители неправдоподобно быстро вычеркнули из памяти всю эту историю. Как ни в чем не бывало строили планы, обсуждали, сколько садить картошки и брать ли на лето утят. Максим с недоверием наблюдал за ними: правда не помнят или перед ним притворяются? Не понимал маму и даже не одобрял: как можно так быстро забыть предательство?

Сам он прощал отца долго и трудно. Клятва о непощении, которую он дал себе когда-то, засела в голове упрямой занозой.

Отец догадывался. То с одной стороны, то с другой пытался подбавить: привлекал Максима к строительству, доверяя, как равному, инструменты и советуясь по каждому поводу, брал с собой на рыбалку и в город за запчастями, умело поворачивая все так, будто ему одному не справиться.

Максим не признавался себе, но его тянуло к отцу. Особенно в такие моменты, когда тот, бросив перчатки на сложенные штабелем ароматные сосновые доски, объявлял перекур и садился на крыльцо с сигаретой в зубах. Кажется, полдетства Максим просидел с ним на согретых солнцем ступеньках, прижимаясь к восхитительно пахнущей машинным маслом спецовке, и даже прошлым летом сидел, когда они вместе кололи и складывали дрова, — уже не прижимаясь, правда, а листая ленту во «ВКонтакте», но все равно было так хорошо от ощущения причастности к общему делу и родства друг другу.

Общие дела и теперь сблизжали их, но не до конца, а только до определенной грани, похожей на стену из толстого стекла. Время от времени

это стекло истончалось, иногда почти исчезало, но заноза всякий раз предупредительно шевелилась: «Ты забываешь, как он предал вас, как счастье твое разрушил, как маму до психушки довел! Ты вспомни, вспомни!»

Однажды, забив очередной гвоздь в потолок будущей столышки, отец опустил молоток и лукаво прищурился на сына:

— Я тут подумал, неплохо бы тебе научиться водить машину... Полезное дело. Вот гвозди заканчиваются, ты сейчас сел бы и сгонял.

Максим представил себя за рулем «дастера», лихо тормозящего у магазина, и сердце обрадованно запрыгало. Еще бы не запрыгать! У кого из приятелей мопед, у кого скутер есть, даже тупоголовый Горелый на старом дедовом мотоцикле носится по деревне, а у Максима только велик с прокруткой...

Когда отец уехал за гвоздями и Максим, закрыв за ним ворота, с мечтательным видом присел на свежошкуренное бревно, опять проснулась заноза и уколола его с презрением: «Что, за машину продашься? Ты вспомни, вспомни!..»

Картинки из прошлого назойливо замелькали перед глазами, как слайды на экране, но он уже столько раз пересматривал их, что все они затерлись, поблекли, утратили былую остроту, перестали вызывать те чувства, которыми питалась заноза непростительности. Даже бабушкины «страшилки» давно уже не злили — наоборот, казались теперь смешными.

Вспомнилось, как она продребезжала отцу в тот день, когда маму увезли в больницу:

— Я же говорила ему, чтобы глядел за матерью! Так он разве послушат? Уйдет из дому и шарашится где-то...

— В смысле?! — подлетел к ней тогда взбешенный Максим. — Это я, что ли, виноват?!

Она гневно сверкнула глазами:

— А кто? Надо было ладом глядеть!

Он чуть не задохнулся от возмущения:

— А может, ты? Наговаривала ей целыми днями всякую фигню, вот и получила! Ты кого угодно до психоза доведешь!

Бабушка помолчала, пожевала впалыми губами и, к его удивлению, примирительно вздохнула:

— Все виноваты. Жись така...

...Максим обнаружил, что пересыпает из ладони в ладонь горстку рыжеватых опилок. Выбросил их, поднялся, заходил по ограде туда-сюда, хлябая галошами и пытаясь настичь очень важную, но пока еще ускользающую, расплывчатую мысль.

И вдруг она раздалась в голове — так резко и звонко, как удар камня о стекло: «Ведь бабушка-то права! Все виноваты. Кто-то больше, кто-то меньше, но все. А раз виноваты все... значит, несправедливо спрашивать с одного».

В ту же секунду в образовавшуюся пробоину в стеклянной стене, прежде отделявшей Максима от отца, а вместе с ним и от всего мира, хлынул поток яркой небесной синевы, птичьего щебета и свежего воздуха.

Сергей ДОНБАЙ

«ВРЕМЯ НА МНЕ ПОМЕНЯЛОСЬ...»

* * *

Какая тяжелая старость
У русских людей.
Вокруг ничего не осталось
От прежних идей.

Но гордость в их лицах откуда?
В недобрых краях
Бредут, опершись друг на друга,
Как на костылях.

Гремят чужеродные песни,
Ликует срамье.
Куда ни взглянуть им — хоть тресни! —
Кругом не свое.

Пируют чужие им дети
Футбольных полей.
Осталась на всем белом свете
Лишь смерть им своей.

Вокруг ничего не осталось
От прожитых дней.
Какая тяжелая старость
У русских людей.

Средиземное море

Это море работает без утомленья,
Чтоб поддерживать в нас вещество удивленья.

Доставать из своей непроглядной пучины
Человеческой памяти сны и причины.

И рождать из своей ненаглядной волны
Песнь прибоя, в которую мы влюблены.

Это море содержит в себе механизмы —
Берега превращать в человечьи отчизны.

То не скалы, то — окаменели шторма!
Человеческой мудрости в них закрома.

Это — взгляд египтянина, ставший примером.
Это — грек, навсегда упоенный Гомером.

Это — немца свинец, англосакса слеза.
Это — взгляда славянского даль-бирюза.

Хоть мольбой возвеличь, хоть умом умали,
Это море — не даром средина земли.

Возникновение

Поднимаю жизни грядки,
Дюжу как могу.
Собираю слов огарки,
Раздвигаю мглу.

И пока могу я с вами
Чувствовать и знать,
Что не передать словами,
Силюсь рассказать.

Это химия иль чудо?
Или шелест букв?
Что откуда, что откуда? —
Прилетает звук.

Продолжается упрямо.
И, пока не стих,
Знать не знамо, знать не знамо —
Возникает стих.

* * *

Памяти Н. Хоничева

Колокольчиком
Голосок дрожал.
Он не песни пел —
Он стихи писал.

Беззащитный сам,
Он тревожил зал.
Коля песни пел,
Как стихи писал.

Колокольчиком
Голосок продрог.
Жил он как поэт.
Умер — как уж смог.

В Томске Коля был.
Вот и Коли нет.
Как уж мог, он жил.
Умер, как поэт.

Покаяние

Вот я иду:
молодой, разудалый да ладный.
Время вокруг мне как раз —
и не шире, не уже.
Каждому встречному друг я
и каждому равный.
Впрочем, как все мы
в надежном Советском Союзе.

Время сменилось.
На мне поменялось время.
Реки разумно текут, как текли,
слава богу...
В делях тайги
та ж забота у всякого зверя...
Птицы небесную знают,
как знали, дорогу...

Горы стоять продолжают
надежно и долго...
Замысел помнит звезда
и горит по команде...
С места не сдвинутся,
как ни толкай их,
береза и елка...
Время на мне поменялось,
да будь я неладен.

Евгений НОСОВ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК 1970—1980-Х ГОДОВ

Евгений Носов (1925—2002) — одно из самых известных имен плеяды писателей-фронтовиков. В Великую Отечественную войну служил в артиллерии наводчиком орудия. Его самые известные произведения — рассказ «Красное вино Победы», в котором автор запечатлел свою встречу Победы в Серпуховском госпитале, повесть «Усвятские шлемоносцы» — о проходах на фронт русских мужиков из деревни Усвяты (по ней снят фильм «Родник») и рассказ о первой любви «Варька». Книги Носова написаны тончайшей кистью, с удивительной чуткостью к природе и людям. Писатель удостоен Государственной премии России, звания Героя Социалистического Труда. Всю жизнь Евгений Иванович прожил на малой родине, в Курске. Там ему поставили памятник, в честь него назвали улицу и библиотеку.

Сын Е. И. Носова после смерти писателя передал его архив в Литературный музей Курска. Мы предлагаем читателям «Сибирских огней» несколько зарисовок из записной книжки прозаика, которые нигде не печатались, и практически неизвестные его рассказы.

*Евгения Спасская,
научный сотрудник Литературного музея Курска*

Что было бы с человечеством, если бы не было памяти? Но память, не закрепленная (на бумаге, в камне и т. п.), тоже иссякает... Что же было бы с нами, если бы не было слова? Книг? Способности человека знаками записать свой след на земле?..

Разработать мысль о том, что, читая другого, чувствуешь, что так не сможешь, что отстал, всё... Но это — не отстал... Ведь и он, читая тебя, чувствует, что так не сможет, как ты. Он сильнее тебя в своем, ты — в своем...

Литература, письменность — основа цивилизации. Цивилизация — это сообщество людей, обретшее письменность.

Бумага сама по себе слаба, ее можно изорвать, сжечь. Но недаром говорится — что написано пером... Почему так? Потому что слово откладывается в сознании.

Литература современная — это дальнейшее развитие нашей словесности. Прекрасные достижения — Астафьев, Бондарев, Быков, Белов, Распутин...

Мне во многом мешает здравый смысл, Казаков, например, в «Свечечке» пишет: «Я вышел на крыльцо поглядеть, нет ли дождя...» Я так не написал бы, потому что идет или не идет дождь, можно узнать не выходя из дому.

В 1934 году бегали нюхать хлеб к грекам. Они занимались коммерческим хлебопечением и продавали хлеб втрое дороже (по 5 р. кг.). Каждой вошедшей женщине они говорили: «Что тебе, Маруся?» (Эпизод об этом вошел в повесть «Греческий хлеб». — Е. С.)

Переходили охраняемый мост в Щетинке. Баба с ружьем на коленях сидела на насыпи возле будки и вязала носки. «А покажь, что у тебя в сумке? Небось, аппарат?» Фотоаппарат действительно был. «Нет, не пушу, с аппаратом нельзя!» И т. п. Разжалобили тем, что заговорили о бабьей доле, одиночестве, посочувствовали...

Нужна была доска — внуку на модель парусника. Пошел на стройку, стал искать брошенную на дворе доску. Нашел затоптанную в грязь. Выскочил сторож, стал лаяться. Дал ему рубль, а он: «Что ж такую грязную, я тебе щас чистую найду!..» (Из этой записи родилась миниатюра «Ремонтировали театр...». — Е. С.)

В парке подросток смотрел в подзорную трубу на Луну. Присмотрелся — оказалось — он пил пиво из бутылки...

Ночевали в Старом Осколе. Двое попали в богатый дом, а двое в хату под солому. В богатом их напоили чаем и беседой на высокие темы, в бедном же дому хозяйка сходила — выписала карпов и наварила ухи...

Горела деревня Кузина Гора. Мужик: нехай горит, моя хата с того края. (Это основа рассказа «Кузиногорец». — Е. С.)

Мальшам в день рождения (дома, в детсадах, в детдомах) ставят на стол бутылки ситро, дети пьют, привыкают — к бутылкам, к питью, к тостам.

Это, к несчастью, преддверие пьянства взрослых...

Лежа в госпитале, я услышал пластинку с танго «На берегу моря», которая играла где-то во дворе. Скопившееся напряжение войны, сжатие человеческого «я» было столь велико, что я заплакал... (Автору 20 лет. — Е. С.).

Я лежал в больнице с одним высокопоставленным по науке и технике. На нем пижама — французская, часы — швейцарские, транзистор — японский, плащ — канадский...

Бюрократизм и чиновная иерархия поразили общество настолько, что мы превратились во власть всё запрещающую.

Озеро Баскунчак загублено планом добычи соли. А наши леса? Черноземы? План, план, план... То, что казалось нам панацеей от стихийного производства, само стало стихией разрушительной силы, порождающей гонку, брак, равнодушие к среде, и, по сути, тормозом всего производства.

Теза романа — «И вся-то наша жизнь есть борьба!» Антитеза — не борьба схоластическая, абстрактная, не соотносящаяся с потребностью жизни, а просто жизнь по справедливости и совести.

Я не смогу открыть и читать Толстого в метро или трамвае. Он требует для чтения особых условий не из-за сложности текста, а из-за благоговения к его слову, к тому миру. Той атмосфере, тому настроению, празднику, которые создает он в нашей душе...

Цыганенок лет семи-восьми в Петрозаводске на улице перед началом учебного года: «Дядечка, дай на книжечку...» А еще один цыганенок плыл на плоту по Сухоне и горланил какую-то ковбойскую песню. Очень гибкий народ!..

Живет дед Евсей. Что ему Америка? Провались она, исчезни — ничего не изменится в Евсеевой жизни...

Сжигаются листья осенней порой,
И город дымится тревогой осадной...

(Евгений Иванович писал прекрасные стихи, их немного, но если бы он вплотную занялся поэзией — был бы в пятерке лучших поэтов своего времени... — Е. С.)

Как озеро заболачивается травой, так моя комната зарастает книгами. Все меньше ее открытое пространство, а воздух все больше пахнет книжной пылью и клеем...

Сколько на Руси ели хлеб... Уже и тех людей давно нет, а хлеб все не съеден...

Строй сосенок, похожий на строй новобранцев, шагающих куда-то за горизонт... И среди них то здесь, то там березка, похожая на медсестру в белом...

На Садовой каждое утро появлялся озабоченного вида средних лет весьма опрятный мужчина и собирал оброненные бумажки, окурки и т. п. Все оглядывались удивленно и считали его дурачком... Парадокс! Ну, а если бы наоборот?..

Дождливый поздний вечер, четверть одиннадцатого. И странно в ночном лесу в этот час слышать стрекот сороки. Она стрекотала, как строчит автомат...

Идем по Никитской. Нас пытается пугать мальчишка лет семи-восьми. В руках у него огромный вареный рак. Михал Степаныч спрашивает: «Где же ты взял такого?» — «А мой дедушка — рыбинспектор!»

В мастерской художника Михал Степаныча Ваня Зиборов забыл свой рыбацкий плащ с едва державшимся рукавом. В кармане, кроме всего прочего, был обнаружен новогодний картонный нос с очками. (Рассказ «Нос. Из опыта рецензии на стихи поэта и друга Ивана Зиборова». — Е. С.)

Михал Степаныч рассказывал, как некто из их братии плохонький аляповатый этюдик обложил тридцатисантиметровым багетом, пытался тем самым придать побольше значимости своей поделке. И у нас, среди писателей, есть такие, кто свою аляповатость обкладывает багетом начальственной рекламы, на которую угоднически горазды всякого рода издательские чиновники.

Расписать картинку: как на родине Надежды Васильевны Плевицкой в поле у реки Виногробль встретили девочку лет девяти в седле. Пасла коров. Мы спрашивали из машины дорогу, а она, сидя над нами, непридуманно объясняла, как проехать. Конь нетерпеливо скрипел седлом, со свистом сек хвостом. Я вглядывался в эту отчаянно смелую девочку и старался угадать в ней черты Дёжки Винниковой (Плевицкой). И они отыскались — она любила петь и с удовольствием пропела нам несколько любимых песен. Кстати, Плевицкая бывала у нас в деревне Толмачево, и мой дедушка возил ее в телеге и катал на лодке... (Рассказ «Дёжка». — Е. С.)

Строили шоссе, работал на стройке трактор. А когда построили — трактор на шоссе не пустили...

Евгений НОСОВ

СОБАЧИЙ НАПЕРСТОК

Р а с с к а з ы

Тана

В ожидании фотографа она сидела в раздольном мягком кресле из оранжевого плюша. На нее надели легкий ромашковый сарафан, повязали воздушный сиреневый бант, а сами волосы вымыли шампунем, и теперь от них веяло тонким изыском таинственных благовоний.

У нее просторное розовое лицо, но не гладкое и пухленькое, как у детей такого же возраста, а мелко испещренное еще не огрубевшими складками, какие бывают на нежных подошвах младенцев. Эти многочисленные лучики и сборочки на щеках и под глазами, присущие ей от рождения, делали ее много старше, тогда как живые, непоседливые глаза, словно выточенные из золотистых янтарных камушков с вкраплением черных мушек зрачков, наполнились наивной детской распаханностью, непринужденным доверием ко всему миру и окружающим вещам, создавали какой-то странный облик мудрой старушки с бантиком.

Прическа вообще была самым восхитительным ее реквизитом. Пышно взбитые волосы от самого банта образовывали аккуратный прямой пробор, обнажавший такую же розовую кожу, и, разделившись на два потока, обильными каскадами ниспадали на плечи и далее — огненным мохером укрывали руки до самых запястий. Долгие же и узкие ногти Хозяйка, стремившаяся придать ей как можно больше цивилизованности, окрасила в перламутрово-сиреневый тон, что, по ее мнению, прекрасно сочеталось с нежным колором банта.

Она была из древнего рода Утанов, что побудило назвать ее Таной, а то и просто по-свойски — Танькой.

Все эти банты и переодевания были предприняты в связи с тем, что неожиданно ставшая состоятельной Хозяйка, обладавшая предприимчивой фантазией, решила сфотографировать Тану в наилучшем виде, чтобы напечатать с полсотни снимков, а потом вместо поздравительных открыток рассылать их в дни всяких празднеств и юбилеев. Это казалось ей неожиданным и неповторимым, а главное — наглядно свидетельствовало

бы о ее современном имидже: не каждый, даже в самых высоких сферах, содержит в своих апартаментах дочь благословенного Сулавеси...

— Ну, вот и наша красавица! — цокая по паркету высокими каблучками, представила Тану Хозяйка, вводя за собой очень серьезного молодого человека, обвешанного специальными сумками. — Надеюсь, вы с ней подружитесь. Она у нас воспитанная девочка и вовсе не бука.

Молодой человек в черной кожаной куртке со множеством молний сдержанно кивнул Тане, снял с себя черную же сумку и принялся высовывать из черного футляра складной металлический штатив.

Тана без всяких эмоций встретила самого фотомастера, но принялась катать свои любознательные янтарики, лишь когда тот тонкими, бледными пальцами, похожими на лапки паучка-сенокосца, начал выпускать из пустотелых штативных полостей телескопические ножки, которые с легким жужжанием выбрасывались наружу и с четким щелчком фиксировались в положенном месте. Тане и самой хотелось проделать все это, и она даже собралась протянуть руку, что означало бы «дай!», но фотомастер извлек из черной сумки и принялся прилаживать к фотоаппарату большой воронкообразный светоотражатель, что заставило Тану забыть о штативе и переключить свое внимание на новый невиданный предмет.

— Таночка, будем сниматься! — прищелкнула пальцами Хозяйка, озаряя интерьер гостеприимной улыбкой, окрашенной тоже в нежную сирень. — Сейчас будет птичка! Хочешь птичку?

Тана, осмыслив обращение Хозяйки, склоненно, сперва направо, потом налево, оглядела молодого человека, который молча и строго манипулировал воронкообразной штуковиной.

— Где птичка? — продолжала привлекать внимание Таны Хозяйка.

Тана не спеша приподняла свою долгую, как бы сложенную, подобно штативу, в несколько раз мохеровую руку и полусогнутым крюкообразным пальцем с перламутрово-сиреневым ногтем указала на молодого человека.

— Умница! — восхитилась Хозяйка. — Давай поправим твой бантик. Ты у нас такая красавица!

У мастера что-то занеладилось с фотовспышкой, и он отошел с ней к маленькому столику у окна.

— Что-нибудь не так? — обеспокоилась Хозяйка.

— Ничего особенного, — отозвался молодой человек. — Просто отчего-то нет контакта.

— Ну хорошо, вы пока занимайтесь, а мне надо позвонить.

Хозяйка ушла, прочерчивая свой путь бодро и четко постукивающими каблучками.

Молодой человек, согбенно копающийся за столиком, сидел спиной к Тане, и ей вскоре наскучило глазеть на его малоподвижный силуэт на фоне серого ненастного окна. Она еще понаблюдала за мухой, перелетавшей туда-сюда по комнате, но и та вскоре утомила ее внимание. Больше глядеть было не на что, и тогда Тана занесла над головой руку и принялась перебирать и ерошить волосы, бесцеремонно нарушая прическу, о которой

она, конечно, вовсе не подозревала, а когда неожиданно натолкнулась на давно позабытый бантик, то, не понимая, что это такое, решительно сорвала его с головы.

Бантик разочаровал ее своей ненужностью. Она раздергала оба его крыла, пожевала немножко, но тут же неприязненно отшвырнула прочь.

Еще она попыталась зубами соскоблить с ногтей чужеродную краску, но это ей не удавалось: лак держался прочно и неподатливо, отчего она, обкусывая пальцы, даже повизгивала досадливо, но потом, сделав себе больно, смирилась и удрученно уронила руки на колени.

Отсутствие чего-либо интересного и теплое объятие шелковистого кресла, похожего на уютное гнездо, сделали свое дело. Мигая, Тана все реже поднимала веки, и все равнодушнее делались ее янтарики. Обнядая, она машинально перебирала широкими, вялыми, будто разношенными губами, как бы ища для них удобное положение. Наконец окруженные жесткими изреженными оспинками губы разомкнуто замерли с выражением расслабленного удовлетворения, так что летавшая по комнате муха, если бы не убоялась, могла беспрепятственно заползти в рот и выбежать обратно.

В этом отрешении Таны и раздался ее глубокий вздох, обозначивший полный уход в себя и обретение истинной свободы. Ее взъерошенная голова постепенно обникла, склонилась на плечо, грудь размеренно завздыхала шерстяной покров, и вскоре сон обуял Тану так сладко и обморочно, что из уголка ее рта потянулась нитью прозрачная слюнка. Тихие вздохи постепенно перешли в озвученное посапывание, слюнка еще больше удлинилась и своим свободным концом юркнула куда-то под мышку.

Уловив это мерное дыхание, молодой человек недоуменно, как бы нехотя отрываясь от своих дел, медленно обернулся и вдруг, отринув светотражатель, вскочил со стула. Подбежав к аппарату, закрепленному на треноге, он без всякой вспышки, полагаясь лишь на светосилу объектива, раз, и другой, и третий прощелкал затвором, спеша не упустить этот неожиданно подвернувшийся превосходный сюжет со спящей в кресле утомившейся Танкой, пребывавшей в непринужденной детской расслабленности, с этой трогательно сбежавшей слюнкой... «Ах, какая прелесть! — про себя восторгался молодой человек, продолжая вновь и вновь засвечивать на Танае цветной рулончик “Кодака”. — Какие кадры!»

И тут воротилась Хозяйка.

Вошла и в изумлении свела у подбородка кулачки, сверкнувшие гранями наперстных камней.

— Боже мой! Что здесь происходит?! — воскликнула она трагическим сопрано, переводя взгляд то на спящую встрепанную Танку, то на припавшего к видоискателю фотографа... — Стоило отойти всего на две минутки, как мои старания обернулись такой неблагоприятной напраслиной...

Вняв голосам, Тана с усилием выпуталась из глубины внезапного забвения и приподняла непослушные веки. Но глаза ее, казалось, все еще оставались забытыми в тех запредельных мирах и дивных видениях, где

она только что счастливо пребывала. Она еще никого не узнавала, не воспринимала окружающих реальностей, как и самое себя, но первое, что она почувствовала, было ощущение какого-то личного не порядка. И, по винуясь этому ощущению, Тана потянула ртом воздух, стремясь вобрать убежавшую слюнку, свисание которой тоже невесть как угадала. Утершись раз, другой, Тана снизу вверх, морща лоб, виновато посмотрела на Хозяйку и робко, вопрошающе улыбнулась.

В этом ее просыпании было столько человеческого, столько очевидного родства, особенно в кадре, где она утирала губы, что молодой человек даже побледнел и замкнуто стиснул зубы от сознания того, что он стал обладателем редкой, а может, и единственной фотографии, убеждающей в подлинном людском исходе. Тану можно было научить малевать красками или ездить на велосипеде, но то, что она проделала, просыпаясь, была ее собственная наука. Выходило, что ее совершенно человеческие жесты пришли к ней с молоком матери и были древнее самого человека, как и рукодвижения «дай», «на», «там», «ко мне», выработанные лесным перворазумом.

А Хозяйка негодовала:

— Ты что же натворила, паршивка?! Посмотри, на кого ты стала похожа? Где твой бантик? Я же на тебя полдня истратила, старалась сделать цивилизованным существом, а ты опять — в свою дикость. А вы, молодой человек? Что вы снимаете? Вы меня совершенно не поняли. Разве я вас об этом просила?..

— Это только для себя. Только для себя, — попытался объяснить фотограф. — Я даже не уверен, получится ли...

— Что значит — «для себя»? А когда же для меня?

— А вам я сниму завтра, как только поставлю новую вспышку. Без дополнительного освещения я не рискую. Должна быть гарантия. Кстати, сегодняшние кадры много интереснее, чем с бантом. В бантике нет естества. Он придает нечто шутовское, понимаете?

И, помолчав, как бы про себя добавил:

— Впрочем, все мы тоже с бантиками...

Это было воспринято как дерзость:

— Ну, знаете... А мне рекомендовали вас как серьезного мастера.

Молодой человек ничего не возразил, а только молча принялся собирать свои вещи...

1998

Собачий наперсток

На одном из городских рынков, в крытом мясном ряду, уже много серых осенних дней обретается ничейная собака. Она крепких широкогрудых статей, хорошего строгого окраса: короткошерстый черный чепрак, тупая охристая морда с двумя светлыми точками над терновыми глазами, такая же глинистая грудь и запястья передних лап. В ее облике еще угадывались некие черты ротвейлеров, несколько размытые несоблюдением

клановой чистоты. Но и поныне она сохранила родовую осанистость, с чем никак не вязались ее теперешнее нищенство и бездомность. Отсутствие же каких-либо признаков убогости, пожалуй, еще больше усугубляло ее бедственное положение, ибо увечной, замызганной собачонке скорее перепадет милостыня, нежели такой вот, как эта, вполне сохранившейся нормальной собаке. К тому же она не рыскала у прилавков, не подлезала под столы в поисках случайно оброненных кусочков, не обнюхивала сумки и авоськи прохожих, как обычно вели себя остальные базарные побродяжки, а часами недвижно стояла у самого конца ряда, у последнего столика.

Она выбрала это место не случайно, не потому, что там находился добрый человек, — добрых продавцов мяса почти не бывает, особенно для такой крупной и неприветливой собаки, которая одним только присутствием отпугивала многих несобачливых, тем самым нанося невольный ущерб и убытки торговому делу. Надо полагать, лучшее место находилось в самой середине ряда. Но тамошние заприлавочники дружно и неприязненно цыкали на нее, замахивались кулаками и всякими подручными предметами — чугунной гирькой ли, порожней пивной бутылкой, швыряли в нее подобранные яблоки, арбузные корки... В конце концов мясники вынуждали ее отступить к самому краю, где противодействие оказалось минимальным, так как стоявшая за последним столиком молчаливая деревенская тетка старалась ее просто не замечать, и это вполне устраивало собаку. Во всяком случае, она появлялась на этом месте, возле крайнего опорного столба, поддерживающего шиферную крышу, уже несколько дней и простаивала, вот именно простаивала в жидкой натасканной грязи, до самого закрытия рынка. Мимо нее протискивался всякий базарный люд, в тесном проходе ее задевали кошельками и сумками, смыкали по морде лапами одежды, но она даже не увертывалась, не отступала, а лишь терпеливо прикрывала глаза, снося все эти неудобства, и потом снова глядела, глядела, глядела...

Перед ней, в каком-нибудь полуметре и далее — на всю длину прилавков, — виднелись бордовые пласты парной говядины; нежно-розовые с тонкими жировыми пробельцами куски свинины; разрубленные вдоль бычьей заливки, напоминавшие белизной и параллельностью хребтовых костей клавиши какого-то быкомычащего музыкального инструмента; вычищенные и ошпаренные кипятком телесно-желтые свиные ножки с изящными, остро заточенными копытцами; смуглые тушки гусей с разверстыми полостями, в которых виднелись янтарные гроздьи нагулянного жира; голубоватые поленца ободранных кроликов; беспечно ухмыляющиеся поросышки физиономии с наивно-детскими пяточками и двумя аккуратно проделанными сопелочками, в каждую из которых было вставлено по веточке петрушки; и опять — говяжьих и свиных выкладки по сортам и кухонным достоинствам.

Собака неотрывно и вожделенно созерцала всю эту живописную кладь, дурманно веявшую на нее разрубленной плотью, уже начавшей местами подвядать и оттого особенно сладко, волнуяще пахнуть спекшейся кровью. Черная пуговица ее носа нервно вздрагивала, западая и вновь

распахиваясь боковыми завитками, в то время как в темных глазах неизменно томила потаенная тоска.

И она глядела и вбирала в себя все это, ни у кого ничего не прося, не проявляя жадного нетерпения, не взвизгивая моляще, как иные бездомные собратья, а предавалась своей безмолвной страсти столь отрешенно, что, кажется, даже не замечала, как с шиферного навеса падала на крестец ненастная капель, разбрызгиваясь по всей черной спине мелким стеклянным бусом.

— Нет больше сил видеть это! — ни к кому не обращаясь, воскликнула задержавшаяся перед собакой женщина. — Ну что же ты тут стоишь, глупая?! Никто тебе ничего не даст. Ты хоть побегай, как другие собачки. Что-нибудь да найдешь. Или тебя недавно выгнали — еще ничего не знаешь?.. А скоро зима... Аж душа заходится... Я бы тебя взяла, да куда: у меня и так уже трое: Тошка, да Тишка, да прилипшая Ланка...

Женщина жестко и горестно махнула рукой, как бы отстраняя от себя собаку, и побрела к выходу из мясных рядов.

Она еще походила среди зеленщиков, купила вилок капусты и оранжевый серпик тыквы, как вдруг на сухом месте, под торговым столиком, увидела какое-то оброненное печево. Оно, это печево, лежало больше на той стороне прилавка, уже пустого, никем не занятого, и женщина, оставив сумку, не поленилась слазить под стол, уронив свою серую вязаную шапочку. находка оказалась надкусанной булочкой с запеченной внутри сарделькой.

Довольная собой, женщина выбралась из-под прилавка, отряхнула полы нечаянно запачканного пальто, поправила шапочку и, держа перед собой булку, вымаранную томатной пастой, решительно направилась к мясным рядам.

Увидев собаку, она еще издали ликующе оповестила:

— Ну, пес, тебе повезло! Смотри, какой бутерброд! Не всякой собаке перепадает такая штука с настоящей сарделькой.

Женщина присела перед собакой в готовности порадоваться и насладиться тем моментом, когда пес увидит угощение и в его скорбных глазах воссияет благодарная радость.

— На, бери... — Она протянула булку к самой морде, так что собаке оставалось лишь слегка повернуть голову. И та повернула... Обернулась как-то нехотя, без видимого интереса, неспешно обнюхала и так же равнодушно отвернула морду.

— А-а... — догадалась женщина. — И зачем они пичкают этой пастой... Я сейчас, сейчас, моя хорошая.

Из булки, бордово сочившейся томатом, она выколупнула сардельку, отерла ее подобранной газеткой и снова протянула еду собаке.

Пес даже не пошевелился.

— Что? И сарделька не нравится? — пожала плечами женщина. Недоумевая, она откусила округлый кончик колбаски и с настороженным лицом принялась жевать. Начинка оказалась вполне сносной. Во всяком случае, ее звери не стали бы мешкать. Да и она сама тоже...

— На же! Бери! — продолжала настаивать женщина, дожевывая свой кусочек и тыча остальной сарделькой. — Видишь, я ее хорошенько обтерла, и теперь она вовсе не пахнет томатом. Я пробовала: вполне приличная вещь. Конечно, лучше, если бы она была горячая...

Но собака, казалось, больше не замечала и не слышала женщину. Вздрагивая желтыми надглазными точками, она продолжала подобострастно и поглощенно вглядываться в соседние прилавки, где как раз шла оживленная торговля и где большой двузубой вилкой поддевали и поднимали то один, то другой влажно блестящий кусок мяса, так и этак поворачивали перед покупателями, после чего бросали на весы, что-то добавляли или, напротив, заменяли другим, более весомым куском. Собака ревностно бросалась глазами, ловила каждый жест продавца, и это было какое-то странное состояние, захватывающее каждую ее живую клетку цепящим азартом, после которого она больше ничего стороннего не видела и не воспринимала. Это ее многочасовое стояние чем-то напоминало игру в наперсток, которым ловко манипулировал продавец, всякий раз показывая ей пустышку. Однако она по-прежнему искренне верила и обреченно надеялась, что уж следующий-то кусок, поддетый и приподнятый вилкой, будет непременно ее куском.

И еще раз женщина попыталась привлечь собачье внимание и даже поводила туда-сюда сарделькой по ее щеке. Не отводя глаз от прилавка, пес неожиданно приподнял верхнее огулье и обнажил ослепительный оскал крупнопильчатых зубов, как раз тех, которыми дробят кости. Следом, будто отдаленный гром, раздался глухой, глубинный предупреждающий рык, как если бы где-то на стороне провели палкой по чугунной решетке, тот самый, которые издают только ротвейлеры, и никто больше...

— Так, да? — Женщина смущенно приподнялась с корточек и, в порыве внезапной обиды и даже униженности, засунула остаток сардельки в свой рот.

Прожевывая колбаску, она оглядывала упрямую собаку с досадным недоумением, но и с оттенком подспудного уважения:

— Какой, а?.. А не взять ли его себе?..

1999

Холмы, холмы...

Так получилось, что в позднее осеннее ненастье, взерошенное лохами туч — мимолетных, набрякших моросью, волочащих свое мокрое отрепье по стылой распаханной земле, сиротской озими, задевающих и застывших мглой редкие перелески и одинокие, сторбленные скирды соломы, — в это глухое клятое время пробирался я нашими курскими взгорьями, именуемыми на школьных картах Среднерусской возвышенностью.

Шел я к человеку, пока еще не известному мне, некоему Павлу Кондратьевичу Мохову, написавшему мне недели две назад, что он хотел бы показать кое-какие свои фронтовые записи, которые он вел по молодости, будучи офицером связи при штабе Западного фронта, несмотря на строгие

запреты, и что он хотел бы привезти эти записи сам, но расхворался, и, кажется, надолго, за что просит извинить его.

Что-то подсказало мне больше не тянуть, не медлить с поездкой в Подсвирково, и я отправился, не глядя на ненастье. И вот, сойдя с электрички, уже часа полтора брел я, вернее сказать, не брел, а переставляя резиновые бродни, силком выдергивая их из благословенного чернозема, превратившегося в черный распущенный бетон, и погружая их иногда по самые отвороты во все ту же цепкую, намертво хватающую, неизбывную до тоски крошечную хлябь.

Наконец впереди, на самом взлобке, призрачно замаячил серый на сером же небе неприкаянно-одиноким обелиск, под которым покоились (покоились ли?) наспех свезенные с окрестных полей и просто стащенные за ноги, хорошо если переложенные плащ-палатками или хотя бы соломой, тысячи полторы (впрочем, кто их точно считал?) безымянных солдат. Когда-то эти высоты утробно, до самой преисподней содрогались от гула и остервенелой ярости многомиллионной битвы, от края и до края подернувшейся пеленой, в которой смешались и хвостатые дымы рухнувших самолетов, и мазутно-удушливая гарь подожженных танков, и кислый дым занявшихся соломенных деревень, и мешавшие дышать и видеть черные хлопья жарко пылавших июльских вызревших хлебов.

Этот обелиск, один из многих, венчавших здешние холмы на так называемом северном фесе гигантского побоища, был моим заведомым ориентиром: я уже знал, что, как только миную его, начнется долгий спуск в долину, а пройдя насыпную гать через неказистый ручей, запутавшийся в черede и хмызе, стану снова подниматься на очередной узлоке...

Однако же глазу близко, а битым ногам далеко. Да еще по такой распутице.

Какой-то двухскатный, хорошо обутый грузовик, видать, не из робких, не из слабаков — за рулем жох-парень, — проследовавший ранее меня, судя по вензелям и вдавленным в грязь беремкам соломы, ох и повыл тут волком на предельных оборотах, ох и пострелял забитой грязью выхлопной трубой, набуксовался до резиновой гари, пошвырял выше телеграфных столбов черных ошметков, ну и конечно, в чистом поле никого не таясь, ох и поперебирал-перечислил гласно, повязал в пучки всех местных районных, областных и небесных богов, подбожков и боженят, а когда и это не помогло, плюнул и чесанул прямо по зеленым, по хлебным малолеткам, оставив после себя разверстые канавы, уже успевшие кое-где налиться водой.

Потом нагнал меня тракторишко на больших лопоухих задних колесах, шаткий, валкий, весь в ржавых ссадинах и ушибах на голубой идиллической покраске, предполагавшей радовать глаз на райских колхозных просторах. Тракторок тускло мерцал единственной заляпанной фарой и с хрипом и храпом татахкал погорелым задышливым мотором. На подозрительных местах он умерял бег, вычехивал из трубы несколько едких колец и с досадной скороговоркой, а может быть, и с матерком на тракторном эсперанто преодолевал черно-сметанные разливы, под которыми

невесть какой глубины скрывались ямины и провалы. При этом скрипел, скрежетал и скоргыкал всеми своими застарело-ревматическими суставами и сочленениями, не знавшими смазки, поди что, еще от самого заводского двора и теперь уже не познающими ее до скорой его кончины. Голубая кабина опасно переваливалась с боку на бок, моталась из стороны в сторону, мотая внутри себя двух седоков, однако невозмутимо переносящих дорожные неудобства и как бы ничего не берущих в голову. Один из них, тот, что не крутил руля, что-то живо рассказывал приятелю, мелькая крупными сахарными зубами на раздольном расплывчатом лице с гуцульскими вислыми усами, и то и дело поправляя и машинально пересовывал на кудлатой голове вязаный никчемный «петушок».

Зажженные фары должны были означать, что трактор не один и что он влачит за собой нечто еще... И действительно, на крюке этого бодолаги болтался еще и двухосный прицеп, заваленный мокрой, чумазой бурачной ботвой, поверх которой задом наперед, застясь от ветров и выбросов грязи, сидело несколько баб. Они были плотно, матрешно одеты в расхожую одежду, сообщавшую им равнодушную недвижимость и какое-то безразличие и к тряске, и к непогоде, и ко всему замутившемуся свету. Низко насунутые платки-полушалки треугольно обрамляли багровые, нахлестанные дождем и ветром недвижно-суровые лица.

«Вот он поехал, курский сахар, — подумал я о женщинах. — Каждый шестой кусок в общероссийской пачке!»

Приятно, конечно, на свежей скатерти в тонком стакане чайной ложкой болтать белый кубик. Но у нас эти облепленные грязью бураки, из которых потом выжимают сладость, и вообще всю эту крошечную, неразгибную до самых морозов, а то и не глядя на морозные колчи, мороку, на которую гонят и старого и малого — от школьников до профессоров, — называют сладкой каторгой. Пойди так вот, как они, поворочай, почертоломь, и тогда узнаешь, почему фунт пиленого...

— На Подсвирково правильно иду? — крикнул я прицепу.

— Правильно! — вяло отозвались бабы, нимало не пошевелив, не поворотив в мою сторону толсто обмотанных голов.

— Далеко еще?!

По-собачьи бездомно, заискивающе я посмотрел вслед тракторной колымажке. Хотелось, чтобы бабы посочувствовали сирому путнику, подобрали бы к себе в кузов, где хотя тоже муторно и неприятно, зато можно передохнуть и скоротать часть пути. Но истраченные бурачной работой, прижатые друг к дружке усталостью и непогодой, утонувшие в своих думах, они не посочувствовали, не позвали к себе: был я им вовсе безразличен, как, впрочем, наверно, и все остальное вокруг.

Уступая дорогу трактору, я заранее свернул на обочину, в бурьяны, и вскоре обнаружилось, что идти по дурнотравью легче, способней, если поднимать подошвами жесткие стебли и нащупывать плотные, упористые корневые узлы.

Обелиск, высшая точка холма, серый четырехгранник, похожий на забытую строительную сваю, оказался несколько в стороне от дороги

и среди черной глыбистой пахоты без каких-либо следов к нему. Вымахавший чернобыл, не задетый плугом, буреломно скрывал подножье, надмогильную плиту. По простоте нравов крестьяне сюда не ходили, а городские казенные экскурсии едва ли соблазнялись столь отдаленным и малопримечательным мемориалом.

От этого места исподволь потянуло под уклон, и впереди, за серым месивом туч, скорее интуитивно, нежели зримо, предугадывалась долина, обжитое междухолмье, где обычно в затишке и у близкой воды жались друг к другу курские селенья. Будь бы тихая погода, уже отсюда, с верхов, слышались бы раздольные крики петухов, протяжный поскрип колодцев, доносило бы вкрадчивый запах печных дымов, манящих уютном натопленного крестьянского дома. Но нынче, в обломившееся ненастье, только и слышно, как подвывал сиверко за вздернутым капюшоном да время от времени принималась барабанить по спине въедливая морось.

Десятка два ворон шумно, заполошно вдруг поднялись впереди меня из придорожных зарослей и, натужно махая крыльями на ветру, косообоко перелетели на придорожный скирд. И тут только за бурьянами на изви-ве дороги углядел я малоприметную темную спину какого-то животного. Оказалось, это был понуро и недвижно стоявший жеребенок.

Я прибавил ходу, еще не осознав, не найдя объяснения, откуда и почему он тут, один в безлюдном поле на хлестком ветру — эта сеголетняя кроха, неуклюже большеногий, еще весь по-первородному плосконький, шаткий и неуверенный в себе, с жалконьким окомелком кучерявого хвоста, плотно притиснутого меж мокро блестящих ягодичек. Жеребенок никак не откликнулся, не пошевелился, даже не покосился на хрусткий шум моих сапог, торопливо давивших жесткое окостенелое чернотравье. Голова его так и осталась низко опущенной, маленькие, трогательно-детские ушки отрешенно прижаты, а глаза сокрыты опущенными веками в долгих ресницах.

— Кось! Кось! Кось! — еще за несколько шагов протянул я руку и негромко, вкрадчиво позвал совершенно забытым словом, не слышанным со времен моего детства и так внезапно, самопроизвольно и легко всплывшим вдруг из завалов памяти. — Кось! Кося! Косечка!

Но тут же запнулся и умолк, увидев на открывшейся дороге у ног жеребенка громоздкое и безвольное тело взрослой лошади.

Она лежала, запрокинув на травяную обочину тяжелую костистую голову с огромными, остро выпиравшими салазками и ощеренными желтыми, скошенными вперед резцами, из-за которых вывалился долгий, по-синевший, искусанный язык. В натужно выпученном, окровенелом зраке еще что-то мерцало, взмелькивало зеркальным бликом, должно быть, отраженные мятущиеся небеса. Само же тело почти наполовину засосало жидкой дорожной хлябью, а то, что возвышалось над лужей — большой бурый ребрастый короб и иссохший костлявый крестец, — было густо заляпано земляными лепехами. Видно, перед тем, как испустить дух, коняга еще пыталась встать, отчаянно вскидываясь, била и скребла широкими

разношенными копытами, разбрасывая вокруг себя и на себя грязные ошметки. А может, машины захлестали.

«Как же так? Как же это? — убито, потерянно недоумевал я, озираясь и невольно ища окрест какую-нибудь человеческую душу. — Ах, несчастье-то какое!»

В смятении не сразу я заметил, что на лошади осталась замызганная ременная узда с забытыми во рту железными удилами. А еще на ней оставалась упряжная изветшалая седелка с нерасстегнутым на вздутом животе брезентовым чересседельником, следовательно, были при ней и хомут, а стало быть, и телега тоже... Но хомут, как очевидную ценность, успели-таки сдернуть и увезти вместе с телегой, следы от которой я вскоре обнаружил в траве.

— Не бойся, не бойся, маленький, — я притронулся к жеребенку и осторожно провел ладонью по его мокрой и стылой спине. Он содрогнулся, и волна ознобной дрожи пробежала под моими пальцами. — Ну, не надо, не надо бояться. Вон как тебя затрясло. Где же твой хозяин? Как это он оставил тебя, такого кроху, одного?

Я несколько раз еще провел рукой по хребтинке, потрепал по мордашке, и жеребенок вроде бы перестал робеть, успокоился, и только волны дрожи прокатывались по всему тельцу.

— Небось, сам виноват. Вон ты какой натуральный. Поди, собирались и тебя забрать заодно вместе с телегой, а ты, браток, не послушался, не захотел от мамки уходить, да и дернул, небось, от хозяина. Ну а он ждал-ждал тебя, да и уехал. Не станет же он за тобой по чернопаху гоняться. Вот он отвезет телегу, соберет подмогу и явится за тобой. Одному с тобой не совладать. Ты ведь вон какой упорный, неуступчивый... А то знаешь что? Давай, браток, со мной. Давай вместе пойдем... Тут совсем недалеко. Под горочку, под горочку — и вот тебе и пришли, а?

Я обхватил жеребенка за шею и легонько, но настойчиво колыхнул его, с усилием потянул на себя. Но тот вдруг весь напрягся, упористо воспротивился.

— Ну, вот видишь ты какой... Чего же ты не идешь, глупый? Чего ждешь? Вон как промок, нахолодал. И не ел, не пил невесть сколько. Пойдем, а? Не поднимется она теперь, твоя мамка, понимаешь? Не накормит теплым сладким молочком. Если не догадаются люди оттащить от дороги и закопать, изорвут ее лисы и бродячие собаки, исключает воронье. А остальные кости ночные КамАЗы да трактора затопчут в грязь. Пойдем отсюда, голубчик. А то и ты тут окоченеешь. И тебя зверье разнесет... Вон, видишь, вороны уже сидят, дожидаются...

Опять я попробовал подвинуть жеребенка, заставить его уступить мне хотя бы один шаг — в надежде вывести из этого скорбного оцепенения. И снова, как и тогда, он напрягся всем тельцем, не поддаваясь моим намерениям. И когда я еще решительнее притянул его к себе, он вдруг вскинулся, издал какой-то слабый, тут же иссякший голосовой звук, неудержимо забился в моих объятиях и, опрокинув меня, отбежал прочь.

— Ну ладно, ладно, успокойся! — бормотал я, обтирая вывоженные в грязи ладони пучком травы. — Успокойся, не буду больше...

По глубоко разверстому следу, крутым обводом обогнувшему лежащую лошадь, нетрудно было понять, что тут только что прошел тот самый голубой трактор с прицепом. Стало быть, тракторист и сидевший рядом с ним парень в чепчике видели одинокого жеребенка. А еще лучше, если бы его увидели прицепные бабы.

— Бабы — те не промолчат, — говорил я жеребцу. — У них больше сердца. Непременно отыщут твоего хозяина. Будь уверен! Накинутся на него: ты чего же, скажут, такой-сякой, сидишь в теплой хате, щи хлебаешь?! Забыл, что ли, что жеребенок твой один в поле под дождем стоит? Скоро ночь нагрянет, а ты тут штаны просиживаешь... А то и до самого председателя доберутся: мол, как же так... На нашей же земле конь пал, надо что-то с этим делать! Хорошо бы, председатель, народ кликнуть. Несчастье-то какое! Жеребеночек-сиротинушка середь поля от невзгоды гинет. Так и скажут по-бабьи: сиротинушка...

Стало вкрадчиво, исподволь вечереть. На востоке, куда весь день устремлялись тучи, скопилась плотная аспидная затемь, на западе же, у самого горизонта, вдруг прорезалось узкое и багровое лезвие зари. Уж не на мороз ли? Мне надо было уходить, пока вовсе не стемнело и еще можно было различать дорогу, и я, смиряясь с этой необходимостью, ради своего оправдания отправился к скирду и, распугивая ворон, швыряя в них комья вспаханной земли: «Кыш, кыш, стервятницы, настырное племя, ружья на вас нету!» — принес большой беремок соломы и расстелил его рядом с жеребенком.

— Вот, полежи, пока сухая. Сколько можно так вот стоять? Ложись, не упрямясь. На соломе оно теплее. Да и ночь — вот она, скоро. А мне, извини, идти бы надо...

Однако, небрегая моей заботой, жеребенок неприязненно отодвинулся от разостланного ворошка.

— Зря ты так... Напрасно... Ну, я тогда пойду, а? — Моя просьба прозвучала приниженно, виновато. — Ничего не поделаешь... Будь умницей, а я пойду и скажу там, кому надо... Все будет хорошо, малыш! Все будет хорошо... Ну, пока! Пошел я...

Вынув из кармана яблоко, я положил его на солому — приметно бордовое на золотистой желтизне, и, сделав над собой усилие, чтобы совершить эти первые шаги прочь, потом с излишним усердием зашагал обочиной под уклон.

Заплескивая на придорожные бурьяны грязь, переваливаясь и заносясь замызганным задом в какой-то лихаческой спешке, вскоре меня нагнал брезентовый газик. Я поднял было руку, но шофер, молодой парень в хорошей меховой шапке, мимолетно и равнодушно взглянув в мою сторону, снова озаботился дорогой. Но, как сказано, Бог шельму метит: спустя не так уж много времени я догнал заносчивый «газон», круто завалившийся на левый бок, так что распахнутая дверца нижним углом уперлась в глыбистую колдобину. Раздетый, в одном только пестро раскрашенном свитере, шофер брезгливо ковырялся лопатой под передним бампером.

— Помочь, что ли?

— А-а! — досадливо буркнул парень, не разгибаясь. — Чем ты мне поможешь?

— Ну как... Голова — хорошо, а две — лучше...

— Тут не головой... Тут... поршнями надо... если не подгорели... Ты вот чё, ты давай подопрй сзади, а я попробую вырулить...

Не с первой и не со второй попытки, но мы все-таки вытолкали газик из бездонной колеи, и парень, приоткрыв дверцу, сам предложил повеселевшим голосом:

— Давай садись, что ли?

Подобрав полы плаща, я забрался в газик и сел рядом. Кроме шофера, в машине больше никого не было. На заднем сиденье небрежно валялась кожаная куртка, густо разившая одеколоном.

— Тебе куда? — все с той же бодрейцей спросил шофер. — Не в Подсвирково ли?

— Ага... — кивнул я.

— Ну, тогда в самый раз. Я тоже туда.

Он включил фары, но от низкого неверного света расквашенная дорога стала казаться еще неприглядней и непроходимей.

— Во развезло! — прокричал парень, напряженно вглядываясь в ветровое стекло, по которому со скрипом ходил туда-сюда дворник, соскребая мутные набрызги. — Со станции часа три пилю. Посуху минут двадцать ходу, а я в обед выехал, а доси еще не дома. Сколько час? — Он взглянул на ручные часы. — Ну, все правильно: начало пятого... сегодня, говорят, по телеку кино клевое... Не лопухнуться бы еще... Уже раз пять залетал, лопатой ковырялся...

— Тебя как зовут-то? — поинтересовался я.

— Толик, а что?

— Да хотел спросить: ты вот ехал мимо — жеребенок стоит?

— Какой жеребенок?! — не сразу врубился Толик. — А-а! Который возледохлой кобылы? Да я как-то не глянул. Дорога — сам видишь: некогда зевать по сторонам. А когда утром ехал — видел: стоит. Да он и вчера стоял. Я нашего бухгалтера с рапортчиками в район возил, дак смотрю — стоит. Во чудак! Мимо машины идут, а он ноль внимания.

— Но и люди на него — тоже ноль внимания. Есть у него какой-нибудь хозяин?

— А-а! Хозяин! — дернул плечом Толик. — Есть тут у нас один... Степка Пупок. Правда, живет он не у нас, в Подсвиркове, а за горой, в Козодоях. Он и подобрал эту кобылу летом в посадке. Уже с жеребенком. Ничейная она была.

— Как это — ничейная?

— Ну как... Нигде на балансе не состояла, — засмеялся Толик. — Вроде как без прописки... Шаталась где-то, себе нагуляла. Все ее Катей блудной называли. Была у нас одна такая, Катюшка блудная, дома не жила... Ну вот... Пупок возьми и обратай эту Катю. Привел к себе во двор. Баба его в рев, мол, самим есть нечего, а ты еще нахлебницу приво-

лок, да с дитем-коседёнком... А он знай свое: где-то на хоздворе высмотрел телегу, вытащил из-под стародавних лопухов. Должно, валялась еще с хрущевских времен, когда всех лошадей порешили, а телеги позабросили. Ну и стал Пупок подрабатывать себе на бутылку... Вернее, денег не брал, а чтоб сразу натурой. От этой природы он почти не просыхал. Ну, а когда жажнет — любил лихо прокатиться. Упрется стоймя на телеге, разгонит Катю лобазинной и орет: «Эх, с налета, с поворота, по цепи врагов густой!..» Это его любимая была. Один раз вот так орал на плотине, да из телеги прямо в пруд и загремел...

Под фарами зловец заблестел еще один грязевой разлив, и Толик, замолчав, сосредоточенно минул подозрительное место.

— А гляди: лужи-то затягивает! — оживился он. — Вишь, воду стеклом кроет. Это хорошо. Хоть грязь подберет! Да... А на той неделе, значит, к Пупку какой-то друг залетел. Из Сибири, что ли... Откуда-то из тех далеких мест. Я его однажды возле нашего сельпо видел: в большой собачьей шапке, мешки под глазами, а сам худой, дерганый... И пошел у них дым винтом! Сколько-то дней гудели. Пупкова баба жаловалась: всех кур на закуску порешили... Одну курицу, говорит, Пупок топором по шее не попал, промахнулся, да пополам и перерубил. Прямо в перьях!.. Тут утром хватился друг, оказывается, билет у него на обратный самолет. И садиться на самолет надо в Москве. А время — в обрез. Ну, Пупок в момент заложил Катю в оглобли, усадил друга в телегу и погнал «с налета, с поворота, по цепи врагов густой». А он вон как развезло, ног не вытянешь. Чернозем! А ехать-то в гору! Тягун — километра на три! Уже на самом верху Катя и сунулась мордой в грязь. Что-то в ней лопнуло. Сердце, что ли, не выдержало. У них тоже, небось, инфаркты бывают. — Толик кинул на меня усомнившийся взгляд. — А мы про это ничего не знаем. Лошадь да и лошадь, а чего у нее там... это ж тебе не машина: отвинтил, продул, смазал и опять поставил. Да и отвыкли мы теперь от лошадей. Сознаться, я ни разу не запрягал и не знаю, как это делается. Верхом, правда, один раз под этим делом пробовал. Больше закаялся: как на заборе посидел. Прошло это все — хомуты, телеги. И нечего теперь к ним возвращаться, я так понимаю. Во — под капотом сразу шестьдесят серо-бурых скачет, стучит копытами в четыре такта. Верно я говорю? — убежденно переспросил Толик.

— Как сказать... Не все живое заменишь машиной. Особенно живую душу... Ну, и что Пупок?

— А Пупок с другом то ли изловили попутку, а может, и пешком утрехали до станции. Ну, и с концами. Жена говорит, Пупка доси нет дома. Должно, в штопор вошел, в загул ударился.

— А кто у вас председателем колхоза? Может, он как-то распорядится? Нехорошо: лошадь пала на дороге...

— Не-е! — мотнул ондатровой шапкой Толик. — Его это уже не касается! Это ж я его сегодня отвез на станцию. Вот, еду обратно. А он теперь уже далеко. Поехал в Гагру отдыхать. Он — от всех нас, — засмеялся Толик. — А мы — от него... Нет, я ничего такого... Вообще-то

он мужик сходный. Со мной по-хорошему: «Толик, Толик». А все равно друг другу поднадоели. Я тоже с завтрашнего дня в отпуске. Дудки: до пятнадцатого ноября никого и ничего не знаю.

— Ну а председатель сельсовета? — попытался я удержать разговор, от которого непринужденно уходил Толик.

— Яков Андреич? Он сейчас не выходит, дома сидит.

— Что значит — не выходит? Как же сельсовет?

— А так: ногу подвернул. Сидит йодом намазанный.

— Ну, если йодом намазанный... Понимаешь, Толик, какая штука.

Я так думаю: если лошадь убрать с дороги и закопать, то жеребенок, наверно, сам побежит... Его ведь мать держит... А то давай с тобой... У тебя как раз машина. Отступя выроем яму, лошадь подцепим тросом... На полчаса дела.

— Чё вы все ко мне? — вдруг осерчал Толик. — Я уже вон как наковырялся лопатой! С шести утра как сел, так и теперь баранку накручиваю. Если на то пошло, то кобыла эта не из нашей даже деревни. Из Козодоев она, сказано. Так что мы тут ни при чем. Пусть у Пупка голова болит. А то как на кобыле гонять, так он чапаец, а закапывать почему-то я. Вот с него пусть и спрашивают. И вообще я с завтрашнего дня в законном отпуске. Пошли вы все...

Толик нагнулся к приборной панели, чем-то решительно щелкнул, будто обрубил разговор, и газик враз осыпало изнутри громкими, колючими, всепроникающими звуками рока.

Высадил он меня на каком-то подсвирковском выгоне, сказав, что бензин у него на пределе и дальше он никуда не поедет.

В сумерках я пересек затравенелое, подмороженно хрустевшее пространство, в конце которого прямо на уличную хлябь роняли теплый ледовый свет большие окна деревенской школы. Занятия, видно, только что закончились, и школьная дверь то и дело пушечно ахала, выпуская шустрых ребятишек, которые, схватываясь с освещенного крыльца, черными жуками ныряли в уличную темноту и, гомоня и горлая, разбегались во все стороны.

От этих мальчишек я и узнал, что тот человек, к которому я ехал, тот самый Мохов Павел Кондратьевич, на прошлой неделе скончался. Выходило, что весь этот мой поход в Подсвирково совершен напрасно. Бессмысленно стало теперь тащиться по темным непролазным улицам села, искать дом Мохова, что-то объяснять незнакомым людям, тем более выспрашивать у них какие-то бумаги, о которых они, скорее всего, не имели ни малейшего понятия. Все эти мои размышления в конце концов привели меня в школу, чтобы попроситься переночевать.

В передней меня встретила школьная нянька, изготовившаяся мыть полы, — угрюмая тощая старуха, вся в сером, в глубоких галошах-бахилах на босу ногу. Она недружелюбно осмотрела мою замызанную, неавторитетную фигуру — плащ, сапоги, дерматиновую сумку с кое-какой едой, — и на вопрос, есть ли кто еще в школе, не сразу и нехотя, будто сквозь

зубную боль, пробубнила, что директор пока не уходил, но что он занят — у него комиссия из района.

— А нельзя ли его позвать на минутку? — спросил я, сняв кепку и проводя растопыренной пятерней по бурелому волос.

— А тебе на шо?

— Надо.

— Мало шо надо, — строго осекла меня старуха.

— Из области я.

Нянька еще раз пристально, по-таможенному оглядела меня:

— Тоже комиссия?

— Ага... Вроде... — соврал я, чтобы упростить, ускорить переговоры.

Старуха молча приставила к стене швабру и, шаркая бахилами, ломко, ходульно переваливаясь из стороны в сторону, приволакивая одну ногу, пошлепала в глубь коридора.

Вскоре, обгоняя старуху торопливыми шажками, объявился директор — маленький, округлый, весь взопревший, с расслабленным на груди галстуком, словно бы выскочивший из парилки, где его только что отхлестали березовым веником. Он был влажно прочесан на низкий пробор, позволявший часть волос из-за левого уха перебросить на просторную распаренную лысину.

Подходя, директор еще издали уставился на меня тревожно округленными серенькими дошкольно-детскими глазами, изготоясь к любым неприятностям.

— Директор Подсвирковской средней школы, — настороженно произнес он, — заслуженный учитель.

Узнав, однако, что я — никакая не комиссия, как донесла ему нянька, не ревизор, не еще одна крючконосовая птица на его голову, а что, напротив, надобности мои самые простые и безобидные, директор оживился и протянул мне короткую, полную, похожую на икряного подлезника ладошку, которая оказалась влажной и горячей от какого-то внутреннего напряжения, исходившего от всей его рыхлой фигуры.

— Посошков! — прибавил он почти дружески и обернулся к старухе: — Пегаша! Пелагея Петровна! Проводи вот человека в учительскую. Постели на диване. Чтоб все было хорошо. А я, извините, побегу. У меня там комиссия — бумаги, бумаги... Куда только уходит человеческая энергия!.. Ну, располагайтесь... А может — чаю? Пегаша, сделай, пожалуйста...

Мне постелили на просторном клеенчатом диване с высокой спинкой, снабженной полочками и потайными ларцами. Я уже и забыл, что подобные мебельные мастодонты существуют. Они были в ходу еще в сталинские времена, всей своей неуклюжей помпезностью как бы должны были олицетворять уют и благоденствие тогдашнего бытия. С полочек свисали какие-то длинные растения, похожие на поникшую картофельную ботву.

Умывшись и попив чаю с чабрецовой заваркой, я уже начал было принаравливать к лязгающему пружинами дивану, когда в дверь учительской вкрадчиво постучали. Я откликнулся, и в комнату, неся себя на носках, вошел директор.

— Ну, как вы тут? — спросил он, смирив голос до заговорщицкого шепота. — Все в порядке? А мы наконец тоже пошабалили. Вернее сказать — отложили до завтра. Проверяющие только-только ушли. В правлении есть комнатка для приезжих... Такая вот канитель.

— И что они проверяют? — поинтересовался я. — Что-нибудь серьезное?

— Обычное дело: заявления, доносы... С утра ничего не ел. И не хочется. Вот иссосал полпатрона валидола...

Посошков присел на краешек дивана, у моих ног, но и оттуда чувствовалось, как он разгорячен и как все его округлое тело пышкало реакторным жаром, еще не погасшим после ревизоров.

— И все такая чепуха! Такая злобная неправда! — библейски вскидывал он обе ладони сразу. — Вот, например, пишут, что я незаконно пользуюсь школьным садом. Слова «как своим собственным» дважды подчеркнуты. И как будто бы видели, как мой тесть продавал яблоки на станции... Какие яблоки? Какой тесть? Тесть мой едва переступает на костылях, и то только до нужного места... Это какая-то повальная болезнь — писать друг на друга: сосед на соседа, родитель на учителя, учитель на директора... Наверно, ни в одной стране не пишут столько доносов!

Посошков поднял с пола уже остывший чайник, жадно отпил из носика.

— Я вот все думаю: откуда это? Почему человек так озлобился? Отчего старается сжить со света своего ближнего? Ей-богу, все это — от утраты верного дела, от поголовного холопства, сплошного иждивенчества, выглядывания и ожидания какой-либо подачки. Все ревниво следят друг за другом, чтобы кому-то не перепало больше — без очереди или не по чину... Вот, пожалуйста, завтра снова соберутся и станут распинать меня за то, что кому-то померещилось, будто в моей миске оказалось лишку. А, да ладно! Что я вас окунаю в эту грязь? Кстати, как вы к нам добирались? Вон как развезло!

— Грязи вам не занимать, — согласился я. — Добирался по-всякому: где пешком, где с оказией. На машине ничуть не быстрее. Особенно в гору.

— Да, у нас тут холмы, холмы... Гималаи! Местная Азия! А еще досаждают трактора, грузовые машины: безжалостно превращают дороги в сплошное месиво. Получается заколдованный круг: ехать надо, но нельзя, а ехать все-таки надо... калечится техника, на дым и ветер расходуется горючее при общем голодном пайке на него... Не дороги, а сплошное беспутство! Нельзя, но надо — так не только ездим, но так вообще живем...

— Между прочим, — сказал я, стараясь заглянуть директору в глаза, — там, наверху, как раз недалеко от обелиска, пала лошадь. Прямо в непролазную топь. И возле нее совсем крошечный жеребенок. Вот закрою глаза и вижу, как он понуро стоит над материнским трупом. Мимо проезжают машины, люди — и никакого внимания.

Посошков, выслушивая меня, все ниже нагибал голову, и, когда я тоже замолчал, он еще долго сидел склоненно и обездвиженно.

— Да, это у нас бывает, — проронил он куда-то в отвороты пиджака и, приподняв голову, бросил на меня скорбный, виноватый взгляд, будто ожидал пощечины.

— Но как же так?

Директор не стал отвечать. Он сидел совершенно недвижно, отрешенно, наглухо уйдя в себя. Потом тяжело, затрудненно поднял свое как-то вдруг обмякшее тело.

— Извините... Что-то барахлит сердце... Весь сегодняшний день. Вот иногда тоже: жить нечем, а надо, жить надо, а вот как сейчас — нечем...

И трудно пошел, пришаркивая подошвами.

У двери, однако, обернулся:

— Вы правы: безобразный случай. В прежние времена ни один земледелец не позволил бы себе такой безнравственный поступок. Ужасающее пустодушие. Но мы что-нибудь придумаем... Надо что-то придумать... Впрочем, завтра ведь воскресенье. Никого не найдешь. А у меня — опять комиссия... Ну да ладно, отдыхайте. Можете рано не вставать: завтра занятий не будет... Так что спокойной вам ночи.

Я долго не мог заснуть — как всегда на новом месте. Где-то за полночь в окно вызрелась луна — обмытая, сиятельно начищенная тучевой ветошью. Вокруг нее угодливо обозначился легкий прозрачный нимб.

Набросив одеяло, я подошел к окну.

Мир холодно сиял в морозном оцепенении. Стеклянно отсвечивали лужи на пустыре, мерцали обмерзшие столбы и деревья, плоскости крыш, папахи сенных копнушек на задворках.

Подсвирково оледенело забылось до утренней суеты.

А за селом, за плоским его разбродом по обе стороны ручьево́й долины, неожиданно развернулись окрестные взгорья, которые, пока я шел, не были видны за ненастной мглой, а только чувствовались по сбитому дыханию. Сейчас они походили на чьи-то седые, заиндевелье исполинские спины. Ночной мороз выбелил на них старое жнивье, забурьяненные межи, лоскуты озими, выжал влагу и обсахарил вывороченные глыбы вспаханной земли, и все это слилось в мерзлую всклокоченную шерсть, покрывавшую земные горбы, стыло мерцавшие стадным скопищем в разливах лунного света. Холмы, холмы...

Где ты там, невскормленное дитя, Кося-коседёнок, один-одинешенек в ночи, среди этих безлюдных холмов, иззябший, покрывшийся морозной солью, мужественно и безропотно принимающий свою судьбу?

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Воспоминания новосибирских жительниц

Сотрудники Музея Новосибирска несколько лет записывали интервью о жизни горожан во время Великой Отечественной войны. Интервью и документы из семейных архивов показывают повседневность жителей города в ее личном или семейном измерении. Привычная жизнь людей ломалась в условиях тревоги и неопределенности. Семейные будни находились под влиянием трудовой и военной мобилизации, размещения эвакуированных, напряжения всех доступных ресурсов. При этом сюжеты воспоминаний определяются любопытным взглядом на мир «снизу вверх» — во время войны наши собеседники были детьми, ходили в школу, играли во дворе, выполняли взрослые поручения. Эти рассказы касаются универсальных сюжетов войны и мира, детского и взрослого, мужского и женского.

Интервью записывали Евгений Антропов и Оксана Кузнецова.

**Беневоленская Надежда Павловна,
1932 г. р., врач, доктор медицинских наук**

Родители мои из разных сфер. У папы пять колен — священники из Царевосанчурска, это между Казанью и Арзамасом. Папа был младший, тринадцатый, и поэтому на нем очень много надежд замыкалось. Он поступил в Сорбонну параллельно с Керенским. Но, два года проучившись, он вернулся в Казань делать революцию. Когда хорошо узнал, кто такие большевики, без конца скитался между тюрьмами. У нас даже есть письмо 1924 года, в котором папа пишет: «Нюсеночка (мама — Анна, он так ее называл), ты знаешь, я с 1905 года скитаюсь по тюрьмам. То красные, то белые посадят, но первый раз в жизни я арестован без предъявления обвинений». В конце концов он приехал с французской судовладельческой компанией в Омск.

А мама училась в омском медицинском институте, у нее совсем другая история. Она приехала поступать в Омск из Новосибирска — здесь своего «меда» еще не было. Так вот в Омске они и встретились с папой. И, судя по тому, что в 1924 году родился мой брат, видимо, они познакомились где-то в 1923 году и сразу поженились. Но в связи с тем, что папу, вероятно, арестовали, он был послан в наш Искитим, где была зона для политических заключенных, то, скорее всего, она и поехала за ним. Мы этого ничего не знали примерно до 1955 года. При этом известно, что из Омска она перевелась в иркутский «мед» и оттуда уже распределилась в Искитим. И папино прошлое у нас в семье не обсуждалось. Проработала она там, я предполагаю, года два, потому что в 1929 году родился второй сын, и родился уже в Новосибирске.

Я родилась в Новосибирске в 1932 году. Мама уже работала главным врачом в селе Бугры, в 10-й больнице. Врач акушер-гинеколог и общий терапевт. Она также работала заврайздравом и обслуживала все окружающие деревни — Вертково и другие, то есть все было на ней. Маму двадцать пять лет избирали депутатом горсовета. Причем это было честное голосование, ну, все Бугры голосовали. Двадцать пять лет — я не знаю, есть ли еще такой человек, с 28-го года по 53-й.

Бугры ее безумно любили, и все ее прекрасно знали. Здесь мы и жили, на улице Тульской, в бывшем поповском доме. Большое крыльцо, тринадцать ступенек — видимо, лавочек не было и прихожане сидели на этих ступеньках. А теперь это была больница с квартирой главного врача. Усадьба из трех домов. Причем посмотрите, какие были благородные церковные люди. Построили церковь, рядом больницу, здесь же дом священника. Ведь надо же больных сначала укрепить духовно, а потом уже лечить физически.

Так вот, мы жили в этой бывшей поповской квартире. Через стенку от нас был корпус больницы, где было детское отделение, дальше была закрытая хирургия, потом терапия и затем, отдельно, инфекционная часть, отдельно же и роддом. В инфекционной был и собственный вход, и вход из отделения. И совершенно отдельно, с воротами, въезд и вход в жилой дом, чтоб никакая инфекция не проникала. Кухня также была обособлена, а хозяйственный двор — дальше всех, он отделялся от всего комплекса черемуховой рощей. Вот могут сейчас так сделать?! Там же была прачечная больничная.

Какой дом огромный! Коридор, кабинет, громадная комната с четырьмя окнами, где, видимо, при священнике и велись все приемы. Здесь и проходило мое детство. Длиннющий коридор! Я его мыла еще дошкольницей. Хотя у нас была домработница. Какая? Всего их было три. Сначала была Евграфовна. Ее выгнала дочь — старуха не ладила с зятем, и ее выгнали на улицу. Она пришла в больницу больная — куда ее деть? Мама и предложила: «Будешь у меня варить?» Конечно! Она так готовила! Больше она ничего не делала — полы мыли мы, корову выгоняли мы. Но варила Евграфовна. Утром у нас лепешечки, картошечка жареная. Потом, через год, дочь ее родила, и бабушка стала нужна. Дочь пришла отбирать ее. Евграфовна: «Анна, не отдавай меня, не отдавай меня, мне у тебя хорошо!» Но как можно не отдать дочери?! И Евграфовну забрали.

А в это время в больнице родила одна девушка молодая, шестнадцати лет, наверное, а муж уехал. И Варька с девочкой брошены! Куда их деть? Мама оставила их себе. Девочку называли Надькой, в честь меня. Потом, через год, муж ее из Средней Азии написал, сказал — приезжай, приму. Потом мама подобрала еще одну, оказалось, она эпилептик.

Семья Надежды Беневоленской

В предвоенные годы мы вставали в четыре или в пять утра, бежали к магазину и занимали очередь за хлебом. Особого голода мы не ощущали, потому что был огород. Сажали картошку, морковь, свеклу, огурцы, никаких помидоров тогда не было. Папа с нами копал картошку. Он делил работу между нами: «Вот это, Надюха, твое». Меня он часто называл «толстомясенькая», Олега звали — Ёлка, а Лешку, старшего, звали — Лёка. В семье эти клички все принимали без обид. Территория чужого поля называлась «вражьей», и мы должны были победить, стремясь быстрее выкопать. Поэтому мы старались выкопать все аккуратно и до конца.

Была у нас и традиция, несмотря ни на что, в воскресенье вместе садиться за обеденный стол. Мама, слава богу, тоже с нами обедала. В два часа семья собиралась, и родители рассказывали, что у них произошло за эту неделю, а мы делились своими проблемами. Родители тут же их или решали, или говорили, кто и где не прав. То есть воспитание шло, можно сказать, еженедельно за обедом, как бы между прочим, без подчеркнутых назиданий.

Рядом, в устье Тулы, на том берегу, был «Шанхай», здесь жили китайцы — и в числе прочих один китаец-прачка, без жены, но с четырехлетним мальчиком Юркой. Мы его любили и подкармливали чем-нибудь вкусеньким.

Началась война. Первый день в глазах всю жизнь стоит. Папа повел нас утром на околки, где позже построят оловозавод. Идем мы и вдруг видим маму — бежит навстречу: «Паля, Паля, война! Лёка! Лёка!» А Лёка кончает летное училище, начинается война, что делать?.. И вот эта первая сцена ужасна... Потом мы приходим домой, мама с папой о чем-то разговаривают, но до меня, второклассницы, не очень доходит смысл, хотя стало тревожно.

А вечером сидим на крыльце. И почему-то были зарницы, какие-то всполохи на востоке. Мама говорит: «Я завтра пойду запишусь на курсы шоферов и подам заявление на фронт». А папа был на тринадцать лет старше мамы, близорукий и, конечно, был не годен для фронта. Папа говорит: «А как дети?» — «Ты же будешь с ними». И с тревогой добавляет: «А я еще и в партию вступлю». Вот это для меня первый день войны. Тревога, напряженность. Маму на фронт не пустили, врачей и так не хватало, папа остался дома как инвалид. И мы продолжали жить в Буграх.

Приехали москвичи эвакуированные. Среди них был Юрка Червяков, на год старше меня, ходил в коротких брючках — у коленок на пуговке; у нас таких не было, мы таких даже не знали. Вот он ходил важный: из Москвы. И Юрке-китайчонку, сыну прачки, наподдавал за что-то. Я смотрю — он колотит Юрку. А его же нельзя — он без мамы живет! Я налетела на этого Червякова Юрку и давай его самого колотить. А я девочка с кулаками была — меня братья воспитывали. И я его так отдубасила, что он со слезами ушел домой. И вечером его бабушка пришла к моей маме жаловаться: это же бандитка!

А мама ведь была заврайздравом. И еще она была депутат не только горсовета, но и райсовета Кировского. Тогда начали строить оловозавод, Тяжстанкогидропресс, Сиблитмаш... То есть уйму заводов навезли и эвакуированных людей. Так вот, на одной из сессий горисполкома мама докладывает, как депутат, о силикозе. А в это время на завод «Сибсельмаш» приехал новый директор (это 1942 год, наверное), генерал Саханицкий. Первое, что он сделал, — он пошел на сессию горисполкома послушать, что говорят о его заводе, какие проблемы в городе и где что ему схватить.

И вот докладывает какая-то мадам, что хуже всего на комбинате № 179: силикоз в четырнадцатом и восемнадцатом цехах. И он говорит первому секретарю обкома Кулагину: «Чтоб эта мадам завтра у меня начальником части

была!» А она — заврайздравом, главный врач одной больницы, главный врач другой больницы, живет в Буграх, а Сибсельмаш и клиника — где! Но ее и не спросили — на следующий день приказ. А она девушка была решительная. Пришла на прием к Саханицкому и говорит: рентгена нет, физиотерапии нет!

Мама знала депортированных, потому что она проверяла санитарное состояние этих землянок. Они жили прямо в землянках между Башней и Буграми. Это были эстонцы, латыши, немцы. Она приходила домой в ужасе и говорила — ну-ка, ребята, ведро картошки везите в семнадцатую землянку. Значит, мы в погреб, и везем. Она убивала сразу двух зайцев — она учила нас не только отдавать, но видеть, как живут эти люди. В жилище пол земляной, ничего нет, а чисто. Какие-то салфеточки лежат... Культура. И вот этому мы учились, тогда еще... А когда пришла весна — у нас картошки нет, мы ее отдали. Бабы бугринские узнали и давай нам тащить! Ну как это так — Анна Ивановна без картошки! Нам столько картошки принесли, что мы ее и ели, и сажали. Причина этому — наше сибирское «отдай», не «забери», не «укради».

Когда мама пришла в эту заводскую санитарную часть, самым больным местом там была регистратура. Врачей нет, талонов нет, очереди. Один раненый в сердцах разбил стекло костылем. Что делать? Нет врачей, нет мест. Мама наняла в регистратуру педагога, немку Лидию Ивановну, я ее и сейчас помню. Она вмиг навела там порядок.

В физиокабинет Саханицкий привез аппаратуру, а врача-то нет. Но есть эстонка, медик. Мама эту эстонку пристраивает. А маму — хоп, в органы: ты это что?! Еще одну примете... Что делать? Рентген-аппарат есть, а рентгенолога нет. Мама нашла рентгенолога, но немка! Эмма Петровна ее звали, одинокая, с сыном Робертом. Она к Саханицкому: «Вам нужен рентген? Аппарат подключен, есть специалист, но она немка, я ее не приму — меня уже таскали». — «Куда таскали?» — «А вот туда». Тот берет трубку: «Принять!»

Мама работала в новой больнице у кинотеатра «Металлист», тогда ее только-только построили. И я любила дежурить с мамой, потому что там было табло. Если больной, допустим, из девятой палаты нажимал кнопку вызова, на табло загоралась цифра девять: дежурный врач вскакивал и бежал в девятую палату.

Так вот, мама работала в двух местах, да депутатская работа еще! Мы ее трое, четверо суток не видели! Однажды был такой случай. Мама поздно возвращалась домой, и вдруг ее останавливают два мужика и говорят: «Снимай шубу!» Мама испугалась и, конечно, сняла. «Анна Ивановна, это ты? Что ночью-то одна ходишь? Ну-ка иди быстрее домой, пока мы тут стоим». Вот это отношение! Не только я одна восхищалась родителями, маму любили все.

В 42-м мне было десять лет. А Ёлка на два года старше. Когда кто-то из знакомых, коллег мамы ехал мимо нашего дома, то заезжали и проверяли: ну, как там дети Анны Ивановны — живы? Живы. У брата была двустволка. Хотя ему было двенадцать лет, у него был охотничий билет. А у меня была малокалиберка, в десять лет я уже стреляла. Я мечтала, что получу значок «Ворошиловский стрелок!» А мне дали не такой — мне дали «юный ворошиловский». Я так плакала. А мне военрук говорил: «Ты чего реवेशь, тебе же нет четырнадцати, а «ворошиловский» дают только с четырнадцати». Я потом уже была чемпионом Кировского района по стрельбе.

И еще с нами была немецкая овчарка.

Мы рыбачили, но никакого браконьерства — удочка, червяки. Или вилка. Налимчики! Идешь против течения. Тула уже мелела к лету. Подходишь к налимчику — он у камешка стоит. Вилкой — цап! И несешь рыбу на вилке. Уха из налимчика очень вкусная! Вот так вот мы питались.

На правый берег перебирались на «передачах» — поезде из вагонов четырех или пяти. Потом еще ведь понтонный мост поставили. Еще паром был, назывался «Орлик». Но он ведь ходил только летом. Зачем мы на другой берег ездили? Мама возила нас в театр. В ТЮЗ, это уже сразу после войны. Мы ни один спектакль с Зоей Булгаковой не пропускали. И если «передача» не совпадала, то, поскольку маму любили, лодочник нас перевозил через реку. А потом — либо у маминой сестры на Ядринцевской ночевали, либо ждали «передачу» поздною. Она где-то после десяти шла.

Театр мы очень любили. Конечно, был и «Красный факел». Мы любили и Николая Михайлова, и Елену Агаронову, и всех артистов, но ТЮЗ! Булгакова, Макаров! «Снежная королева», «Синяя птица» — все эти спектакли!

А в войну еще у нас в школе был большой зал, во втором корпусе. И там крутили пленки, между ними перерыв, сидели мы на полу, ждали и смотрели «Чапаева», по сто раз, наверное, на дню, еще какие-то фильмы. То есть в городе было искусство. Когда началась война, «Красный факел» переехал в ДК имени Клары Цеткин, в Ленинский район, уступив здание Пушкинскому театру. ТЮЗ исчез на какое-то время, а потом вернулся в Дом Ленина.

О культурном воспитании детей постоянно заботились. У нас дома было фортепиано фабрики Битепажа из Санкт-Петербурга. Выпустила фабрика всего десятка два-три инструментов. Но в производстве использовали слоновую кость. Музыкальной школы в Буграх тогда не было. Раньше она была при 70-й школе — это рядом с кинотеатром «Металлист» — на первом этаже. Но началась война, здание занял госпиталь, и «музыкальную» переселили в 73-ю, которая находилась на выходе из Соцгорода. В школе два этажа занимали мальчики, а третий и четвертый — девочки. Но это было далековато, и отпускать детей из Бугров одних побоялись.

И тогда мама пригласила учителя, ее звали Цецилия Рудольфовна, из эвакуированных. Она приходила из Соцгорода к нам домой. Инструмент был только у нас. Поэтому и дети приходили к нам учиться два раза в неделю. Ее условием было — чашка кофе и пирожок, к примеру. Евграфовна пекла или кто-то еще. Но кофе для Цецилии Рудольфовны был обязательным. А кофе-то нет. Но в Буграх, в магазине, оказывается, были зернышки — нежареные, беленькие. И вот мама купила зёрна, их пожарили, истолкли и заваривали Цецилии. Это я помню — как кофе запахнет, значит, Цецилия идет и детишки прибегают (человек пять ходили к нам заниматься). Но она только год с нами занималась, потом я уже сама ходила в Соцгород, во второй класс музыкальной школы.

Была у нас одна семья, о которой я хочу сказать отдельно. Семья Шандаровых, оба — учителя нашей школы. Муж ее сразу ушел на фронт, и она осталась с шестью детьми! Лилия, Юра, близнецы Леня и Витя, Стасик и Миша. Миша умер маленький. Но у нас была корова. И мама, зная, что она одна с шестью ребятами, утром, когда я просыпалась, говорила: «Ну-ка, быстренько крыночку отнеси Валентине Ивановне!» И я крынку молока уносила ей. И вот эта Валентина Шандарова, она не просто вырастила одна этих шестерых ребят, но... Один из них, Юра, стал генералом железнодорожных войск, Лилия, старшая дочь, стала педагогом, потом уехала в Ленинград. А младшие — один из них — кандидат наук, второй тоже в науке, а самый младший — журналист. Вот она из всех вырастила настоящих людей. У нее шестеро дома, а она с нами в школе сидит. Вот это были настоящие педагоги! И они учили нас отвечать за каждый свой поступок.

Даже в младших классах мы учились шесть дней в неделю. И к шестому дню дети сильно уставали, их нужно было как-то размять. И вот на перерывах,

на большой перемене, нас водили хороводом, устраивали игры. Или «третий лишний», или догоняшки, или еще что-то. И педагоги были с нами в большую перемену.

Был один случай во время нашего традиционного воскресного обеда. Входит к нам женщина: «Анна Ивановна! Это что такое?!» И булку хлеба показывает, разрезанную напополам — в одной половине хвост крысы, а с другой — голова. Мама три месяца не могла есть хлеб. Но она поехала на хлебозавод, к вокзалу, из Бугров и там устроила всем... навела порядок, как депутат.

О попытке нападения на маму узнал Саханицкий и приказал в сорок восемь часов найти квартиру. Пошли искать. И нашли в Соцгороде — две комнаты в четырехкомнатной квартире. Шикарное жилье! Там, в 70-й школе, я училась в старших классах.

Так что день Победы мы уже встречали в Соцгороде. Восьмого мая звонок. Мама берет трубку, мужской голос: «Анна Ивановна, завтра день Победы!» Так мама никогда и не узнала, кто это звонил. Наутро мама пошла на работу, репродуктор молчал. Приходим в школу, а там уже известно. Собрали нас всех в зале, учителя все веселые. Ребята

**Надежда Беневоленская с братьями
Алексеем и Олегом**

поют песни. И вскоре всех распустили по домам, чтобы мы могли встретить этот великий праздник в семье. Я побежала к маме в медсанчасть. Бегу по мосту через пути, солнышко светит, и вы знаете, мне показалось, что даже деревья радостные. И вдруг дождик. А навстречу мне идет инвалид на костылях и говорит: «Доченька, даже солнышко от радости плачет, ты видишь?!»

Я прибежала к маме, пробывала там какое-то время, бегу назад, уже где-то час дня. Смотрю, в Кривощекове стоит состав, вагоны товарняка, оттуда выбегают солдаты. Их отправляли в Японию. Солдаты столпились около какой-то девушки: «Найдите мне его, может быть, он среди вас!» У нее любимый пропал без вести. И тут я поразилась солдатам: кто ложечку дарит ей, кто бантик... То есть каждый хотел ее порадовать. Один даже побежал искать любимого девушки по вагонам. Все радостные, добрые. Это такой день... Они ведь не понимали, что их везут на новую войну.

Позже дома собрались все друзья, школьники, мамы сослуживцы, праздновали. Я помню все, как будто это было вчера, вот этот дождь и слова: «Даже солнышко плачет от радости!»

А потом было открытие оперного театра — это же праздник! Мы попали на первый спектакль, «Иван Сусанин». Сидели во втором ярусе. Поразило оформление, поразили скульптуры. Это был такой праздник, что мы даже дышать боялись. Начался спектакль. И Сусанин выезжает на настоящей лошади! Это тоже было чрезвычайным событием: как, на сцене настоящая лошадь?! Кривченья изумительно пел партию Сусанина! Конечно, для нас все было очень трогательно, очень красиво, мы с замиранием слушали... К сожалению, я не помню, выступал ли кто-то перед спектаклем и даже кто дирижер. Когда начинался спектакль, все забывалось!

На второй день — балет «Лебединое озеро», еще таинственнее, еще интереснее. Мы знали, что там три солистки: Ювачева, Лентяева, Череховская. Первый день танцевала самая техничная — Ювачева. Спектакль потрясающий, постановка изумительная. В антракте все стали выходить, а со мной рядом сидела женщина очень интеллигентного вида. Она говорит: «Замечательно. Но жалко, что не поют, я пойду». И ушла. Так жаждали, так ждали открытия театра, так трудно было достать билеты... И вот она пришла — но не поют! Она просто не знала, что такое балет, не смогла понять без слов. У нас же впечатление от этого балета было потрясающее.

А потом был Ленинград. Я с детства мечтала быть врачом. Потому что я знала, что к маме все шли, мама всем помогала... Когда настало время поступать, мама только приехала из Ленинграда, с курсов усовершенствования, и говорит: «Знаешь что, в Ленинграде открыт новый институт, где есть кафедра гигиены труда. И будешь ты и врач, и физик». Вот так и определила мама мою специальность.

Брандт Римма Алексеевна, 1933 г. р., преподаватель иностранных языков

Я родилась я в Тамбове в 33-м году. У нас родня где? Тамбов, Рязань, Москва. А родня мужа вся — питерцы. Какой-то его предок давнишний даже создал в Санкт-Петербурге зоологический музей.

Когдаходишь в этот музей, в холле стоит его бюст, на котором написано: «Федор Федорович Брандт, академик, выдающийся русский зоолог». Когда он никакой не русский, никакой не Федор — Фридрих, понимаете? Его чуть ли не сам Гумбольдт послал в Россию. И это был уже второй музей. Первый-то создал Петр I — Кунсткамера, она рядом, кстати, с этим зоологическим музеем, и рядом главный корпус Ленинградского университета.

Так вот, родом я из Тамбова, но с началом войны мамин завод, Коминтерна, эвакуировался в Свердловск. Это не тот завод Коминтерна, что оказался в Новосибирске, другой. В Свердловске я сама записалась в первый класс — родители были на казарменном положении, а школа была через дорогу, вот я пошла и записалась, никто меня не таскал, не водил. Правда, в Новосибирске потом мне почему-то снова пришлось пойти в первый класс — я окончила его в 19-й школе, на Богаткова.

В Новосибирск мы эвакуировались уже в декабре 41-го года из Воронежа, с заводом «Электросигнал», с последним эшелонам. И я помню бомбежки в Воронеже. И родители, и остальные жильцы нашего дома должны были дежурить по очереди на крыше. И тушить летящие зажигательные бомбы — внизу стояли ящики с песком и большие бочки с водой. «Зажигалку» надо было как-то брать за «хвост» и кидать вниз. А там ее либо засыпали песком, либо заливали водой.

Ну и как-то мои родители дежурили, а была ночь — они ночами дежурили. А я была дома, и сосед прибегает на крышу, говорит: «А Римма-то где ваша?» А я испугалась и под кровать залезла. Под кроватью, кстати, собирала осколки от всяких бомб, снарядов. Когда отец увидел эту коллекцию — мне попало будь здоров.

Мы уехали с последним эшелонам. «Эшелонам» была подъехавшая лошадь, на которой были чемоданы. Каждая семья могла взять только один чемодан. Сколько бы ни было у тебя детей, большая семья или маленькая — один чемодан.

На себя надевай хоть двадцать пять платьев (но такого ни у кого не было тогда). Детей маленьких сажали на эту телегу, которая везла нас на запасные пути, потому что немцы уже разбомбили рельсы. Вот. Седьмого ноября мы еще были на запасных путях. И родители ходили на демонстрацию! Вы представляете! Немцы бомбят Воронеж — ведь там авиационный крупный завод, — а люди выходят на демонстрацию.

Мы в декабре приехали... Мы ехали двадцать один день! Вагоны разнокалиберные. Мы ехали в вагоне, «ледник» он назывался, в котором возили туши. Наверху были крюки. Нары сделали двойными: мы были наверху. Я всегда просыпалась и о крюк ударялась — вот никогда не могла запомнить, что надо осторожно вставать. Какие-то женщины упирались отцу в голову ногами: «Алексей Петрович, вы извините, что мы это...» Он говорит: «Да ничё, ничё, женские ножки — это даже приятно...»

Сколько будет стоять эшелон, на каких путях — никто не знал, не объявляли. В нашем вагоне как раз ехал начальник состава.

Варили на каком-то примусе.

В Новосибирске нас поселили на улице Обской, в частной квартирке маленькой, где промерзали стены. Но меня клали спать у стены, которая не промерзала, — смежной с другой комнаткой. Адрес у нас был — Обская, 156, напротив школы, которая сейчас 76-я, на Большевистской. Там госпиталь был в то время. И много было украинцев. Я запомнила их потому, что, когда наступало тепло и в госпитале открывались окна, раненые всегда смотрели на Обь, облокотившись на подоконник. И все время пели: «Ой, ты Галя, Галя дорогая...» — что-то в этом духе. Понимаете, украинцы приняли на себя первые удары войны.

Отец ночью прибежал домой с завода, чтобы принести мне допцак (язвенникам и туберкулезникам полагался) — ломтик хлеба, и на нем масла кусочек. Он не снимал пальто, только шапку снимет и сунет мне паек.

Однажды я узнала, в одну из таких ночей, что на фронте погиб дядя Коля, последний из братьев отца. Когда я об этом узнала — начала рыдать, куском хлеба этого давиться. Кое-как его съела, кричала: «Дайте мне ружье, я перебью всех немцев, всех немцев!» А отец на меня посмотрел в эту страшную минуту и сказал, когда я утомилась: «Риммочка, а у них тоже есть дети, и их тоже ждут матери». Таким в памяти у меня остался отец. Вот такие он мне слова сказал. Отец не хотел, видимо, чтоб я выросла таким человеком... жестоким.

У нас на заводе много работало пленных немцев. И немцы, и мадьяры, очень много их было. Они даже приходили к нам чистить помойки — туалет был на улице, хотя дом был двухэтажный, быстро соорудили. И их всегда приводил не конвой — никакого конвоя не было, а бригадир из пленных же, как говорили, какой-то граф. Он был очень красивый, этот граф. Он не работал, а просто стоял...

А напротив «Электросигнала» была кинокопировавшая фабрика. И даже директор завода, чтобы как-то людей, особенно комсостав, чтобы как-то их оживить, как-то, понимаете, их переключить, просил начальника кинофабрики показать фильмы. И они ночью их крутили — «Девушка моей мечты» с Марикой Рёкк, «Дорога на эшафот», «Где моя дочь?», «Я — беглый каторжник». Это были так называемые трофейные фильмы. Еще был американский фильм «Сестра его дворецкого», где играла Дина Дурбин, известная актриса. Она даже по-русски пела какие-то наши романсы — «Две гитары за стеной жалобно заныли»... С акцентом, но на русском языке пела. Красавица необыкновенная. И джаз там был очень интересный, он сопровождал все эти фильмы... Вы

понимаете, ведь рабочим и уж тем более начальникам цехов в кино ходить было некогда. А директор ночью раз — и снимет их с работы: идите, смотрите.

Какой был директор завода «Электросигнал»? Я даже запомнила фамилию — Мещеряков, — директор, с которым мы эвакуировались. Нас, завод, наградили орденом Ленина, и лично Мещерякова — это было где-то в начале войны. И когда звонили прямо ночью (он-то работал ночами) из Москвы, из ЦК: «Поздравляем, наградили тебя и завод орденом Ленина, всех поздравь!» — он кричал в трубку, как все потом рассказывали друг другу: «Не верю, не верю!»

Во время войны я ходила во все кружки — все работали, и все бесплатно. При заводе был клуб, для которого потом, уже после войны, отстроили здание — Дом культуры имени Попова.

У этого Мещерякова был фонд директорский, за который он ни перед кем не отчитывался, он этот фонд тратил так, как он хотел. Что он сделал первым? Он всем купил валенки. И рабочим, и членам их семей, детям — всем, чтобы в школу ходили, в детсад, — мы же приехали из южного города... Дальше директор распорядился насчет столовой, которая была на территории завода... Он иногда ночью звонил и говорил заведующей — срочно обед для стахановцев. А ведь работали по восемнадцать часов у станка. Мало того — ребята из ФЗУ, из ремесленного училища, по двенадцать — пятнадцать лет, стояли у станка. Иногда начальник цеха идет, а работник сидит около станка, плачет или спит — ну ребенок же. Так вот, на этот директорский фонд готовился дополнительно какой-нибудь наваристый борщ или что еще... Это без карточек, без оплаты — сегодня он одних рабочих подкормит, завтра другую партию, чтобы ночь могли выдержать. Ну, и на второе директор наказывал обязательно что-то мясное. Либо, говорит, тушеную картошку с мясом, либо котлету, прямо с мою ладонь. И обязательно давали выпить... наливали примерно две трети стакана водки. Рабочие не стояли с подносами в очереди, сидели за столами, их обслуживали официантки. То есть они должны были отдохнуть. Директор все предусматривал. Так официантки называли этих стахановцев «стакановцы». Потому что они начинали со стакана.

Когда открывали бюст Покрышкину на площади Ленина, там был бульвар посредине. А я любила бегать босиком. Не потому, что обуви не было или очень берегли ее, а просто любила я босиком бегать. И я из Октябрьского района, от «Электросигнала», бегом бежала на площадь Ленина. Прибежала, и меня публика к Покрышкину приперла. В основном на открытие пришли ребята, взрослых мало было, потому что все работали в дневное время. А Покрышкин был в своей коротенькой кожаной летной тужурке и в шлеме с ушами, кожаном тоже. И он стоял, и так на нас смотрит, и слегка улыбается, понимаете, так задумчиво. И я еще думаю — какой красивый человек (он такой красивый был)! И меня толкают со всех сторон, я думаю: «Ну сейчас упаду на Покрышкина».

К слову, про обувь. Рядом со школой жили близнецы, Гриша и Миша. У них была одна пара обуви на двоих. А нам говорили так: получаешь «пять» — уничтожаешь врага, получаешь «четыре» — бьешь, но не добиваешь, поэтому все норовили учиться на пятерки. Они учились на пятерки, Гришка с Мишкой. Вот сегодня Гришка на себе волочит, надевая обувь, Мишку, а потом наоборот. Менялись, понимаете, ребята. А потом ходили уже в каких-то вязаных толстых носках. Но никто не смеялся, ничего — какой тут смех-то.

И сначала учились вместе мальчики и девочки, а потом Сталин-то разделал школы. Наша стала мужской. И нас, девочек, определили в школу около станции Алтайки, Южный сейчас. Эту школу называли Железнодорожная, № 3. Я, только став старым человеком, поняла, какие умные были предки наши — те,

кто строил Новосибирск. Вот смотрите, идет железная дорога. И вдоль железной дороги что строилось? Обязательно школа, пункт какой-то медицинский. В этой 3-й школе была фисгармония, и мы на ней играли. Там же, с другой стороны, вход... квартира директора была большая. Это была семилетка. И детский сад был недалеко.

А рядом с нашей школой стояла баня! Дореволюционная. Построенная давно, да, но строили-то кирпичик к кирпичику. Баня работала так: день мужской, день женский. Но завшивленность была невероятная! И какое-то было «мыло К», которым надо было мыть голову, чтобы вшей этих ликвидировать, вонючее до ужаса... И вот нас учителя водили в баню, говорили, снимайте нижнее белье — отправляли в прожарку. Лично каждого ребенка в младших классах они еще купали и мыли, волосы этим «мылом К» вонючим промывали... Вот вы представляете?! Так о нас заботились.

Ну вот, значит, нас в эту 3-ю школу, кто поблизости, определили. Причем учителя все лето ходили по всем этим, как мы их называли, аулам — внутри Обской улицы. Они ходили и собирали детей, и определяли их в школы, вы понимаете? Чтоб каждый учился! Собирали этих детей. Я не знаю, когда они отдыхали... эти учителя-то.

А потом, еще зимой, помню, когда я училась еще в 19-й школе, учителя разбирали детей по домам — в три смены школа училась. Вы понимаете, какая была забота?! Вот был у нас учитель музыки — Василий Иванович. У него одна нога была короче другой. Но он прекрасно катался на велосипеде и замечательно — на коньках. И прекрасно играл на скрипке. И он иногда приносил скрипку и девочек учил песенке (я потом своим внукам ее пела):

Кот-царапка, кот сибирский,
Учит детушек плясать,
Ну-ка, детки, провой-левой,
Раз, два, три, четыре, пять.
Грациозно, незаметно
Нужно лапку поднимать.
Ну-ка, детки, веселее,
Раз, два, три, четыре, пять.
Кот окончил, а котятки
В танец просятя опять...

Вот, а потом еще одну песню...

Что танцуешь, Катенька?
Польку, польку, папенька!
Где училась, Катенька?
В пансионе, папенька.
Где ты денежки брала?
У вас, папенька, краля.
Стыдно, стыдно, Катенька!
Что ж поделать, папенька?
Поздно, поздно, папенька!

Потом я слышала, как директор тихонько говорит: «Василий Иванович, не надо с детьми эту песню разучивать». А мы ее все равно выучили. Вообще, какие были учителя! Ведь были бывшие девочки епархиальные, какие-то училища оканчивали, ехали из России в Сибирь сеять разумное, доброе, вечное... Они скрывали свое происхождение. Гимназии оканчивали разные, даже смолянки среди них были...

Так вот, учителя наши, женщины, ездили в лес, уже осенью где-то, собирали калину. Рвали, привозили эту ягоду, и школьный повар ее парила. Завтраки тогда выдавали по карточкам. Но вот это — стакан калины — получал каждый ребенок бесплатно и без всяких карточек. А вонища была на всю школу, вы понимаете, калина пареная пахнет не очень, но мы ее любили. И пели всегда — «Калинка, калинка моя...» На большой перемене каждый съедал стакан вот этой калины.

А хулиганья было! Инюшенские ребята что выделывали! Кошмар! Они к нам в школу, конечно, не заходили, нас они не обижали, эти ребята, школьничков не трогали. Никогда ничего нам плохого не делали. Но однажды был такой случай. Мы, учась во вторую смену, вышли из школы. Темнело уже. Мы вышли за ограду за школьную и стоим, человека четыре-пять, на перекрестке. Кому-то надо в одну сторону идти, кому-то в другую. Мы стоим и разговариваем, все не наговоримся о чем-то.

И вдруг идет парень, которого звали — прозвище такое — Чика. И кричит — разойдись! А мы прямо на дороге стоим. «Мелочь пузатая, из-за вас меня не видно!» Ну, он шутит. А с нами была Валя Трушина, такая задира. Он подходит близко и говорит: «А что я вам сказал — разойдись!» А она ему возьми и скажи: «Подлец!» Видимо, где-то вычитала это слово. Он ей поддал. Она по снегу пролетела и в ограду уткнулась. Девчонки отбежали, и я одна стою.

Хулиган говорит: «А ты что стоишь? Я сказал — разойдись». А я говорю: «Да вот смотрю, какой ты сильный — с девчонкой сладил. Вот быка бы взял за рога да перевернул — я бы поверила, что ты силач, а так, с девчонкой...» — «Ну что, тебе еще поддать?» Я говорю: «А я этому даже не удивлюсь». И он, вы знаете, дал мне между глаз, я тогда один-единственный раз поняла, что такое, когда летят искры из глаз, и упала. А Валька эта по сугробу поперла и вышла на дорогу. И навстречу идет девочка из нашего класса: не знаю, почему она возвращалась к школе. А фамилия ее была Пиджакова. Валю Трушину, ее звали Труня, а эту звали Пиджача. Пиджача говорит Труне: «Труня, ты куда ползешь?» — «Иди скорее, беги, скажи Римкиной матери, что ее бьют». А мама в галошах домывала пол — и побежала прямо в них, не одеваясь. А ведь зима, галоши потеряла в снегу.

А этот Чика уже убежал. Потому что мимо шел парень и увидел меня. Парень учился в 19-й школе, у него отец был егерь и прислал его в город учиться. Он в старших классах уже учился, его все боялись. Звали его, как сейчас помню, Жора. Он был сильный, но он никого не обижал. Когда его хотели побороть, пять человек на него наваятся, а он только плечами тряханет, и они отлетают. А он шел в баню, с веником под мышкой. «Римма, ты что там?» И Чика услышал его голос и убежал, понимаете, потому что — Жора...

Тут мать прибежала. Спрашивают: «Да что с тобой, кто тебя?» Я им ничего не сказала, видно, мне было не до того. И мы пошли в школу. И Труня тоже: еле-еле идет, стонет — артистка была хорошая. Все учителя собрались и директор: «Что делать, что делать? Будем заявлять в милицию». А мама говорит: «Подождите, в милицию всегда успеем, я еще должна разобраться». Мать моя, видите, какая мудрая была.

Привела меня домой и говорит: «Ну, давай, милочка, рассказывай, как было дело, почему тебя вдруг стали бить?» А я говорю, мама, вот так и так. Как было, так и рассказала. «Ну так что — ты сама задиралась, ты сама и напросилась на этот удар. А теперь, значит, надо в милицию на него заявлять, да? Вот впредь имей в виду — если задираешься, то сама себя и защищай, как умеешь. И никакой милиции тебе не будет».

Однажды учительница, которая нас сопровождала всегда в сторону мелькомбината, мне говорит, когда уже никого не было: «Знаешь, сегодня раздавали талоны эвакуированным детям на дополнительное питание. Целый месяц можно с этим талоном получать обед. В столовой, которая расположена на базаре». А базар — Октябрьский рынок — был там, где сейчас ГПНТБ. И тут же, на этом рынке, был какой-то круглый, из досок сбитый цилиндр. И по нему на мотоциклах катались какие-то виртуозы. Люди приходили и платили деньги, чтоб посмотреть. И вот на территории рынка была столовая.

Я говорю: «Ой, а мне не дали, я ведь тоже эвакуированная». Учительница говорит: «А ты завтра приди к завучу, расскажи, и тебе дадут».

Верите, нет, я всю ночь винтом крутилась, не спала, дожидалась утра, уже не до третьей смены — я с утра побежала в школу — и к завучу. «Здрасьте! Вот вы раздавали талоны на дополнительное питание эвакуированным детям...» — «Да-да-да, раздавали». — «Я вот тоже эвакуированная, а мне не дали». — «Ну, и тебе дадим, раз ты эвакуированная. Но только у нас три градации», — она говорит. «Первая градация — тебе дадут добавку. Вот ты съела первое, тебе дают добавку, второе съела, еще хочешь — бери добавку. Вторая градация: тебе дадут добавку только к первому блюду. Суп ешь сколько влезет, а второе уже и не проси. Ну а третья градация — все, что тебе дадут, ты съела, сказала “спасибо” и пошла, больше тебе не положено. Вот какую тебе дать градацию?» Понимаете, ей было интересно знать, как ребенок мыслит, учителя были любознательные. Это я вот сейчас понимаю, будучи сама взрослым человеком.

А я говорю: «Ой, дайте мне, пожалуйста, хотя бы третью». Она посмотрела на меня с удивлением: «Ну, раз ты такая сознательная, я тебе дам вторую».

Мы же, эвакуированные, картошку не сажали — приехали, а ничего нет. Ни печку топить нечем, ни грядок... Это потом завод организовал — целые поля нам выделяли. Земельную территорию делили на участки, потом тянули жребий — где-то была плохая земля, глинистая, а где-то была хорошая. Мне всегда везло почему-то. Я тянула жребий, и нам доставалась хорошая земля.

Вообще, нам помогали. Когда не было у нас никакой картошки, мои подружки приносили картофельные очистки. Мы эти очистки помоем, прокрутим через мясорубку — и на сковородку. И ели.

Мои одноклассницы (у нас одни девочки учились) жили в основном в частном секторе. Проходила переключка. «А чего это нет Вали Мясниковой? Ну-ка сбегайте и узнайте». Посланники прибегают: «Ой, слушайте, и бабушка, и Валька лежат с температурой сорок, заболели, простыли, в избе холод собачий, есть им нечего».

А у Вали отец и мать — врачи на фронте... А нас же в классе сорок человек. Завтра приносит каждый по две картошки, по одному полону и по куску угля. А кому-то родители дают пять картошек — особенно местные жители, кто много сажал. Тогда говорили: «Мы накопили сто кулей картошки». Не мешков — кулей, это такие здоровые мешки. Кому-то дали одно полено, а кому-то дали три полена, кому-то один кусок угля, а кому-то и два, и три куска угля. И мы все погрузили на большие сани, на которых возили воду с водокачки. Погрузили — и с горки, помню... А бабушка пошла в туалет на улицу, еле-еле ноги передвигает. А сверху, помню, Машка Касавина кричит — бабушка, мы вам помощь оказали. Старушка заплакала, пришла в дом. Девчонки сами печку натопили, картошки наварили, их накормили с Валькой... Бабушка говорит: «Я была бы ходячая, я бы ходила в военкомат — мне помогут, мне помогут, девочки, вот я сейчас подымусь, я пойду, это я точно знаю, помогут...» Телефонов-то ведь не было ни у кого...

Знаете, нас никто не учил, ни директор, ни учительница не сказали: соберите картошку, соберите топливо, помогите Вале. Мы сами соображали... Вот как мы до этого доходили, я не знаю. А рядом-то был еще детсад у нас. Так мы нашли из тряпок каких-то кукол и принесли в детсад, подарок сделали им! Некоторые девочки вообще не ели завтрак в школе, а деньги берегли — собирали на танк, на самолет. Объявление писали — собрано столько-то. Потом нам запретили, сказали — все, ребята, танков много, самолетов много.

Кисеты делали для солдат. Я даже помню свой кисет — черный такой, и на нем голубыми нитками я вышила гладью «Бойцу», а внутрь положила тетрадку и химический карандаш.

Вот я семь классов прошла, а потом перешла в 56-ю школу. А школа была первоклассная. Там директор Полина Александровна Варфоломеева, у нее был орден Ленина, и орден Ленина был у ее мужа, который стоял во главе 19-й школы. Он возглавлял мужскую школу, она женскую, их ученики ходили друг к другу на вечера. Полина Александровна была очень умная. Кого-то обучали на пианино играть, кто-то спортом занимался... День начинался с того, что директор встречала всех школьников у входа.

Строгая была... Коса у нее была, строгий костюм, всегда белоснежная блузочка отутюженная с наглаженным воротничком. И вот она, значит, нас встречает. Кто учится играть на пианино — играет марш. Остальные делают зарядку под руководством дежурного. Хотя у нас физкультурник Валентин... забыла... мы его звали Валентен — он сам хорошо играл на пианино. Но играли девочки. Умеешь — помогай товарищам! Ты спортсменка? руководи зарядкой! После зарядки, под марш, все по классам разошлись.

И вот представьте, первый послевоенный год. Мы классом собрались в Ленинград! Мы были в девятом классе, в десятый переходим. Восемнадцать человек собрали, все сдавали деньги. Мы не знали, кто сколько сдает (не было единой для всех суммы), но мои родители, я точно помню, больше всех сдавали — я единственная дочь у родителей, у меня живы папа и мама, ничего, — семьсот рублей. А мы, ученики, хотели и сами собрать деньги. Мы решили организовать в школе концерт с платными билетами, чтобы вырученные деньги пошли в фонд этой поездки.

И что вы думаете? Девчонки побежали в оперный театр. А тогда дуэт был замечательный — Притула и Круглов. И был еще превосходный баритон Киселев — его потом забрал Большой театр. И концертмейстер еще нужен был.

А ведь война идет, и театр достраивается... И там происходят уже репетиции открытия театра. Ведь не так просто концерт организовали — собрались и запели... Репетировать надо было солистам, и кордебалету, и хору, и всем. Они репетировали вечерами.

Выходит зимой с репетиции актриса Мясникова. Она где-то она в центре жила и пошла домой пешком. А навстречу ей два бандита, говорят: снимай шубу. Она говорит: «Ребята, я сниму шубу, но доведите меня до дома, я близко живу. Я ведь певица, голос — это мой хлеб». Они говорят: «Ну ладно, доведем...» Какие-то бандиты были другие, вы понимаете? Другие были бандиты даже. Они идут дальше, а навстречу ее друзья, два полковника: «Ой, а вы куда?» — «Да я вот с друзьями иду домой, у нас дело кое-какое есть». — «Да что с друзьями домой, пошли в ресторан!» — «Нет, у нас очень важное дело, в ресторан в другой раз».

Они пришли к дому, потом зашли в подъезд. У дверей она говорит: «Ну ладно, спасибо вам, что хоть не оставили меня без голоса. Берите мою шубу».

Они говорят: «Нет, спасибо вам, до свиданья!» И ушли. Вот такая вот ходила легенда, многие вот рассказывали.

А в Воронеж мы так и не вернулись: наш дом разбомбили. Когда папа сразу после войны возвращался с какого-то курорта — то ли из Кисловодска? — он в Воронеж заехал. Ну, и к дому нашему подошел, а дом-то разрушен, бомба попала прямо, можно сказать, в нашу квартиру. Это был четырехэтажный дом, заводской. А лестница цела. И там кто-то работал, копошился. Отец пошел по лестнице. Ему навстречу наш офицер: «Гражданин, вы что здесь делаете? Тут работают пленные немцы — восстанавливают». А папа как раз остановился перед ямой, дырой, которая была квартирой нашей. Сказал — вот моя квартира. Офицер говорит: «Я понимаю ваши чувства. Я вообще обязан вас, зашедшего на территорию, где немцы работают, проверить и отвезти куда следует. Но раз это ваша квартира — я вас отпускаю, идите».

Малянова Римма Даниловна, 1931 г. р., педагог, библиотекарь

Я родилась в 1931 году. Мама — Екатерина Ивановна Мамонтова, отец — Андрей Аверьянович Щетинин. Они оба работали в универмаге на площади Ленина, он был расположен в двух зданиях. Одно здание — гостиница, там была парфюмерия, мебель, а второе здание располагалась там, где сейчас «Сотый» магазин. Там были ткани и отдел игрушек. Я, конечно, очень любила ходить туда. Мама работала продавцом, папа администратором.

Жили мы на Трудовой, 27. Напротив «Сотого» была аптека, во дворе этой аптеки стоял дом, когда-то, видимо, принадлежавший купцу, там мы жили. Дом был каменный, сверху деревянный, уже не в очень хорошем состоянии. Мы жили наверху. В то время одной семье обычно не принадлежала целая квартира. Например, в трехкомнатной квартире каждая семья занимала по комнате, на кухне — столы. Только лишь семья одной моей подружки имела две комнаты: ее отец был директором завода. У нас была небольшая комнатка. Рядом была еще одна жилая комнатка, там жила семья писателя Гинцеля, он тогда редактировал какой-то крестьянский журнал; еще он занимался охотой. В их комнате, квадратов в восемнадцать, стояли стеллажи с книгами, причем все книги он покупал у букинистов. Тогда на Красном проспекте, в «Старом корпусе» (сейчас это здание краеведческого музея. — *Прим. ред.*) был букинистический магазин и магазин табака. Табачный магазин был очень красивый, отделан инкрустацией. У нас никто не курил, но я любила туда заходить, там было очень красиво — ощущение, что заходишь в сказочную табакерку, — и там был очень приятный запах.

Я хорошо помню начало войны, помню Новосибирск. Жили мы рядом с домами печатников. Вы знаете, мы так завидовали их жителям в то время! Почему? В этих домах был теплый туалет, а мы пользовались общественным туалетом на улице, помой выносили во двор, за водой ходили в домик водокачки: пятачок спустишь — тебе нальют воды.

В «Сотом» магазине мы покупали продукты, в универмаге одевались. Мама и сама шила.

К октябрьским праздникам, к Первому мая, к Новому году мама всегда белила. Когда белила, старые стены местами проваливались, отец искал кирпичи и закладывал «пробоины». Считалось, что мы жили хорошо. Можно сказать, даже богатые были, потому что у нас было два ковра, два велосипеда, патефон.

Ковры и велосипеды родители получали в качестве премии за хорошую работу. В комнатке у нас было две кровати, стоял канцелярский стол, списанный с работы, тумбочка, комод. А больше и ставить-то нечего было. Мама очень любила цветы, у нас было много очень красивых цветов. И коты, какие у нас были коты!

Во дворе был длинный ряд сарайчиков. Они закрывались, мы там хранили соленья. Здесь были и огородики, и хозяйство. Во дворе у нас стоял стол, около него — ларь, где все чистили рыбу. Покупали ее в «Сотом», чистили, вокруг в это время обычно собиралось много кошек.

С соседями мы жили как-то дружно, даже дверь почти никогда не закрывали. Мама могла купить мяса, поставить тазик с ним на открытое окно и уйти на работу. Даже кот не трогал мясо.

Около дома был очень хороший садик, где мы гуляли: аллейки из шиповника, из яблонь. Там росли розы и другие цветы. Садовник уже в пять утра поливал растения и ухаживал за ними. Как мы его боялись! Потому что мы хотели яблок, ранеток и другого. Но он разрешал нам все это осенью: срывать астры, кушать яблоки. При этом мы помогали ему. Делали прополку, там же и играли. Замечательный был садик.

Перед войной началась учеба у моих родителей, ПВХО, ГТО. А я начала учиться в 22-й школе, это угол Советской и Ленина, напротив почтамта. Там я училась четыре класса. В этой школе мы много выступали, я помню сцену. Хорошие обеды у нас были; по-моему, даже родители приходили и готовили. До войны мы очень хорошо жили.

Родители Риммы Маляновой (Щетининой)

Когда началась война, мне было девять лет. Первый день я не помню, да мы и многого не понимали тогда. Я помню, по площади начали строем маршировать солдаты с песней: «Мощь сибирская, сила богатырская / Поднялась на решительный бой...» Это стихи Смердова.

Насколько я помню, у нас даже был введен комендантский час. Мы должны были черным завесить все окна, чтобы вечером не было ни одного огонька. Даже в такой глубинке. Как это отразилось на школе? Ну, во-первых, мы начали учиться с семи утра и в три смены. У нас тем не менее были завтраки: булочка, двадцать пять граммов, и на ладошку кусочек сахара или тертого шоколада самого низкого сорта. В школах стали создаваться тимуровские отряды. Ходили мы к тем, у кого отцы ушли на фронт или работали на заводах. С заводов ведь по неделям не выпускали: из цеха нужно было непрерывно давать продукцию. И никого не интересовало в то время — продукция важнее! — что у тебя там дом, дети и все остальное. Мы приходили, чтобы чем-то помочь: сходить на рынок или что-то помыть, с детишками сидели — как могли, сильно помогали.

В то время я еще ходила в Дом пионеров. Он был на Красном проспекте, около 42-й школы, там, по-моему, сейчас сберкасса. Всю войну в Доме пионеров работали кружки — хоровой, драматический кружок. А потом мы в госпиталях выступали со своей программой, в форме — белая юбочка, белая кофточка, красный галстук! Еще мы дежурили в госпитале. Ну что мы могли — воды подать, утку вынести, написать письмо домой... А раненых было! Вы понимаете — и в коридорах, везде и всюду стояли кровати, и даже на полу лежали люди... Им тяжело было.

Когда мы приходили с концертами... Ну, какой там концерт — стихотворение расскажешь, песенку споешь, станцуешь что-то. Но они все равно были довольные. И часто потом говорили: «Девочка, подойди, сядь со мной рядом». Но это уже больше в возрасте, пожилые. Молодые же — те за медсестрами стреляли. Раненые спрашивали, кто ты, откуда. Это потом я начала понимать, что они тосковали по своей семье. И начинали толкать нам булочку какую-то. Но нам было сказано — ни в коем случае, выпечка для того, чтобы бойцы поскорее поправились и снова пошли на фронт. И ты ему — нет, что вы, я только что булочку ела! А у самой слюнки текут. Но мы добросовестно выполняли указания. Дети хорошо, справно работали, как могли.

В универмаге до войны руководство создавало кружки для женщин. Женщины оставались после работы, вышивали, шили. Мама, кстати, тоже вышивала. Когда началась война, то это все-таки продолжалось. Я не знаю, возможно, ведущей кружка тогда уже не платили. Просто когда они занимались, то мы, ребята, наслаждались: в том помещении, где детский отдел универмага, были большие площади, где мы на велосипедах катались.

К Новому году мы стали сами делать игрушки, елку наряжать. Приехала кинохроника и нас снимала, я какое-то стихотворение читала. А потом отец с фронта написал, что он нас видел.

Когда папа вернулся с войны, то, собственно говоря, не любил говорить о ней и не рассказывал ничего. Потом стали приходиться награждения. После войны нам разрешили вести хозяйство какое-то: у нас в сарайке куры были и даже поросенок. Самое интересное, что когда отец в воскресенье шел чистить сарай, то этого поросеночка маленького приносил домой. Мать его помоеет, и он с котом играл — цок-цок-цок-цок-цок копытами. А потом, когда поросенок вырос и его надо было забивать, отец не смог этого сделать. Для этого кого-то позвали, но есть мы его не смогли. Так мясо кому-то не то отдали, не то продали, и больше мы уже не заводили свиней.

В дома печатников, когда началась война, стали вселять очень много эвакуированных. К нам не вселяли: у кого глава семейства ушел на фронт, тех не трогали. Было у нас еще одно преимущество. В домах печатников выключали электричество и отопление: запрещали перегрузку. А у нас всегда было электричество, а отопление — печное. Поэтому дома у нас всегда была уйма ребятшек, мы уроки делали, лежа на полу.

Эвакуированные были разные. Некоторые нам, честно говоря, даже в диковинку были — как они одевались, как они говорили, — мы проще были. Новосибирск ведь — это глубинка была. У меня подружка была из еврейской семьи, эвакуированной из Кременчуга: она жила с мамой и бабушкой, отец у них на фронте был. Так я помню, я всегда смотрела, как они одеваются, как готовят. Вот мы готовили просто — мама варила щи, борщ, лапшу, если было из чего, получали все по карточкам. Что мы получали? Селедка в основном, рыба. Мяса мы не видели. А вот селедку, у которой было проржавевшее дно, получали и были довольны. Мама рыбу почистит, какие-то кусочки с картошечкой нам даст.

Семья Щетинных

Косточки, голову — из этого щипс сварит. Сейчас вы, наверное, такие не будете есть, а тогда казалось вкусно. А до войны-то — о-о-о! Я это не буду, это не хочу, другое не ем! А тут капризы закончились. Лишь бы что было поесть. Бывало, что мама капусты насолит, винегрет сделает. А в еврейской семье готовили по-другому. Делали салатки, стали печь тортики. Мать пекла только пироги, и я потом пироги пекла всю жизнь. А они «Наполеончик» делали в войну! Не было даже яиц, а они умудрялись к празднику сделать маленький тортик. Это просто удивительно было! Эту подружку звали Алла Бурова, я с ней дружила и потом, после института.

Еще я помню, как новая девочка, из эвакуированных, во дворе вдруг закричала: «Мама, мама, кошка, кошка, лови скорей!» И побежала за ней, а мать ее держит. Я никому ничего не сказала, пришла домой и поделилась с матерью. Она мне говорит: «Никому об этом не рассказывай». Я говорю: «Зачем она хотела поймать ее?» Вот тогда она мне рассказала, что эта девочка — ленинградка и что блокадники ели кошек. Я в такой ужас пришла... Мама говорит: «Никогда и никому не говори, она не виновата, а ее будут дразнить, зачем это нужно?»

В Сибири спасала картошка. Картошка-матушка — это все было... При чем было даже так: картошку до войны мы не сажали, в войну стали сажать. На поездах, прямо на открытых вагонах, «вертушки» их называли (имеются в виду вагоны для перевозки шихтовых материалов. — Прим. ред.), ездили в поле, там сами сажали и копали. Только на картошке и жили, а когда ее не было — покупали на рынке. Я ходила на рынок и покупала овощи. Обед был на мне, я его варила. Но я никогда не покупала мясо, его всегда покупала мама — в деревнях или на рынке. Я до сих пор, признаюсь, мясо по-настоящему выбирать не умею.

Центральный рынок находился там же, где и сейчас. И там был «обжорный ряд», как мы его называли. То есть — доски-столы, где варили щипс, еще что-то и продавали. Можно было миску купить, но шли слухи, что и человечину варили,

и собачину варили. Может, было, а может, не было, кто его знает. Мне мама никогда не разрешала этим лакомиться и денег никогда не давала на это.

А после войны на рынке началось... Очень много вещей стали продавать. Ну что греха таить, наши солдаты тоже там, в Германии, мародерствовали. И все эти шмотки посылали родным. Посылали, а там уж — кто носил, а кто нес продавать. А мы таких вещей раньше и не видели.

Мы знаешь, что покупали? Открытки. Они были подписаны на немецком языке, но нам это до лампочки было, просто у нас таких не было. Особенно пасхальные, там были картинки с яйцом или другими рисунками, таких у нас в Советском Союзе не было. И вот мы за этими открытками ходили, их покупали.

Что еще на базаре было интересного? Смотришь, идет офицерская жена, а они большей частью, считай, были деревенские. Идет в халате, длинный халат — мы такие не носили. Может быть, жены профессоров дома носили, так мы их и не видели. И вот она на рынок шествует в этом халате, а позади идет солдат с корзиной. Это я хорошо помню.

Значит, принесла я капусту, картошку, все положила в погреб. Такая у нас яма была в сарайчике. Там же стояла на всякий случай бутылка с керосином, потому что летом-то мы не топили печку — керосинки были. Прошел дождь, полная ямка набралась, керосин вылился, вся картошка и прочее — в керосине. Съели.

Помню, мама со своей сестрой ездила в деревню за продуктами. И однажды они нашли на помойке трикотажную машинку. Мама работала раньше на трикотажной фабрике, она умела такой пользоваться. Отец машинку в керосине вычистил. Иголки тогда трудно было найти. И вот она вязала чулки, я тоже училась тогда, тоже вязала. Нитки были только белые, поэтому их красили: кто свеклой, кто еще чем. И вот со связанными вещами они отправлялись в вояж в деревню. А в деревнях не было ни трикотажа, ничего не было. Поэтому меняли на что-то, не продавали, а меняли. И оттуда мама привозила то кусочек сала, то еще что-то. Так вот и жили, но все равно, нормально.

Помню, например, день Победы. Площадь вся была заполнена народом; теснились, как сельди в бочке. Все обнимались, целовались, потом был фейерверк большой: пускали ракеты. Помню, как оперный строился, но все это рассказывать очень долго...

А за хлебом стояли в очереди сутками. Там, где Красный проспект пересекает улицу Орджоникидзе. Там был магазинчик. Вот там мы стояли (ребятишки в основном) в очереди за хлебом. Если мне положено по карточке, допустим, триста граммов, мне и вешали только триста граммов. Если немножко не дошивалось, то какой-то пластик тоненький отрезали от другого куска, добавляли. Эту добавочку можно было съесть сразу.

О нас, детях, в общем-то, заботились: нам выдавали такие талончики-карточки на обеды. Была столовая в «Старом корпусе», туда мы ходили обедать. Очереди длинные-длинные... Немножко нам супчику дадут, что-то на второе, но все-таки нас кормили. Потом мы еще покупали семейные обеды — в столовой в доме печатников.

В магазинах ведь было пусто! Заходишь, к примеру, в магазин в «Старом корпусе», стоит пустой прилавок, на полках ничего нет. Продавали только лишь вырезанные из досок и разрисованные подносы под горячее, под холодное. Я такое покупала и на обороте писала: «Не так дорог подарок, как дорого внимание. В день 8 марта. От дочери маме».

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Николай БАЛАЦКИЙ

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ФОНДАХ МУЗЕЯ ПРИРОДЫ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Орнитологическая коллекция начала формироваться с момента открытия Новосибирского государственного краеведческого музея в 1920 г. и к середине 2010 г. имела следующий состав: чучела (188 видов птиц, 746 единиц хранения), тушки (157 видов птиц, 552 ед. хр.), гнезда и кладки (76 видов птиц, 128 ед. хр.).

Основу коллекции чучел млекопитающих и птиц составляют экспонаты, собранные таксидермистами и орнитологами во второй половине XX в. и начале XXI в. (В. В. Николаев — 355 ед., Н. Н. Балацкий — 93 ед., В. И. Романов — 61 ед., В. Г. Магденко — 50 ед., О. В. Григорьев — 36 ед., В. Д. Гуляев — 6 ед.). Значительное количество экспонатов собрано на территории Новосибирской области.

Большую научную ценность имеет коллекция тушек птиц, сформированная преимущественно в ранние годы существования музея, ее основа — экспедиционные сборы из Западной Сибири, Горной Шории, Хакасии, северных районов Красноярского края (Туруханский район), Иркутской области и Забайкалья.

В собрании хранятся тушки птиц, собранные известными учеными, краеведами, охотоведами, таксидермистами, орнитологами: В. Н. Троицким, В. Е. Ушаковым, В. Н. Скалоном, М. Д. Зверевым, А. П. Велижаниным, А. В. Струсевичем, И. М. Залесским, Э. П. Пильманом, А. Н. Каденаццием, П. Д. Горюнихиным. В Новосибирской области коллектировали птиц В. Н. Троицкий в 1924—1930 гг. (50 ед. хр.), Э. П. Пильман в 1926—1928 гг. (37 ед. хр.), Ф. И. Страутман в 1925—1930 гг. (16 ед. хр.), И. М. Залесский в 1926—1929 гг. (10 ед. хр.), Н. Н. Балацкий в 1970—1985 гг. (71 ед. хр.); также в фонды музея поступили сборы птиц от В. Е. Ушакова из Омской области (23 экз.).

Наиболее ранними сборами являются пять экземпляров воробьеобразных птиц (маскированная трясогузка, чечевица, белокрылый клест, овсянка обыкновенная, вьюрок), собранные в конце XIX в. Г. Э. Иоганзенем и спустя сто лет переданные Томским государственным университетом в дар Новосибирскому государственному краеведческому музею.

Изначально сборы для оологической коллекции НГКМ представляли собой отдельные яйца из гнезд широко распространенных диких и одомашненных человеком видов птиц. Размещенные в экспозиции природы, эти экспонаты дополняли материалы по биологии размножения птиц. В настоящее время в наших фондах находится одна из типичных оологических коллекций первой половины XX в., составленная в Сибири в 1930—1940-х гг. из одиночных яиц 61 вида птиц и подаренная музею в 1988 г. ученым-краеведом В. И. Телегиным. В 2012 г. музей приобрел оологическую коллекцию (включающую и гнезда) из 127 кладок яиц 69 видов птиц, из которых 37 — новые для музея. Данная коллекция была собрана орнитологом Т. К. Джусуповым на территории Новосибирской области в 1986—2007 гг. В настоящее время фонды Новосибирского государственного краеведческого музея располагают оологической коллекцией, состоящей из 258 кладок 115 видов птиц сибирской фауны.

В новой экспозиции материалы гнезд и кладок птиц размещены в экспозиции птиц. Это — дупло большого пестрого дятла и гнезда ремеза, иволги, дрозда-рябинника, сизого голубя, сизой чайки, перевозчика, большой поганки, серого гуся, болотного луня, белой куропатки.

Осенью 2015 г. в Музее природы НГКМ открылась выставка «Про яйца птиц», на которой были представлены хранящиеся в фондах музея гнезда и кладки яиц 111 видов птиц. Кроме того, на данной выставке посетители узнали о науке оологии (изучающей яйца птиц), нидологии (изучающей гнезда птиц), увидели самое крупное яйцо лебедя и самые мелкие яйца в гнезде пеночки, а также кладки яиц многих наших видов птиц, включая кукушку. Кладки яиц и гнезда собираются не для красоты — ученые занимаются описанием и изучением их строения. Это важно для понимания биологии, экологии и эволюции птиц.

Гнездо большой поганки

Гнезда птиц Сибири

Птицы способны на сооружение различных объектов — например, для раздельвания принесенной добычи, привлечения противоположного пола, переживания неблагоприятных климатических условий или отдыха. Эти объекты, как правило, нельзя считать гнездами в полном смысле этого слова, так как они служат птицам не для выведения потомства, а лишь для решения насущных проблем.

Гнездом же является специально выбранное птицей место или сооруженный ею из природных материалов объект именно для откладки яиц и выведения потомства. Ветки, растительная ветошь, мох, а также перья, шерсть и волос животных — вот основные компоненты большинства известных типов гнезд.

Одни виды птиц гнездятся на земле или над водной поверхностью, другие — на кустарнике, на деревьях, скалах. Все остальные — в норах, дуплах, щелях, в нишах, в том числе в антропогенных сооружениях. Строение птичьих гнезд изучает наука нидология, а строение птичьих яиц — оология.

Гнездо ремеза

Внешний вид гнезда и его расположение определяются рядом факторов, важнейшими из которых являются два: экологическая приуроченность птиц и оологические признаки вида.

Экологическая приуроченность конкретных видов зависит от предпочтения птицами наиболее благоприятной среды для своей жизнедеятельности, питания и выведения потомства. Оологические признаки вида включают в себя условно стабильные модификации яиц по размерам, массе, форме и окраске скорлупы. Эти признаки влияют на выбор птицами местоположения будущего гнезда с целью защиты отложенных яиц от неблагоприятных внешних условий окружающей среды и благополучного выведения потомства.

Начало гнездования и количество кладок в репродуктивный сезон у птиц зависят прежде всего от пищевых ресурсов местности и климатических условий внешней среды. У видов, имеющих обширный ареал в направлении с юга на север, сроки начала гнездования сдвигаются на один, два или три месяца.

Под воздействием постоянно меняющихся внешних факторов среды у птиц от поколения к поколению совершенствуются гнездовые постройки и прочие атрибуты, присущие их гнездованию. Птицы осваивают новые местообитания для выведения потомства, включая города, а также используют в гнездостроении искусственные материалы, созданные человеком.

Из-за несовершенства гнезд и гибели потомства вымерло большинство видов птиц — до настоящего времени благополучно дожили лишь те, кто преодолел все препятствия на пути эволюционного развития и успешно справился с задачей защиты своего потомства от природных стихий и хищников. Но, к сожалению, размеры популяций многих видов птиц в последние несколько десятилетий заметно уменьшились.

Роль окраски скорлупы яиц в размещении и строении гнезд

Окраска скорлупы яиц на протяжении всей истории существования птиц играла большую роль в размещении и строении гнезд — в силу объективных причин птицы не могут повлиять на генетически закрепленные оологические признаки, но способны за свою относительно долгую жизнь посредством проб и ошибок оптимально размещать и конструировать гнездо таким образом, чтобы успешно оставить потомство.

На примере любой популяции конкретного вида мы можем проследить разный подход отдельных особей к достижению обозначенной цели — и решающее значение при этом имеют поведение и накопленный опыт. Постоянные измене-

ния окружающей среды требуют от птиц новых конструктивных решений при создании и размещении гнезда, а в случаях непредвиденных обстоятельств многие особи способны резко поменять сложившийся стереотип своего гнездования.

В более выгодном положении оказались лишь те виды птиц, которые сносят яйца заведомо «камуфляжной» окраски — так, для куликов и чаек достаточно ямки на открытом грунте, чтобы кладка яиц гармонично вписалась в окружающий ее субстрат.

Скорлупа яиц птиц отряда гусеобразных имеет зеленоватый, желтоватый, кремовый фон без рисунка. Светлый фон скорлупы яиц заметен издали, поэтому утка при сходе с гнезда прикрывает яйцекладку своим пухом или сухой ветошью. Другие виды указанного отряда для выведения потомства освоили подходящие норы, дупла, искусственные гнезда, но при кардинально разных типах гнездования оологические признаки конкретного вида остаются практически неизменными.

Голубеобразные птицы в свои весьма примитивные и нередко открытые гнезда-платформы откладывают яйца с неокрашенной скорлупой. Ярко-белые яйца и непрочная гнездовая платформа из древесных веточек способствуют частой гибели таких гнезд в естественной среде, поэтому многие виды голубей более успешно выращивают потомство в дуплах, норах, скальных нишах, на чердаках зданий и хозяйственных построек человека.

Наиболее разнообразны гнезда птиц отряда воробьеобразных. У жаворонков и коньков гнезда простые, чашевидные, расположены на земле, и окрасочные элементы скорлупы яиц способствуют их маскировке благодаря иллюзии расчленения всей поверхности скорлупы на мелкие составляющие неповторимого рисунка.

Сложнее устроены гнезда птиц, откладывающих яйца с хорошо заметной окраской, — например, висячее гнездо желтоголового короля имеет сравнительно глубокий лоток, размещается под веткой ели и хорошо скрывает бледно-розовые яйца от посторонних глаз. Гнездо соловья-красношейки или веснички имеет овоидную (яйцевидную) форму с верхнебоковым входом и напоминает шалашик. Некоторые виды пеночек гнездятся скрытно: во мху, в норе, под корнями деревьев, а синицы, поползни и горихвостки прячут свои яйцекладки в разнообразных нишах, дуплах, норах. Мухоловки в соответствии с окраской скорлупы яиц гнездятся либо открыто — например, серая мухоловка, либо в дуплах — пес-трая мухоловка.

В стороне от вышеназванных проблем с устройством гнезда и выведением потомства остаются лишь кукушки: они подкладывают яйца в гнезда конкретных видов-воспитателей, причем яйца кукушек, как правило, имеют окраску

Гнездо серого гуся

сходную с окраской яиц птиц-воспитателей. Но как только самка кукушки ошибется в выборе вида-воспитателя, так сразу продолжение ее рода станет проблематичным, ведь многие птицы выбрасывают из своих гнезд инородные предметы, в том числе и яйца с нехарактерной для них окраской. Правда, природа щедра на исключения из правил...

Гнездо сизого голубя

Современные птицы в технологиях постройки гнезд продвинулись далеко — например, в антропогенном ландшафте научились использовать искусственные материалы (бумага, вата, нейлон, проволока) и гармонично размещать гнезда в ранее непривычной для них урбанизированной обстановке. Таким образом, мы можем сделать вывод, что на особенности устройства

и размещения гнезд птицами в природе заметно влияют именно оологические признаки вида, а не наоборот.

Гнездо птицы, обнаруженное человеком, обычно вызывает интерес в плане видовой принадлежности самого гнезда и находящегося в нем содержимого. В природе нередки случаи обнаружения в сходных местообитаниях внешне похожих (как по строению, так и по окраске находящихся в них кладок) гнезд птиц — как правило, такие находки принадлежат родственным особям, поэтому требуется дополнительное время на выяснение видовой принадлежности. В дополнение к этому можно сказать, что некоторые виды уток (красноголовая чернеть, хохлатая чернеть, шилохвостка) могут подкладывать яйца в соседние гнезда своего вида, но чаще — другим видам уток, а также в гнезда лысух и поганок.

Найденное гнездо всегда является подтверждением факта размножения в данной местности определенного вида пернатых, но осмотр жилых птичьих гнезд требует большой осторожности — об этом всегда нужно помнить, так как нарушение естественной обстановки нередко приводит к тому, что гнезда становятся заметными для хищников.

Для сравнительно успешного определения видовой принадлежности гнезд или яиц необходимы определенные навыки, и на этапе определения гнезда желательно заранее очертить круг возможных видов птиц, обитающих в данном районе.

У многих птиц местоположение гнезда, за редкими исключениями, консервативно — на земле, на поверхности водоема, на ветках кустарника или высоко на деревьях, а также в дуплах, норах и постройках человека. Птицы располагают свои гнезда в разных стациях и на разных субстратах: скальный карниз, грунт, нора, дупло, чужое жилое или ранее использовавшееся гнездо.

Гнездо сизой чайки

У большинства видов птиц гнездом является примитивная выстилка из сопутствующих материалов и собственного пуха или голая поверхность грунта (курообразные, дрофиные, ржанкообразные, рябки, козодои), каменный карниз (чистиковые), рыбки косточки в норе (зимородки), хитиновые покровы насекомых (щурки), опилки в дупле (дятлообразные). Гнезда в форме платформы на ветках дерева — у голубей, на воде — у поганок и гагар. Более оригинальные — в виде глиняных постаментов — гнезда у розового фламинго.

Многokrратно используют ранее построенные гнезда аисты, пеликаны, бакланы, цапли — их можно встретить на грунте, кочке, заломе тростника, кустарнике, дереве в форме широко открытой чаши (диаметр гнезда превышает его высоту) с торчащим в разные стороны строительным материалом. Более сложный тип гнезд (с крепкими округлыми бортами) характерен для большинства ястребообразных птиц, а соколообразные и совообразные для откладки яиц и выведения потомства, как правило, занимают чужие подходящие гнезда, в том числе и гнезда вороновых.

Чайка барабинская с птенцами

Внешне сходные гнезда близких видов птиц могут различаться составом специфических материалов, особенно в лотке, — они могут отражать пищевые предпочтения или являться собственным пухом и пером хозяев гнезда.

Окраска яиц — важная составляющая оологии, условно разделяемая на окраску фона и (если таковой имеется) рисунок на скорлупе. В природной обстановке на видимую окраску фона скорлупы заметно влияют такие факторы, как внешнее освещение, содержимое яйца (цвет желтка или растущий зародыш), соприкосновение с источниками загрязнения.

В музейных коллекциях окраска скорлупы яиц несколько бледнеет и изменяется из-за частичной потери пигментов (например, желтого), в результате чего изначально зеленоватый цвет скорлупы приобретает голубовато-синий оттенок.

Также в коллекциях на скорлупе яиц у некоторых видов птиц наблюдается полная или частичная редукция изначально заметного рисунка по причине потери влаги и выцветания пигмента. Пигмент в большинстве случаев неравномерно распределен в толще скорлуповой оболочки. Видимая окраска скорлупы яиц изначально отсутствует у птиц в отрядах голубеобразных, совообразных, стрижеобразных, ракшеобразных, дятлообразных.

В научной среде бытует предубеждение, гласящее, что форма яиц птиц зависит от того, как много времени конкретный вид проводит в воздухе или на земле: дескать, хорошо летающие откладывают продолговатые яйца, а летающие сравнительно мало — округлые. Но это не подтверждается, ведь достаточно сравнить форму яиц у «профессиональных летунов»: стрижа (продолговатые) и щурки (округлые) или же у внешне сходных обыкновенной кукушки (округлые) и глухой кукушки (продолговатые)...

Мир птиц вообще таит много интересных открытий и загадок, всего не расскажешь, поэтому лучше вам самим прийти в экспозиционные залы Новосибирского государственного краеведческого музея и своими глазами увидеть изумительное разнообразие царства пернатых!

Литература

Балацкий Н. Н. Ржанкообразные озера Карачинское и сопредельных территорий Барабинской низменности // Сибирский экологический журнал, 1996, № 3 (3–4), 295–300.

Балацкий Н. Н. Орнитологическая коллекция Новосибирского областного краеведческого музея // Материалы научно-практической конференции / Областной краеведческий музей. 17–20 ноября 1997. Новосибирск, 1997, 117–118.

Балацкий Н. Н. К авифауне озера Карачинского (Бараба) // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1998, 5–11.

Балацкий Н. Н. Спорадически гнездящиеся птицы нижнего течения р. Ини в Новосибирской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1998, 11–12.

Балацкий Н. Н. Таксономический список птиц Новосибирской области // Русский орнитологический журнал, 2006, № 324, 643–664.

Балацкий Н. Н. Гнезда птиц юга Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2009, 131 с.

Балацкий Н. Н. Гнезда птиц Сибири и сопредельных регионов. Том 1. Новосибирск, 2020, 686 с.

Зоологическая коллекция / Путеводитель по фондам Новосибирского государственного краеведческого музея. Новосибирск, 2011, 290–302.

Залесский И. М. Птицы Горной Шории // Тр. Общества изучения Сибири и ее производительных сил. 1930, № 1 (5), 5–54.

Залесский И. М., Залесский П. М. Птицы Юго-Западной Сибири (зоогеографический обзор с указаниями новых данных о распространении) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1930, № 40 (3–4), 145–206.

Зверев М. Д. К орнитофауне Кузнецкой степи // Урагус, 1927, № 2 (3), 5–7.

Зверев М. Д. Птицы, новые для Новосибирского района // Труды Новосибирского зоосада, 1937, № 1, 31–32.

Скалон В. Н. Птицы реки Ини (Кузнецкого округа) // Урагус, 1927, № 2 (3), 16–23.

Скалон В. Н. Новые данные по фауне млекопитающих и птиц Сибири и Дальне-Восточного края // Известия Государственного противочумного института Сибири и ДВК, 1935, № 2, 42–64.

Скалон В. Н., Слудский А. А. Птицы Елогуйско-Тазовского бассейна // Природа и социалистическое хозяйство, 1941, № 8 (2), 421–434.

Степанян Л. С. Конспект орнитологической фауны СССР. М., 1990, 728 с.

Троицкий В. Н., Залесский И. М. Некоторые данные к распространению птиц в Кузнецком Алатау // Урагус, 1928, № 2 (7), 1–6.

Елена ПАПКОВА

ВОСТОРЖЕННЫЙ ПОЭТ СИБИРИ

И тут, где раскрылись глаза его на родную красоту, — поклялся он вечно любить свою родину Сибирь...

Вс. Иванов, «Сон Ермака», 1916

Двадцать четвертого февраля 2020 года исполнилось 125 лет со дня рождения писателя Всеволода Вячеславовича Иванова. И, как это обычно бывает в юбилей большого художника, хочется вновь обратиться к его творчеству, на новом этапе жизни страны и ее народа понять, по-прежнему ли он близок читателям или стремительное время давно обогнало его и оставило в прошлом и имя, и то, что было написано.

В начале 1920-х гг., когда приехавший из Сибири молодой Всеволод Иванов напечатал свои «партизанские повести» и рассказы, его произведения привлекли читателя в первую очередь своей яркостью и новизной. Слова, вынесенные в заглавие этой статьи, принадлежат известному критику В. Львову-Рогачевскому, который в 1922 г., после того как в советской периодике впервые были опубликованы первые повести Иванова: «Партизаны» (1921), «Бронепоезд 14-69» (1922), «Цветные ветра» (1922) и рассказы книги «Седьмой берег» (1922), отметил: «Свою возлюбленную жизнь молодой художник узнал в Сибири... Весь свой материал почерпнул из сибирских впечатлений.

Коренной сибиряк принес в литературу глубокое, нутряное знание и острое ощущение Сибири. Он открыл нам Си-

бирь во всей ее первобытной красочности, во всей ее гомерической огромности и со всей ее разноязычной пестротой и таежно-звериным крестьянским бытом.

О Сибири писали много... Коренные сибиряки писали этнографически, наши вольные и невольные туристы писали эмигрантски, но во всех этих рассказах о местах столь отдаленных, о чуждеальной стороне не было красок и запахов Сибири, не было ощущения бескрайней, стихийной страны, страны кровавых пионов, огненных тюльпанов и голубых ирисов»¹.

Другой известный советский критик, А. К. Воронский, в 1924 г., сравнивая произведения молодых писателей-сибиряков Л. Сейфуллиной и Вс. Иванова, писал о своеобразии художественной манеры последнего: «...У Всеволода Иванова Сибирь экзотична. О ней и людях ее читаешь, как об Австралии. В Сибири Всеволода Иванова преобладает Восток, Азия, сопки, пески, степи, ковыль, его Сибирь глядит узкими раскосыми глазами, у нее желтое лицо, крепкие выделяющиеся скулы. Она разноцветная и пестрая, дикая и первобытная, приключенческая и романтическая»².

¹ Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 159.

² Воронский А. К. Лидия Сейфуллина // Воронский А. К. Искусство видеть мир. М., 1987. С. 258.

В том же 1924 г. поэт Сергей Есенин, с которым Иванов подружился осенью 1923 г. в Москве, размышлял об особенностях его произведений в неоконченной статье «О писателях-“попутчиках”»: «Его рассказ “Дите” переведен чуть ли не на все европейские языки и вызвал восторг даже у американских журналистов, которые литературу вообще считают, если она не ремесло, пустой забавой. <...> В рассказах его и повестях, помимо глубокой талантливости автора, на нас веет еще и географическая свежесть. Иванов дал Сибирь по другому рисунку, чем его предшественники Мамин-Сибиряк, Шишков, Гребенщиков, и совершенно как первый писатель показал нам необычайную дикую красоту Монголии. Язык его сжат и насыщен образами, материал его произведений свеж и разносторонен»³.

Тогда, в 1920-е гг., когда Всеволод Иванов только входил в большую русскую литературу, все, кто писал о его творчестве, как наиболее характерные особенности отметили оригинальность, многомерность, красочность и, главное, неразрывную связь с родиной писателя. И действительно, в большей части произведений, принесших Иванову заслуженную известность в Советской России и за границей, он рассказывал о Сибири. Напомним, что, кроме уже названных, это «Алтайские сказки» (1919, 1922), повесть «Возвращение Будды» (1922), рассказы книг «Тайное тайных» (1926), «Дыхание пустыни» (1927), романы «Голубые пески» (1923), «Похождения факира» (1935), «Мы идем в Индию» (1956), «очерки фронта» «У черты» (1919) и очерки «Хмель, или навстречу осенним птицам» (1962). Думается, что о Сибири, где Иванов родился, начал печататься в региональной периодике, где происходило формирование его необычного таланта, откуда он уехал в пореволюционный Петроград за славой и

куда в последние годы жизни, уже тяжело больной, не раз возвращался, он помнил всегда, хотя (а может быть, и потому что) именно здесь, на родине, в годы Первой мировой и Гражданской войн были пережиты, наверное, самые тяжелые и трудные моменты биографии.

На родине тоже не забывали писателя. После литературоведческих исследований 1960—1980-х гг., в которых, к сожалению, о многих фактах сибирской биографии Иванова и о многих произведениях авторам приходилось умалчивать, после перестройки яростных 1990-х, когда в текущей периодике Москвы, с радостью избавлявшейся от советского наследия, об Иванове чаще упоминали как о «литературном функционере», а не как о писателе, именно сибирский журнал — тюменский альманах «Врата Сибири» (2007, № 5) — напечатал два неизвестных ранее рассказа, на новом этапе истории страны продолжая разговор о Всеволоде Иванове. Старейший «толстый» литературный журнал Сибири «Сибирские огни» не раз предоставлял свои страницы для ивановской прозы. Именно здесь в 2016 г. впервые был напечатан роман писателя «Проспект Ильича» (1942), за публикацию которого и в годы войны, и после ее окончания Иванов безуспешно боролся. Текст романа подготовила к изданию сотрудник Омского государственного литературного музея И. А. Махнанова. И еще одна дорогая для Иванова книга была издана в 2015 г. в Новосибирске. Это «Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма» (Новосибирск, ИД «Свиньян и сыновья»). Впервые без цензурных искажений книга «Тайное тайных» вышла в знаменитой серии «Литературные памятники» в Москве в 2012 г. Инициатором и ответственным редактором московского издания стала член-корреспондент РАН Н. В. Корниенко, усилиями которой в Институте мировой литературы была создана научная группа и началась система-

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т., 9 кн. Т. 5. М., 1998. С. 244.

тическая работа по возвращению имени Всеволода Иванова в русскую литературу. А спустя несколько лет, дополненная неизвестными ранее письмами Иванова начала 1920-х гг., главная книга писателя уже большим (по тем временам) тиражом была издана в Новосибирске. Здесь же, в Новосибирске, в 2013 г. по инициативе заведующей Городским Центром истории Новосибирской книги Н. И. Левченко и при поддержке Новосибирского библиотечного общества и Новосибирской государственной областной научной библиотеки впервые прошли литературно-краеведческие Ивановские чтения, посвященные всем сибирским Ивановым и, конечно же, Всеволоду Иванову. Участниками чтений, на которых выступали с докладами литературоведы, краеведы, музейные и библиотечные работники, стали и сотрудники Института филологии Сибирского отделения РАН и прежде всего недавно отметившая свой 90-летний юбилей доктор филологических наук Л. П. Якимова. Ей принадлежит и первая, после перерыва в несколько десятилетий, выполненная в Сибири большая исследовательская работа, посвященная Иванову, — книга «“При жизни произведен в классики”: Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20—30-х годов XX века» (Новосибирск, 2019).

Помнили об Иванове и в Омске — городе, которому в 1919 г. суждено было стать «третьей столицей» России. За короткий период, с 1917 по 1920 г., город видел смену разных правительств: Временное правительство, советскую власть, Временное Сибирское правительство, Директорию, Российское правительство адмирала А. В. Колчака и вновь советскую власть. Именно тогда там жил начинающий писатель Всеволод Иванов, и впечатлений и наблюдений, полученных в это насыщенное событиями время, хватило молодому писателю на многие годы. Там он впервые в своей жизни оказался на

фронте: летом 1918 г. — на «красном», а осенью 1919 — на «белом». «Очерки фронта» «У черты», которые печатались в 1919 г. в газете «Сибирский казак», вновь увидели свет в сборнике «Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. Выпуск 2» (сост. Ю. П. Зародова, 2015). Во многом эти очерки стали основой для будущего, наверное, самого знаменитого произведения Иванова — повести, а затем пьесы «Бронепоезд 14-69». Классический «Бронепоезд», о котором, казалось бы, в советское время все уже было известно, в 2018 г. по-новому предстал перед читателями книги «Всеволод Иванов. “Бронепоезд 14-69”: Контексты эпохи» (Москва, ИМЛИ РАН, 2018). Над книгой работали филологи, историки, краеведы из Омска, Новосибирска и Москвы — Ю. П. Зародова, И. Е. Лоцилов, Н. В. Корниенко, Е. А. Папкова, А. А. Штырбул. Освобожденные от цензурной, редакторской, режиссерской правки тексты повести, пьесы и литературного сценария Иванова, его очерки и политические статьи из фронтовой передвижной газеты «Вперед», а также неизвестные и малоизвестные биографические материалы и стихи поэтов «белого Омска», с которыми он был знаком, по-новому рассказали и о сибирской биографии писателя, и о Гражданской войне в крупнейшем регионе России — Сибири.

Однако исследователи — это исследователи, они могут изучать и те явления культуры, которые давно ушли в прошлое. А писатель жив, пока его читают, пока его произведения находят отклик в сердцах уже совсем непохожих на него людей новой эпохи. Читают ли Всеволода Иванова? На этот вопрос несколько лет назад я получила чудесный ответ из края, бывшего когда-то частью России, а теперь ставшего независимым государством, из города Павлодара, где когда-то, почти сто лет назад, учился и работал в типографии Всеволод Иванов. Сотруд-

ники Славянского культурного центра провели конкурс по творчеству писателя, и хранитель общественной библиотеки «Дар России» Н. А. Колодина прислала мне лучшие работы его участников. Все они читали роман Иванова «Похождения факира» и делились своими впечатлениями. Вот лишь некоторые фрагменты из работ.

Акул Мадьян, 19 лет, студент 3 курса колледжа Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар: «Книга достойна внимания, она мне понравилась. По уровню ее можно сравнить с творчеством Габриэля Гарсиа Маркеса и других хороших писателей — например, Максима Горького. <...> “Похождения факира” были написаны почти столетием назад (в 1935 г.), в книге рассказывается про жизнь в XIX веке и начале XX века. Но я считаю, что роман не потерял своей актуальности и в настоящее время, потому что эта книга учит нас, своих читателей, прежде всего, быть целеустремленными. Лично мне главный герой, то есть сам автор, глубоко симпатичен. Мне симпатичны и его желание “забедокурить”, и его неумность, и его честолюбивые планы, и стремление к экзотике (я сам тяготею к мистике и тайне), и охота к перемене мест и занятий (я тоже довольно мобильный человек и страстно люблю путешествовать).

История походов “факира” очень динамична, она читается с интересом, легко, на одном дыхании. Книга написана хорошим литературным языком, просто и понятно. И это не пустая шаблонная книга. Она заставляет задуматься о том, как надо жить.

Герой явно был незаурядной личностью. <...> Целеустремленность помогла ему приобрести огромный жизненный опыт, расширить свой кругозор и в конечном итоге стать уникальным человеком — известным писателем. Стать незаурядными людьми хотим и мы, молодежь XXI века. А это значит, что нам надо

научиться ставить перед собой очень четкую цель и упорно идти к ней, несмотря ни на что».

Акул Рами, 13 лет, ученик средней общеобразовательной школы № 50, г. Павлодар: «Думал, что одолею с трудом, но прочитал книгу с удовольствием, чего и всем желаю. В книжке много диалогов, она написана простым и ясным языком, иногда с юмором, и читается легко. <...> Главный герой стремился в Индию, а по пути с ним происходили разные приключения. Писатель рассказывает в книге про свое детство и юность, про грубую, тяжелую жизнь — про свои страдания, радости и надежды. Плохой парень из всех сил старался быть хорошим. И хорошо, что у него была мечта, которая и вела его по жизни.

Не так давно я читал книги Джоан Роулинг про Гарри Поттера. Там тоже рассказывается о том, как рос и становился взрослым юный человек, с детства довольно смелый мальчик. “Похождения факира” чем-то напомнили мне истории про Гарри Поттера. Но в книжках про Гарри было много вымысла, сплошное волшебство, а в книге Всеволода Иванова — настоящая правда жизни. <...> Лично меня удивило то, какой большой и трудный путь прошел Всеволод Иванов, обычный парень из обычной семьи, до того, как он в конце концов состоялся, добился больших успехов и стал писателем. <...> Конечно, у каждого человека в жизни своя дорога. Но долгий путь Всеволода Иванова в сказочную Индию вдохновляет других — учит мечтать и добиваться своей цели!»

Е. Н. Зубова, студентка 4 курса Омского государственного педагогического университета, г. Тара: «Даже объехав весь мир, побывав в Индии и Японии, о чем он так мечтал, живя в Павлодаре, Всеволод Иванов ни на минуту не забывал свою Родину, знакомые и любимые с детства места. <...> Писатель очень умело совмещает в своем

произведении реальность, автобиографичность и вымысел. Это его особенный, неповторимый стиль, который завораживает с самого начала прочтения. Что касается меня, то читать роман «Похождения факира» увлекательно и легко. Ты как бы погружаешься в этот мир вместе с автором произведения, в голове появляются картины всех событий, оживают персонажи, рисуется удивительный мир природы. Очень интересно писатель изображает поселки, города, в которых он побывал. После прочтения хочется незамедлительно сесть в поезд и объехать эти места, которые так вдохновили Всеволода Иванова на создание столь прекрасного произведения».

И. В. Мальцева, 27 лет, воспитатель, ясли-сад № 35, г. Павлодар: «В романе «Похождения факира» автор вспомнил юность, казахские степи, приуральские леса, сибирские городки, жизнь грубую, тяжелую, но в то же время отличающуюся сложностью и запутанностью драматических положений. В произведении писатель выделяет отдельную человеческую судьбу не в одном ракурсе, а именно в ее своеобразных отношениях со временем. Автор показал мир, в котором все запомнилось необычностью отдельных человеческих фигур, все явления и действия неповторимы, разнообразны».

Творческая судьба Всеволода Иванова сложилась не просто. Характеризуя разные периоды, напомним, что даже в наиболее благополучные из них далеко не все понимали и принимали его произведения. И тогда, когда молодой писатель только входил в большую русскую литературу, звучали не только восхищенные оценки «ярких, как сибирские цветы, рассказов» и их героев — «лохматых, травоподобных, земляных людей»⁴. Буквально через несколько лет после того, как критика восторженно приветствовала «нового Горького», заговорили о

«черном периоде» творчества Иванова. Жесткой критике подверглась его книга «Тайное тайных»: «Вереница черных, висельных рассказов, в которых писатель восстал против революции»; «мания и бред», «провозглашение власти слепых страстей» — и т. д. и т. п.⁵ Тогда же бдительные советские критики начали пересматривать все написанное Ивановым ранее, в том числе и «партизанские повести», приходя к сокрушительным выводам: «...Революция у Иванова неразумна, революционерами владеет стихия, революционеры — чаще всего полуфанатики, полуавантюристы или двуногие хозяйственные звери, крепкие мужики»⁶. Мало кому, наверное, известна статья в «Литературной энциклопедии» 1930 г.: «Образ асоциального, поработленного примитивными инстинктами человека стремительно заполняет все творчество Иванова, упрощаясь и обезличиваясь до пределов голой схемы. <...> Мотивы и образы сливаются почти целиком, исчерпываясь в огромном большинстве случаев бунтом и неизменной победой биологии, “подсознательного”, над нормами социального общежития, над директивами общественного сознания. <...> Творчество позднейшего Иванова чуждо социалистической революции»⁷. В это время «чуждость социалистической революции» была почти приговором. Начиная с книги «Тайное тайных», которая в первоначальном своем виде не переиздавалась до 2012 г., росло количество произведений писателя, которые при его жизни не печатались, среди них романы «Кремль»,

⁵ См.: Гроссман-Роцин И. Наш путь // На литературном посту. 1927. № 20. С. 25—26; Гельфанд М. От «Партизан» к «Особняку»: К характеристике одной писательской эволюции // Революция и культура. 1928. № 22. С. 70—77; Эльсберг Ж. Настроения современной интеллигенции в отражении художественной литературы // На литературном посту. 1929. № 3. С. 38—39; Рыжиков К. Оптимизм и пессимизм Всеволода Иванова (Опыт социологического объяснения) // Там же. 1929. № 14. С. 49—60.

⁶ Горбачев Г. Современная русская литература. Л., 1928. С. 225.

⁷ Литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1930. С. 402—403.

⁴ Львов-Рогачевский В. Новый Горький. С. 159.

«У», «Эдесская святыня», а также пьесы, повести, рассказы.

Однако и в периоды непонимания и неприятия, отречения от дорогих для него идей и книг (было и такое в 1930-е годы), отсутствия связи с читателями, в конце жизни оказавшись практически на обочине «столбовой дороги советской литературы», Всеволод Иванов сохранял любовь к родной земле, Сибири, в которой сложился его замечательный талант. Сейчас, когда раскрыты архивы, стала доступна периодика 1910-х гг. и по-новому прочитаны не только страницы истории России начала века, но и неизвестные страницы сибирской биографии писателя, становится понятным, что феномен ивановской творческой личности образовался благодаря целому комплексу факторов. Сыграли свою роль и особый склад характера Иванова, и своеобразие его биографии, и, конечно, самобытная атмосфера, исторически сложившаяся в Сибири в первой трети XX в. и повлиявшая на формирование его таланта.

Всеволод Вячеславович Иванов родился в 1895 г. в селе Лебяжьем Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. Сейчас это село, с названием Акку, находится в Казахстане. А тогда стояло в России, на Горькой линии — так назывался район казачьих поселков и станиц, основанных в XVIII в. вдоль Иртыша, который отделял русских от местного населения, главным образом киргизов (в то время так именовали казахов). Связь происхождения родителей Иванова с казаками и казахами не очень ясна, сам писатель в своих многочисленных автобиографиях писал об этом по-разному. Например, в автобиографии, опубликованной в 1922 г.: «Отец — Вячеслав Алексеевич — был из приисковых рабочих, самоучкой сдал на учителя сельской школы. <...> Мать, Ирина Семеновна, казачка, и сейчас живет в поселке, через дядю пишет — неграмотна...»⁸ Однако

Вяч. Вс. Иванов, сын писателя, пишет, что Ирина Семеновна «была дочерью местной жительницы из казахской семьи польского каторжанина»⁹. В автобиографии 1927 г. Иванов казаком называет отца: «Родился <...> в поселке сибирских казаков... <...> Отец — казак, сельский учитель»¹⁰. Реально, вероятнее всего, родители имели родственные связи с казахами и казаками. В письме Федину Иванов рассказывал: «...Меня тянет к историческому роману о своих родственниках — сибирских казаках»¹¹ (6 мая 1942 г.). Вячеслав Алексеевич Иванов учительствовал в селе, часть жителей которого была мусульманами, «подружился с муллами настолько, что те обучили его арабскому языку, а потом и персидскому. Он сдал соответствующие экзамены в московском Лазаревском институте и получил право носить его форму»¹² — так писал Вяч. Вс. Иванов, видимо, передавая рассказ своего отца. После обучения в сельской школе в Лебяжьем и церковно-приходской школе села Волчиха на Алтае, где одним из учителей был его отец, молодой Иванов едет в Павлодар, где живет в семье дяди, Василия Ефимовича Петрова. В 1908—1909 гг. обучается в низшем сельскохозяйственном училище, затем работает в типографии наборщиком. Из Павлодара юноша отправляется в странствия по Сибири с цирком Коромыслова: зазывает зрителей, сочиняет антрэ — короткие сценки для клоунов, показывает фокусы, прокалывает себя булавками и подвешивает на них гирьки и т. п. Читает и изучает книги о магии, гипнозе и факирах. В результате чтения этих книг, а может быть, влекомый исконно свойственным русскому человеку стремлением к «духовному граду», семнадцатилетний Иванов принимает решение идти в Ин-

⁸ Литературные записки. 1922. № 3. С. 26.

⁹ Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 716.

¹⁰ Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 28—29. С. 7.

¹¹ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 707.

¹² Там же. С. 716.

дию, которая представляется ему страной высших проявлений человеческого духа и свободы. В своих воспоминаниях и романах Иванов расскажет о профессиях, которые он сменил, странствуя в поисках Индии: был матросом, сортировщиком на изумрудных коях, землекопом на железной дороге, продавал купоны и выигранные билеты и т. п. Наиболее постоянной и пригодившейся впоследствии оказалась профессия наборщика. Поход в Индию станет одним из ключевых, символических событий жизни писателя, о котором он будет по-разному вспоминать в разных своих произведениях. В «Истории моих книг» Иванов напишет, что не добрался до Индии из-за отсутствия заграничного паспорта. Отчаявшись увидеть Индию, юноша возвращается в 1915 г. в Курган, и с этого года начинается его литературная биография.

Стихи, рассказы, сказки, очерки молодого Иванова в 1915—1919 гг. печатают сибирские газеты: «Народная газета» и «Земля и труд» (Курган), «Прииртышье» и «Степная речь» (Петропавловск), «Заря» и «Дело Сибири» (Омск). Война и реалии трудной жизни народа найдут отражение в ранней прозе писателя. В рассказе «В зареве пожара» он опишет солдатку Марью, напрасно ждущую с фронта мужа и отца своих ребят. В рассказе «Вертельщик Семен» — горестную судьбу крестьянина из затерянной под Омском деревушки, которого погубила непривычная для него служба в типографии. Появятся в рассказах Иванова и реальные биографические детали: жизнь сибирских сел и деревень («Алешка», «Анделушкино счастье», «Купоросный Федот», «Джут»); странствия с бродячими актерами и цирком («Шантрапа», «Гривенник», «Алхимед»). Однако большую часть этих ранних произведений составляют сказки и «легенды об ушедшей Сибири», о которых земляк Иванова, поэт Г. Ф. Дружинин, вспоминал: «Они были удивительны по своему содержа-

нию, эти его первые рассказы-миниатюры, скорее — сказки-причуды, плод его необузданного воображения. Фантаст, он быстро набрасывал их на бумагу, торопил свою сильную руку, сам улыбаясь их яркой, слепящей ткани. Все в них было молодо, свежо, феерично!»¹³ Казалось бы, к фееричности в реальной жизни ничего не располагало. Продолжается Первая мировая война. Начинается революция, и вслед за ней — политические потрясения. В Омске, куда осенью 1917 г. приезжает Иванов, происходит стремительная смена властей, ни одна из которых, как каждый раз становится очевидно, не является подлинно народной. Сам Иванов, по воспоминаниям того же Дружинина, живет «в какой-то заброшенной халупе над самым крутояром мутной Омки... <...> Не жилье у него было, а чулан. <...> Одет плохо. Бог знает, на что он в то время жил и как питался»¹⁴. А героями его легенд становятся старый шаман Апо, «рассказывающий грустные сказания»¹⁵ («Рао»), русалка Ойляйли, полюбившая молодого певца («Сны осени»), покоритель Сибири Ермак («Сон Ермака»), Ней — дух тайги, ведьма Кучича («Мысли как цветы (Сибирские сказки)») и другие столь же причудливые персонажи. Все они рождены фольклором сибирских народов, на основе которого молодой писатель сочинял собственные «легенды об ушедшей Сибири». И эта «ушедшая» или «умершая Сибирь» (такие подзаголовки давал Иванов своим легендам), полная тайн и загадок, судя по всему, очень привлекала начинающего автора. Так, рассказ «Рао», впервые опубликованный с подзаголовком «Из сибирских легенд», построен как повествование шамана Апо о «старых годах — когда Сибирь была могущественным царством народа,

¹³ Дружинин Г. Его молодость. Из воспоминаний о Всеволоде Иванове // Простор. 1963. № 11. С. 147. Цит. по: Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. М., 2018. С. 404.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 30.

который теперь вымер и не оставил по себе следов. Находят порой у Иртыша скульптурные произведения — богов... Искусные руки ваяли эти статуи и — говорят старожилы — что вымывает Иртыш их из засыпанных песком развалин городов “чуди” — неведомого народа»¹⁶. Интерес к этой полулегендарной, полуфантастической стороне прошлого Сибири, который в петроградские годы найдет отражение в повести «Возвращение Будды», отчасти был рожден самим складом личности Иванова, мечтателя и фантазера, отчасти питался общей атмосферой сибирской жизни рубежа XIX—XX вв., общественно-политическими и историко-культурными идеями и движениями, главнейшим из которых было областничество.

В течение долгого времени тема сибирского областничества была практически закрыта. Умалчивание историков понятно. С 1920-х гг. и на протяжении многих лет лидер областничества Григорий Потанин и его единомышленники, не признавшие ни в 1917 г., ни позднее власти большевиков, участвовавшие в 1918 г. в создании Временного Сибирского правительства, по многим вопросам поддерживавшие правительство А. В. Колчака¹⁷, назывались представителями мелкобуржуазной контрреволюции, «социал-предателями» и «прихлебателями черного адмирала»¹⁸. Естественно, что слово «областничество» в книгах об Иванове не появлялось никогда, хотя в рассказах самого писателя «Происшествие на реке Тун», «Смерть Сапеги» не раз упоминается, без отрицательной оценки, бело-зеленое сибирское знамя, поднятое впервые в Томске в мае 1917 г., — символ областной Сибири.

¹⁶ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 31.

¹⁷ См.: Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 62—330.

¹⁸ См.: Круссер Г. Сибирские областники. Новосибирск, 1931. С. 32. Цит по: Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т. Г. Черняева (При участии В. К. Корниенко и К. В. Анисимова). Барнаул, 2008. С. 136.

Не так давно, уже в XXI в., в Санкт-Петербурге, где областничество сформировалось в 1860-е гг. в среде историков Н. И. Костомарова, А. П. Шапова, К. Н. Бестужева-Рюмина, П. В. Павлова и студентов, впоследствии выдающихся ученых и общественных деятелей — Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и других, а также в крупных городах Сибири: Томске, Омске, Красноярске, Барнауле — опубликованы исследования и проведены научные конференции и чтения, направленные на изучение программы областников и их роли в политической борьбе в Сибири в 1917—1919 гг.¹⁹ В 2000-е гг. изучение областничества как малоизвестного движения в среде провинциальной интеллигенции России введено в программы философских факультетов Санкт-Петербургского и Алтайского университетов. К 125-летию первого университета Сибири, создание которого входило в число важнейших задач Потанина и Ядринцева, был приурочен выход первого сборника статей «Сибирский текст в русской культуре» (Томск, 2002). Работы литературоведов, историков и лингвистов, составившие сборник, посвящены «в первую очередь — самосознанию Сибири не только как провинции, но и как особого региона планеты»²⁰.

В первом «толстом» журнале Сибири областного направления — «Сибирских записках», который выходил в Красноярске с 1916 по 1919 г. и на один из номеров которого Иванов даже написал рецензию, — начинающий писатель

¹⁹ См., напр.: Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004; Емельянова Т. К. Областничество Н. М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004; Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества [сборник статей] / под ред. А. В. Малинова. СПб., 2010; Первые Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева (1842—1894). Омск, 2012.

²⁰ Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири / под ред. А. П. Казаркина. СПб., 2002. С. 2.

мог познакомиться не только со статьями, посвященными общественным нуждам, экономическому и культурному развитию Сибири, но и с публикациями по ее истории, этнографии, фольклору.

Интерес к областникам у Иванова сохранится на всю жизнь, о чем свидетельствуют дневниковые записи и рукописи последних лет. В семейном архиве хранятся наброски к началу в 1958 г. новому роману, работая над которым писатель размышлял о «восточной гипотезе» Потанина — «миграции фольклорных и мифологических сюжетов с востока на запад»²¹, о свободе ученого и поэта: «Читал днем Потанина и думал над романом “Внутри шаманского круга”. <...> ...Шаман возникал постепенно, но одно дело в голове, другое — на бумаге. Да и нужен ли шаман? Хотя ужасно соблазнительно описать камланье. Я, кстати сказать, видел это в Омске... <...> И читал удивительно поэтичные шаманские заклинания — в поэзии, главное, свобода, а шаман ли не свободен?» (1, 3 и 5 января 1958 г.)²².

Тогда, в начале своего пути, в первой книге «Зеленое пламя. Рассказы и сказки. 1916—1917», Иванов областнические идеи представлял по-своему — не как общественный деятель или философ, а как поэт, зачарованный музыкой народного слова, тайнами уходящей древней жизни. Многие в задачах, которые ставили перед собой областники, его очень привлекало. Помимо интереса к фольклору народов Сибири, это были просветительские идеи, создание региональной печати. В 1916—1918 г. Иванов активно участвует в выпуске газет и журналов, задумывает собственные проекты — от создания рубрики «По краю» в курганской газете и выпуска газеты «Цеха пролетарских писателей и художников Сибири» «Согры» до образования целого «кооперативного издательства писателей-рабочих».

Не остался Иванов в стороне и от идей Потанина и Ядринцева о создании в Сибири особой цивилизации, которые в 1910-е гг. активно обсуждались в журнале «Сибирские записки». Цитируя Ядринцева, сотрудник журнала писал: «“Чем явится, — говорил он в заключение статьи, — слитие нового мира Европы с древним миром Азии, какая новая цивилизация вытечет из обмена цивилизаций столь разнообразных и какое оригинальное здание водрузится под влиянием объединения народов, когда-то разлученных в среде мира, — вот вопросы, достойные остановить внимание философа-историка”. <...> И сибирскому патриоту рисовалась головокружительная мечта, что Сибирь может сделаться ареной взаимодействия двух цивилизаций...»²³ Однако в своей книге «Зеленое пламя» Иванов, размышляя о культурах Востока и Запада, во многом спорит с областниками. Старый шаман Турк из рассказа «На горе Ыйк» передает русским путникам горестную историю исчезновения культуры своего народа: «Сглодало железо ваших ружей нашу свободу, а духи скрылись... <...> И грудь гор Абакана прорежут огненные телеги, да... <...> Приходили тут ваши люди да со значками, разорвали землю и кровь выпили». Ружья, топоры, огненные телеги (железные дороги), деньги, новые боги и водка — гибельные приметы нового времени, приведшие к тому, что дух «ушел от Белого хребта гор Абакана, ушел от отдыха в тени березы с червонными листьями». Реакция слушателей различна. «Чудной народ... заблудились они на этом свете», — смеется более здравомыслящий из них, Буран, а повествователь, знающий «двенадцать языков» и умеющий объясниться с шаманом, молчит, «и только жутко, и кажется, что вместе с шаманом плачет древняя тайга... но слезами ли растопить камни»²⁴.

²¹ Иванов В. Дневники. М., 2001. С. 399.

²² Там же. С. 399—400.

²³ Ландарма. По поводу писем Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 72—73.

²⁴ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 52.

Здесь, как и в других ивановских легендах, в образе повествователя легко угадывается автор. Областники считали иначе. Например, Потанин, который, как и его единомышленники, представлял будущую Сибирь «видным мировым рынком», подобным Америке²⁵, называл идеи «о нивелирующем влиянии цивилизации, особенно железных дорог, стирающих влияние культурных и национальных особенностей», неверными и утверждал, что «цивилизация дает выход наружу скрытым богатствам народного духа»²⁶. Для молодого Иванова гораздо важнее оказывается другая идея — идея сохранения родной земли. «...Первый раз в жизни мне захотелось поцеловать родную землю»²⁷, — скажет герой рассказа «Над Ледовитым океаном» (1917). А в рассказе «Сон Ермака» хан Темирбей попытается предостеречь Ермака от неверного пути к «гордому человеку», режущему землю «невидимыми железными чудовищами»: «Вы растерзаете свою родину и нас затемните, и погибнет народ сибирский, не сделав великое. Нужно нежно отнестись к земле, ибо это мать ваша; но вы не сыны ее... вы — люди-волки, люди — пасынки земли... Захватят землю вашу, отнятую от нас, чужеземцы, и вы будете рабами, как мы сейчас»²⁸.

В 1921 г., когда молодой писатель приезжает в пореволюционный Петроград, становится в литературной группе «Серрапионовы братья» братом Алеутом и разгуливает по улицам в огромной шубе из шкуры белого медведя, споры о будущем его родной страны, о роли в его становлении Востока и Запада не утихают. Теперь речь идет о той новой культуре и цивилизации, которая должна сложиться в России после 1917 г. «Серрапионовы братья» «западной» (Л. Лунц, В. Ка-

²⁵ Адрианов А. В. К биографии Г. Н. Потанина // Сборник к 80-летию Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. 3—4.

²⁶ Там же. С. 57.

²⁷ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 50.

²⁸ Там же. С. 44.

верин, М. Слонимский) и «восточной» (Вс. Иванов, К. Федин, М. Зоценко) групп дискутируют о том, по какому пути пойдет молодая советская литература. Политики — о том, по какому пути пойдет вся страна. И в этих спорах ключевыми понятиями, как и у областников, становятся «Запад» и «Восток», «Европа» и «Азия», только значение им придается более широкое. Пятого октября 1922 г. в газете «Правда» в статье о «мужиковствующих» писателях Л. Троцкий напишет: «Революция означает окончательный разрыв народа с азиатщиной... со Святой Русью... <...> ...Приобщение всего народа к цивилизации»²⁹. Говоря о «гигантской всемирно-исторической задаче», стоявшей перед трудовым народом Советской России, глава Советского государства В. И. Ленин в 1923 г. в одной из последних своих работ указывал на необходимость «достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» и избавиться от той «полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор»³⁰. Понятно, что «Азия» в данном случае — не только географическая Азия, это традиционный уклад русской народной жизни в целом.

О Востоке и Западе, Азии и Европе размышляют не только новые идеологи страны, но и их противники. Молодой Иванов знаком с ними. Прежде всего, назовем группу «Скифы» — литературное объединение, которое возглавил Р. Иванов-Разумник и в которое входили известные Иванову еще в Сибири поэты С. Есенин и Н. Клюев. Первый сборник «Скифов» вышел в 1917 г. Своеобразным манифестом скифства стало одноименное стихотворение любимого Ивановым А. Блока.

В 1921 г. в Софии выходит книга, с которой начинается история евразий-

²⁹ Правда. 1922. 5 окт. С. 3.

³⁰ Ленин В. И. Странички из дневника // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1978. Т. 45. С. 364, 367.

ства, — «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», включающая статьи П. Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. Трубецкого и Г. Флоровского. Возможно, и она не прошла мимо пытливого ума молодого сибиряка, жадно скупавшего и читавшего в Петрограде издания по интересующей его тематике. В предисловии к изданию авторы утверждали: «Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем. <...> Ныне “история толкается именно в наши ворота”. Толкается... для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия также раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего. <...> Мы не сомневаемся, что смена западноевропейскому миру придет с Востока»³¹.

Следующий виток обсуждения проблемы пути новой России приходится на начало 1922 г. Весной в центральной печати Советской России разворачивается бурное обсуждение книги русских философов «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Ф. Степун, С. Франк, Н. Бердяев, Я. Букшпан, рассматривая «центральную мысль книги Шпенглера» о цивилизации и культуре: «культура религиозна, а цивилизация — безрелигиозна», «культура национальна, а цивилизация — интернациональна», «цивилизация есть мировой город», писали: «Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между культурой и цивилизацией»³². Книгу Шпенглера, вышедшую в 1917 г., русские религиозные философы комментируют в 1921-м, оценивая происходящее в пореволюционной России: «Цивилизация через империализм и через социализм должна разлиться по поверхности всей земли», которой угрожает, по Бердяеву, «цивилизованное

варварство среди машин, а не среди лесов и полей»³³. Уповать можно лишь на появление в России «нового типа культуры»³⁴.

Мысли философов в 1922 г. были прочитаны как контрреволюционные, а философская дискуссия переведена в плоскость политики: 30 августа «Правда» сообщила об арестах антисоветской интеллигенции и о грядущей высылке, в конце сентября ушел «философский пароход». Не эти ли аресты упоминает в своей повести «Возвращение Будды» Вс. Иванов?

В конце 1922 — начале 1923 г. в диалог с евразийцами, русскими религиозными философами и новой властью включаются писатели. Свое слово скажут о проблеме А. Платонов в статье «Симфония сознания» (1922), А. Толстой в повести «Рукопись, найденная под кроватью» (1923) и другие. Тему своего сборника «Львиный хлеб» Клюев определит так: «Львиный хлеб это в конце концов — судьба Запада и Востока. <...> ...Обретение родиной-Русью своей изначальной родины — Востока...»³⁵. Одна из важнейших антитез книги — «смертоносный железный край», «угольный ад» Вашингтона и Чикаго — и Китеж-град, «дебри пшеничные», «словесное жито», «избяная сказка».

Для Иванова эти споры не были в новинку. В Петрограде писатель, наряду с известными произведениями о Гражданской войне и партизанах, продолжает свои размышления о Востоке и Западе в повести «Возвращение Будды» применительно уже не только к Сибири, но и к России в целом. О гибели Европы и основах грядущего спасения размышляет главный герой — профессор Сафонов: «Темные полчища, одетые в кожу и меха, несутся на остатках поездов вдоль и поперек России. Жгут, томят мором и режут. Будут так же носиться они по

³¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. IV.

³² Освальд Шпенглер и «Закат Европы». М., 1922. С. 64—65.

³³ Там же. С. 69—70.

³⁴ Там же.

³⁵ Клюев Н. Словесное древо. Проза. СПб., 2003. С. 53.

опустошенной Европе и тухлой кониной по пайкам кормить лордов Англии и миллиардеров Америки...»³⁶ На неизбежно возникающие вопросы: «Будет же что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре? Неужели же кровь и смерть? Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут расстреливать, грабить коммунистов!.. Коммунисты будут вставать и расстреливать генералов...»³⁷ — ответ профессору, да и автору, хотелось бы видеть на Востоке. И в ивановской повести Восток противостоит Западу как культурный мир, приблизившийся к некоей философской истине: «Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен, и недаром символ его — лотосоподобный Будда»³⁸. На возможный исход к Востоку указывают и изящно подобранные к главам повести эпиграфы из Конфуция и древних китайских поэтов. Во время своего реального путешествия в поезде, идущем на Восток — из Петрограда в Монголию, — профессор Сафонов, устремленный, несмотря на голод и страдания, к идеалу, проходит и духовный путь. Заглавие повести, эпиграф к последней главе ее и слова профессора: «Я пока не знаю, куда... но хотя бы провезти Будду через водопад... мор и голод...»³⁹ — символически, видимо, означают, что вера и высокая духовность когда-нибудь, после долгого пути, возвратятся к людям. Хотя в самой повести самоотверженный путь становится для Сафонова дорогой смерти: лживый монгол Дава-Доржчи практически навязывает ему поездку в Монголию, а в Сибири, за Семипалатинском, прельстившись золотом, которое, возможно, хранится внутри статуи Будды, его убивают как раз представители древней культуры Востока.

³⁶ Иванов Вс. Возвращение Будды. М., 1924. С. 35—36.

³⁷ Там же. С. 36.

³⁸ Там же. С. 57—58.

³⁹ Там же. С. 37.

Характерно, что повесть «Возвращение Будды», автор которой ищет спасения в так и не преодоленной «азиатчине», советские критики признали «слабейшей и бесцветнейшей из всех работ» Иванова, перепевающей «шпенглеровский мотивчик о крушении цивилизации и банкротстве Запада»⁴⁰.

Боль о разладе в родной земле, о разрушении ее традиционных ценностей на новом этапе творчества Иванова отражена в рассказах книги «Тайное тайных». Действие всех ее рассказов происходит в Сибири, но, как и в «Возвращении Будды», проблемы, вставшие перед героями, отнюдь не проблемы только региональные. Суть изменения и писательской манеры Иванова, и его понимания мира очень точно подметил критик русского зарубежья Марк Слоним. Характеризуя произведения Иванова начала 1920-х гг., он отмечал, что «свежие сибирские мотивы его творчества» явились «новизной для русской литературы»: писатель «изображал с особенной любовью мужиков и поселенцев северного края, Алтайских гор и сибирских степных равнин, людей, отличающихся физической силой и душевной простотой, и окружающую их природу — суровую и вольную, с необозримыми пространствами и с небом “густым и теплым, как волчий мех”». Прошло несколько лет, «окончился размахистый и самоуверенный период военного коммунизма», и «все действующие лица его новых творений оказались отравленными тоской и раздумием. Иванова стали интересовать не победители с крепкими мускулами и безошибочными рефлексамми, а мечтатели, раздавленные историей, или же люди действия, усомнившиеся в необходимости и смысле своих усилий. В рассказах сборника “Тайное тайных” и многих других мелких и крупных вещах, появившихся между 1926 и 1932 г., явственно звучала тревога и ощущение “страшного мира”».

⁴⁰ Браун Я. У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 174—175.

Точно тень упала на творчество Иванова, и он заговорил о том, что жизнь, за которую шли умирать и убивать его могучие партизаны, не заслуживает ни восторгов, ни подвигов»⁴¹.

Созданию трагической книги «висьельных» рассказов предшествовал ряд обстоятельств в биографии Иванова и в истории страны.

Осенью 1923 г. Вс. Иванов, уже очень известный и на родине, и за ее пределами писатель, переезжает из Петрограда в Москву. Сближается с Борисом Пильняком, Леонидом Леоновым, больше всего — с Сергеем Есениным. Готов принимать участие в издательских проектах крестьянского поэта: журнале «Вольнодумец» и литературном альманахе «Поляне». Живет весело, шумно, денежно. Но уже в конце 1924 г., в письме постоянному корреспонденту А. М. Горькому, появляются новые тревожные ноты: «Живут людишки скудно, тесно и грязно. Я к человеческому горю привык, но такое ненужное горе даже и меня пугает»⁴² (А. М. Горькому из Москвы 4 дек. 1924). О жизни своей родины Иванов узнает из писем оставшейся в Лебяжьем матери. В бесхитростных строках, написанных ее братом (Ирина Семеновна была неграмотной), предстают страшные подробности жизни сибирской деревни 1925 г.: «Сообщаю, что я и мое семейство здорово, а о житье своем и не буду писать, а одно лишь скажу, что пролетариату ни коня и ни возу. Что делать и как жить, дай совет. <...> У нас житье хорошее лишь тем людям, которые имели состояние при Николае, а пролетария погибает, а почему, потому что это Гр<ажданская> война убила до конца пролетариат, а у богатого все же таки осталось, и в настоящее время, как уладилась жизнь, они в пять раз стали богаче, а мы беднее, решившись (так в тексте. — Е. П.) последней

клячи, ни запрячь и не выехать, а пеший не посеешь и не заработаешь»⁴³. Тогда, видимо, и возникает замысел нового романа о Сибири, которым Иванов делится с Горьким: «Тема там, приблизительно, такова: казачья станица, разваленная войной, революцией — начинает подниматься, появляется то, что у нас сейчас в моде — “кулаки” (тоже беднота, так ведь, слово одно); в семьях — от нервности, от неудовлетворения жизнью, и оттого, что жизнь-то обещана, да и надеялись — хорошая, а она отвратительна — в семьях развал, самый пустяковый блуд — этакие, черт знает какие девки появились с алиментами, со стриженными волосами. <...> Мне хочется показать мужицкую тоску по семье, по дому, по спокойному хозяйству, а на казаках мне это легче всего выявить, потому что они наиболее всех пострадали от войны и революции»⁴⁴ (письмо от 20 декабря 1925 г.).

Роман не был закончен, но многие его темы и образы вошли в создававшиеся в это же время рассказы, которые и составили книгу «Тайное тайных». Кажется, в масштабе всей России сбылось то пророчество, о котором поведал молодой Иванов в рассказе «Сон Ермака»: «новый путь, по которому пошел народ сибирский», привел к рождению «нового человека, которого еще не видел мир». Во сне гордый человек, покоровивший землю и резавший ее «невидимыми железными чудовищами», погибает. И, как тот мальчик в финале рассказа, посланный Ермаком к людям, чтобы «поведать им о красоте родины их», сам Иванов блуждает в пути и «бродит по тайге, наполненной таинственным сном»⁴⁵.

Напомним современному читателю некоторые реалии жизни Советской России 1920-х гг., нашедшие отражение в «Тайное тайных». Освобождение от «азиатчины» шло полным ходом.

⁴¹ Слоним М. Портреты советских писателей. Paris, 1933. С. 63, 72.

⁴² Иванов Вс. Тайное тайных. М., 2012. С. 320.

⁴³ Хранится в семейном архиве.

⁴⁴ Иванов Вс. Тайное тайных. С. 327—328.

⁴⁵ Неизвестный Всеволод Иванов. С. 45.

В 1918 г. принят новый закон о браке и семье: «Еще в дыму революционных боев мы издали новые декреты о разводе, о браке, освобождающие супругов от невыносимых уз старого церковного брака»⁴⁶. Отсюда — «стриженные девки с алиментами» из письма Горькому, появляющиеся и в повести «Бегствующий остров» в пореволюционном Тобольске. Столь же радикальному пересмотру подверглось отношение к земле, к хозяйству. Одна из основных духовных опор человека, испокон веку сохранявшаяся в русском крестьянстве, — любовь к земле как источнику жизни — объявлялась вредным мелкобуржуазным чувством собственника. Яркий пример тому — судьба героя рассказа Иванова «Поле», красноармейца Милехина, осужденного губвоен трибуналом за самовольное возвращение в родную деревню. Едва ли не главной идеологической задачей времени оставалась борьба с Церковью. В ход были брошены все средства — от репрессий по отношению к священнослужителям до научной пропаганды безбожия. В 1920-е гг. огромными тиражами выходят массовые журналы «Безбожник», «Безбожник у станка», «Атеист», «Воинствующий безбожник» и др. «Богослужения — инструмент массового убийства», «Микроб сифилиса — свидетель против Адама», «Из церкви — клуб» — заглавия статей «Безбожника» говорят сами за себя. Русские религиозные праздники заменялись советскими, вводилась новая обрядность: «красные Пасхи», «красные крестины» (октябрины), «красное Рождество» и «красные похороны». Именно почетных «красных похорон» на площади, где грузовики мимо ездят, побаивается герой повести «Бегствующий остров» комиссар Василий Запус.

Ответом было усиление бандитизма, эпидемия сифилиса, охватившая большую часть Центральной России, пьян-

ство и драки. И все же живая душа народа не умирала, «тайное тайных» ее сохранялось, несмотря на давление времени. Это, думается, и стремился передать писатель, выбирая заглавие книги, которое представляет собой грамматически измененное название книги «Тайная тайных», известной в Древней Руси с конца XV — начала XVI в. Как бы ни трактовали «Тайное тайных» защитники и обвинители Иванова, они не могли не признать, что в эпоху социальной борьбы и утверждения классовых ценностей писатель заговорил о тайнах человеческой души. И это тогда, когда в моде была, скорее, «атака на душу» (формулировка известного психолога 1920-х гг. А. Залкинда). В 1926 г. журнал «Безбожник» утверждал: «Как принять понятие о бессмертной душе — частице духа божьего, если мы знаем, что наши проявления неразрывно связаны с веществом мозга и самую душу можно расписать по клеточкам, как географическую карту»⁴⁷. Образ души, расписанной как географическая карта, стал своего рода проектом нового человека. Менее всего это применимо к главным персонажам книги Вс. Иванова. Вспомним беспросветную жизнь уже в советской деревне крестьянина Богдана из рассказа Иванова «Польня»: драки, пьянство, тоска, мысли о смерти. В ту ночь, когда он едва не погибает во время снежной бури, ему как спасительное начало является селезень: «И огромная злость потрясла Богдана, он сунул руку за пазуху к ножу, но тут грудь его наполнилась каким-то кипящим теплом, тепло хлынуло по рукам. <...> Небывалая доброта овладела всем Богданом. <...> Так человек и птица просидели всю ночь у польни».

В 1930-е гг., после возвращения из-за границы А. М. Горького, жизнь Иванова меняется. Он принимает участие в горьковских проектах «История гражданской войны», «История фабрик и заводов»,

⁴⁶ Вольфсон Ф. И. К дискуссии о проекте семейного кодекса // Красная новь. 1926. № 1. С. 178—179.

⁴⁷ Безбожник. 1926. № 16. С. 5.

«Люди пятилетки». Участвует в Первом съезде советских писателей. После смерти Горького в 1936 г. постепенно отходит от общественной жизни. В 1943 и 1945 гг. в качестве военного корреспондента находится на фронтах Великой Отечественной войны. В пятидесятые годы много путешествует: совершает поездки во Францию, Германию, Польшу, Болгарию. Как и мечтал, добирается до Индии. За это время он практически не возвращается в Сибирь, хотя образ родины не уходит из творчества писателя, воскресая в автобиографических романах «Похождения факира» и «Мы идем в Индию».

Советская критика не приняла романа «Похождения факира». Девятнадцатого декабря 1935 г. в газете «Правда» была напечатана статья А. Гурштейна «В поисках Индии», где заявлялось: «Художественный замысел “Похождения факира”, вся композиция произведения построены по канонам формализма, с его сугубой “литературщиной” и условностью»⁴⁸. Вновь, спустя почти 10 лет после книги «Тайное тайных», в оценках произведения Иванова звучали слова: «власть инстинктов», «замаскированные элементы “Тайного тайных”», «переоценка роли бессознательного», «искаженная картина дореволюционной России», «пессимистическое равнодушие»⁴⁹.

Роман этот часто сравнивали с трилогией М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», где речь также шла о духовном становлении молодого человека начала XX в. Однако самому Горькому, восторженно приветствовавшему первую часть романа, не понравилась вторая часть. «Он ждал от меня того реализма, — вспоминал впоследствии Иванов, — которым был сам наполнен до последнего волоска. Но мой “реализм” был совсем другой, и это его, — не то, чтобы злило, —

а приводило в недоумение, и он всячески направлял меня в русло своего реализма. Я понимал, что в нем, этом русле, мне удобнее и тише плыть, я и пытался даже, но, к сожалению, мой корабль был или слишком грузен, или слишком мелок, короче говоря, я до сих пор все еще другой, и дай бог остаться этим другим, — противоречивым, шальным, тщеславным, скромным...» (запись от 29 марта 1943 г.)⁵⁰. Различия между двумя «реализмами» сформулировала сибирский исследователь творчества писателя Л. П. Якимова: «Строгому реализму горьковской трилогии, с неукоснительно последовательным обличением “свинцовых мерзостей русской жизни” в книге Иванова противостоит бурный поток бытия, где есть место чуду, волшебству, эксцентризму, игре, театру, цирку, где жизнь предстает скорее как “человеческая комедия”, чем как устойчиво воздвигнутый подмосток классовой борьбы...»⁵¹ Недавно роман «Похождения факира» понравился современным читателям, чьи отзывы цитировались в начале нашей статьи.

Эта же черта присуща последнему сибирскому произведению Иванова — очеркам «Хмель, или навстречу осенним птицам», где реальность начала шестидесятых годов показана в восприятии «восторженного поэта Сибири». «Еще недавно он совершил путешествие по любимой своей Сибири, по легендарным ее рекам, среди былинных ее людей — путешествие на плоту, которое в пору было бы двадцатилетнему смельчаку и выдумщику, — вспоминал в своей прощальной статье памяти Иванова его старый друг, писатель К. Федин. — И он написал об испытанном счастье своем прекрасную поэму в прозе, заново оживив в ней молодые свои цветные ветра, певучие камни, сладостные ароматы земли и воспев

⁵⁰ Иванов В. Дневники. С. 301.

⁵¹ Якимова Л. П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20—30-х годов XX века. Новосибирск, 2019. С. 18.

⁴⁸ Правда. 1934. 19 дек. С. 4.

⁴⁹ Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 58—61.

новых людей новой Сибири, отцами которых были его партизаны»⁵².

«Хмель» написан по впечатлениям от поездок Иванова разных лет в родные края. С конца 1950-х гг. такие поездки он старался совершать регулярно, каждое лето, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья. Спутниками его были или сыновья — Вячеслав и Михаил, или друзья — сибирские писатели. Самым близким стал Василий Григорьевич Никонов — прозаик, поэт-песенник и переводчик с бурятского, монгольского, вьетнамского и якутского языков. По воспоминаниям Т. В. Ивановой, к его литературной судьбе Иванов проявлял живейший интерес и участие, охотно читал его произведения с карандашом в руках, писал отзывы о них, содействовал их появлению в печати⁵³. Свое последнее путешествие по Сибири (Чита — Красный Чикой — Шерловая гора — Балей — Ачинск — Чита) Иванов совершил летом 1962 г.

Вспоминая о последних годах жизни друга, близкий Иванову еще с петроградских лет писатель Виктор Шкловский писал, и в его речи слышны отголоски рассказов самого Иванова:

«Изменилось время.

Всеволод поехал в дальние места, на границу Китая, на реку, где нет не только деревень, но и домов и юрт, нет почтовых отделений. Река течет через Монголию и с разгону вбегает в Сибирь. Река течет, расширяется. Всеволод, человек между шестидесятью и семьдесятю годами, на надувной лодке проехал по этой реке восемьсот километров.

Пустота, пустые берега, знакомое небо, горы, которые небу не мешают. Пустыня поворачивается перед лодкой, по-

казывая себя по-разному. Рядом идет другая лодка. Разлив большой, большая вода, быстрая вода, большая жизнь.

Об этих поездках не все успел написать Всеволод. Но есть его рассказ «Хмель», и видно, что Всеволод не состарился, не изменился, не озлобился. <...> Он писал о косматых кострах Сибири, о хмеле, о горах, о ветрах, о новых посадках, о рудах и камнях.

Всеволод очень любил камни, разные камни, цветные, не драгоценные. Он любил камни в их рождении. Из поездки (я даже не знаю как, потому что поездка была лодочно-самолетная) он привез камни, глыбы, большие плиты, поросшие цветными кристаллами, косыми, сверкающими, дымчатыми или прозрачными.

Это были россыпи солнца.

Таким собранием самородков был сам Всеволод Иванов.

Он рассказывал мне о сибирских реках, о драгах, которые моют золото со дна реки, медленно поднимаясь по притокам. Про женщину с наганом на боку. Немолодая женщина сидит в каюте, а на полу каюты в цинковом ведре лежит еще не промытое до конца, еще темно-желтое золото; тяжелое золото.

Неисчерпаемая, широкая, богатая, не узнанная до конца страна была увидена заново немолодым и неуставшим Всеволодом Ивановым. Пыльная трава растет среди кристаллов на горах.

Он привез к себе на дачу эти кристаллы, показал мне тяжелые камни, рассказал о них, рассказал о будущих книгах»⁵⁴.

Хочется верить, что эти «будущие книги» Иванова еще напечатают в Сибири, что восторженное слово поэта о своей родине будет жить долго.

⁵² Федин К. А. Всеволод // Всеволод Иванов — писатель и человек. Воспоминания современников. М., 1975. С. 7.

⁵³ Иванов Вс. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М., 1978. С. 766.

⁵⁴ Всеволод Иванов — писатель и человек. С. 21—22, 24—25.

Тамара БУСАРГИНА

НЕИСТОВЫЙ ОГОНЬ СЛОВА

Размышление о протопопе Аввакуме

В ноябре 2020 г. исполняется 400 лет со дня рождения великого русского писателя протопопа Аввакума. С его именем связаны трагические события на Руси: пришедшие с Запада, по мнению Аввакума, «затеи и заводы пустошного века сего» поманили власти светские и духовные, в результате чего русское общество и церковь в середине XVII в. разделились надвое.

Публицист и философ Василий Розанов когда-то написал о расколе: «Если на всемирном суде русские будут когда-нибудь спрошены: “Во что же вы верили, от чего вы никогда не отреклись, чему всем пожертвовали?” — быть может, очень смутясь, попробовав указать на реформу Петра, на “просвещение”, то и другое еще, они найдутся в конце концов вынужденными указать на раскол: “Вот некоторая часть нас верила, не предала, пожертвовала”...»

Да что там русские? «Старообрядчество — пробный камень русского патриотизма», — написал совсем недавно французский славист Жорж Нива.

Великий страстотерпец протопоп Аввакум — один из «древлеправославных», служащих примером того, как надо стоять за свою веру, за традиции, предками завещанные. Но при этом Аввакум — особенный, потому что неистовость и страстность, с которыми он защищал русский мир, сделали его великим писателем.

К сожалению, многие до сих пор к имени, деяниям и всемирной славе протопопа Аввакума относятся, мягко говоря, с

предубеждением, и было даже опасение, что юбилей спустят, как говорится, на тормозах. Но, слава богу, президент России при личной встрече с главой Русской православной старообрядческой церкви митрополитом Корнилием обещал отметить этот юбилей на государственном уровне. Да и то сказать — а что делить-то? О чем шла пряха в середине XVII века?

Мария Аввакумова, выдающийся современный русский поэт и прямой потомок великого протопопа, в статье «Мы все из Аввакумова костра» (статья посвящена роману Глеба Пакулова «Гарь») писала: «Стойкие оловянные солдатики старой веры... Зачем и куда затребовалась ваша упругая светоносная энергия? Какие сгустки космической жизни насыщены ею? Не вем. Не вем...» Оно и правда... А подумать стоит: еще «не вем» или уже «не вем»?

* * *

Давайте оставим этот «спор славян между собою», перечтем великое «Житие» протопопа Аввакума, и все — староверы и новоязычники, верующие и неверующие, светская власть и духовная — не только утвердимся в необходимости уврачевания давней раны раскола, тяготящей русское общество, но и порадуемся тому, что великие нестроения порождают иногда великих писателей.

Со временем протопоп Аввакум Петров предстает перед нами не только великим гражданином, сгинувшим в огне за свою правду: современные литераторы,

как и их предшественники, все чаще и чаще черпают вдохновение в огненной небесной стихии Аввакумова вещего слова. Сейчас мы понимаем, насколько был прав великий провидец-протопоп, когда взывал к церковным и светским властям: не забывайте свое первородство, не соблазняйтесь переменами по заемным сатанинским лекалам! Да что теперь о том?

Теперь можно только предполагать, как развивалась бы русская словесность в XVIII в. и даже в пушкинские времена, если бы «Житие» протопопа Аввакума не замалчивалось церковью и властями — ведь оно, получив широкую известность лишь во второй половине XIX в., сразу же стало предметом удивления и восхищения читающей публики: как удалось писателю бесстрашно соединить в своем творчестве образную мощь лексики библейских пророков и писателей христианского Востока с традицией русской учительной и полемической литературы (того же Ивана Грозного и Иосифа Волоцкого) да все это перемешать с говором московского посада?

Язык «Жития» — смелое преобразование и свободный синтез многих тенденций, о чем писал и сам протопоп Аввакум: «У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла Апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадских людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому Бога моего».

Давайте послушаем и еще насладимся словом самого Аввакума: «Поехали из Даур, стало пищи скудять. И з братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, болшова зверя, — тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет. Рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли... Надавали пищи сколь-

ко нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли... <...>

Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя, и парус скропав, чрез море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: не больно о том месте широко: или со сто, или с осмдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, — дватцеть тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши; врата и столпы, ограда каменная и двory, — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок, болши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дворах — травы красныя и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет.

А все то у Христа тово, света, надевано для человеков, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пухырь; гневается, яко рысь... лукавует, яко бес... и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тму...»

Высоко ценили творчество Аввакума русские писатели. Иван Тургенев, живя и вне России, не расставался с «Житием», любил повторять: «Вот книга! Каждому писателю надо ее изучать...», а для Льва Толстого «Житие» было предметом домашнего чтения, и, как вспоминали члены семьи, читая его, он часто плакал.

Алексей Толстой не скрывал, что при написании своего «Петра Первого» невольно вспоминал Аввакума, его язык — живой и полнокровный, Леонид Леонов

признавался, что эпический темперамент и язык «Жития» имели на его творчество большое влияние, Николай Клюев, «псалмопевец-баян», одноземелец Аввакума, ставил его «огненное имя» после первого божественного небесного поэта Давида-царя, считал его первым поэтом на земле, «глубиной глубже Данте и высотой выше Мильтона»...

А вот мнение известного прозаика Валентина Пикуля: «Каждый писатель хоть раз в жизни должен прикоснуться к этому чудовищному вулкану — этому русскому Везувию, извергавшему в народ раскаленную лаву афоризмов и гипербол, образов и метафор, таланта и самобытности».

Протопоп Аввакум — родоначальник русского беспощадного реализма и нашей замечательной публицистики — от Александра Герцена до Валентина Распутина, который много писал о староверах вообще и о сибирских староверах в частности, сделав такой вывод: «Мы должны быть благодарны старообрядчеству за то в первую очередь, что на добрых три столетия оно продлило Русь в ее обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба может быть не меньше, чем защита отечества на поле брани».

Федор Достоевский и Николай Лесков считали, что аввакумовское «Житие» непереводимо на другие языки, но сейчас оно переведено на французский, английский, немецкий, итальянский, шведский, венгерский, японский, китайский и многие другие — его ценят и тщательно изучают в европейских институтах на кафедрах славистики.

Французский славист Пьер Паскаль (1890—1983) в своем фундаментальном труде «Протопоп Аввакум. Начало раскола» высоко оценил Аввакума не только как великого писателя: «В нем, в этом гениальном человеке, обитала удивительная духовная свобода, питаемая глубокой верой в Провидение и постоянным погружением в сверхчувственный мир».

Из многочисленных памятников древнерусской литературы лишь два —

«Слово о полку Игореве» и «Житие» протопопа Аввакума — считаются памятниками всемирного культурного наследия.

* * *

«Станем zde и рассудим о себе», — советовал Аввакум старцам в одном из своих писем...

А мы рассудим вот о чем — в Сибири должен быть если не памятник (а почему бы и нет?), то хотя бы улица или культурный центр имени великого русского писателя протопопа Аввакума. Это дело совести и долга: он был первым писателем, посетившим наши края аж в середине XVII в. (в лето 1657 года, следуя в Дауры, проезжал казачье становище, а на обратном пути из ссылки в лето 1662 года, судя по последним изысканиям историков, вполне мог видеть и Иркутский острог), он первым описал грозный нрав Байкала («на Байкаловом море паки тонул»), оценил его диковинную красоту, заметил необычайные очертания байкальских береговых вершин, так удивлявшие ученых, разгадавших впоследствии секрет их причудливости, — тупые и широкие гребни Приморского хребта художественный взгляд Аввакума превратил в столпы, и «полатки», и даже «повалуши», т. е. в центральную, предназначенную для пиров, возвышенную часть богатых боярских хором, а так называемые байкальские вулканические цирки показались писателю «дворами с оградами каменными».

Идея увековечения памяти протопопа Аввакума давно бродит в среде творческой интеллигенции Сибири. И я знаю — если не сегодня, то завтра она объединит всех, кому дорога наша история и культура, наша русская речь.

А пока — просто помянем Аввакума Петрова, волшебника великого русского слова, великого стоятеля за русский мир, за древнюю, как он считал — народную веру, а заодно помянем и всех первопродцев Сибири, ведь первые-то были — староверами...

Дискуссия

Алексей ШЕПЕЛЁВ

МАНИФЕСТ СТЕРЕОКРИТИКИ

В последнее время в нашей критике разгораются нешуточные страсти-споры, и даже до вечно занятого своими текстами прозаика долетают кое-какие искры-осколки этих внутрилитературных битв...

Критиком я себя не считаю, для меня это ремесло гораздо ниже прозы, и именно ремесло. Однако важность критики, естественно, не отрицаю, и сам за почти четверть века мытарств литературной «карьеры» написал развернутых рецензий (а в последнее время еще заодно и публицистики), наверное, на увесистый том. Издать сборник, правда, никогда не пытался, но, может быть, в этом и был бы смысл...

Сугубой профпроблематикой нынешних «баттлов» я, честно говоря, мало интересуюсь, но дело в том, что неволью меня угораздило годами разрабатывать некий особый вид литкритики. Я бы назвал ее «стереокритикой», или «критикой с двусторонним движением». Пусть это звучит как изобретательство новейшего двухколесного транспорта — я это и воспринимаю со всей самоиронией (не исключаяющей, однако, и серьёза) как некий манифест: когда в пустыне говорят в

рупор — выкрикивают отрывисто, просто и образно, рубят плеча!

* * *

Те немногие, кто уже прочитал этот мой короткий текст-манифест (и, в принципе, готов его основные постулаты разделить), в один голос советуют добавить конкретики — имена, фамилии, явки, контекст дискуссий... Но я этого делать не стану принципиально, чтобы не появился повод завести речь о «мести критикам» и т. д.

Поговорим лучше сразу со всей широтой замаха и попыткой глубинного видения назревших сегодняшних проблем о *месте* критики и критика — да-да! — «в рабочем строю».

Обычно в нынешней литературной критике происходит следующее: автор статьи как бы ассоциируется и кооперируется с читателем, апеллируя к некоему «здравому смыслу», *по умолчанию* ведомому (с указания, реже — подсказки или намека критика) лишь им двоим, а писатель, автор разбираемого произведения (все так же «по умолчанию»), выносится за скобки. Автор обзора или

рецензии напоминает трехлетнего ребенка, которого поставили на стульчик, чтобы рассказать стишок, — в этой ситуации и верхоглядство (со стула), и даже снобизм неожиданно-ожидаемо оказываются уместны и оправданны. Уорхоловские пятнадцать минут, пятнадцать секунд славы — что-то продекларировать, продекларировать, пролопотать, — но мои! Мол, много вас вокруг, писателей, — вот я сейчас вам всем раздам на орехи и пряники! И сделаю это примерно как сеятель: кому «на орехи», кого «под орех» — не обессудьте...

А писатель в свою очередь в каждом интервью измудряется подчеркнуть, что на критику особого внимания не обращает (мол, много вас, критиков, а я — один!), ничего путного от нее не ожидает, а то и вообще демонстративно не читает, хотя, как показывает практика, газетные вырезки и виртуальные упоминания собирает тщательно, даже самые двухсловные!

Легко такое заявить, когда ты — Пелевин, Сэлинджер или Кастанеда: вроде как скрываешься от славы, а о тебе и так все пишут, специально повода ищут.

В общем, эта парочка, писатель и критик, ведут себя как поссорившиеся И. И. с И. Н. — как бы не замечающие друг друга соседи, соратники одного цеха, живущие в разных мирах. А читатель тут, получается, вообще сбоку припека — «лох» и профан, которому на стульчик вовек не забраться, разве что лишь чисто виртуально примкнуть к здравомыслию критика (рецензента, блогера).

При этом особых доказательств такого «здравомыслия» нет: статьи и особенно рецензии становятся все более короткими, и нынешний критик (как профессиональный, так и подражающий ему «сам себе блогер» или там колумнист), взяв на вооружение методики карикатурной

детсадовской воспитательницы или школьной учительницы, занимается аналитикой примерно в таком духе: «Вот, посмотрите, ребята!..», «Садись, Петя, два. А тебе, Маша — опять пять!», «А тебя, Саша, вообще нет — как ты ни пыжься!»

Что касается уже собственно «критики по существу», то тут нашего современного Белинского (совсем не неистового — ровно наоборот!) и тем паче ни к стенке не прижмешь, ни к одной логарифмической линейке не притянешь!

В последние лет десять-пятнадцать кругом только и слышишь: «мне как-то не зашло», «я так вижу», «как-то так». И слова сии, если разобраться, вовсе не из ряда оборотов выражения субъективной оценки вроде «на мой взгляд», «я считаю», «на мой вкус», «я убежден» и т. д. Слова эти, пришедшие из обихода ничемнейших из обывателей, используются нынешними «профессионалами», дабы оборвать любую дискуссию. А после них не будет моветоном и вообще *как бы* — еще одно слово-паразит и явный символ! — обидеться на оппонента (чаще всего — автора), который «вдруг почему-то» вздумал, много о себе вообразив, рот разинуть.

То есть человек (в данном случае — профессиональный критик, нередко даже — редактор, издатель, многолетний фигурант литпроцесса, хотя вполне может быть и молодым) сам расписывается в своей малопонятной, загадочной пассивности, в том, что его воли и разума как будто бы и нет: если оно (it? Id!) «зашло», *то зашло или не зашло*, что ж тут поделаешь, тут непреодолимая объективная сила, слепая шопенгауэровско-фрейдистская стихия.

Если же такому критику выдвинуть конкретный аргумент, что тут и вот тут он неправ в оценке, в передаче фактов, — любой из этих доводов легко отфутболивается магическим «я так увидел!» Вроде

бы уж в этой-то фразе явно наличествует ядро «я», компонент личного начала, осознанности и активности... Но, если присмотреться, эти три слова в одной упряжке, по сути, есть не что иное, как то же перефразированное «зашло / не зашло».

А уж невинное, якобы (!) ничего не значащее «как-то так» — и повсеместно даже уже «кактотак»! — вообще универсальный штампель на любую непродуманность, недочитанность, несправедливость и нелепость.

Но такое положение вещей отнюдь не фатально. Тут, надо думать, дело выбора, конвенции. Тут как глобальное потепление — вопрос не исчезнет сам собой, что-то делать все равно надо, и уже давно...

Поэтому критика, я убежден, нужна конструктивная, органическая (вспомнить органическую критику «мысли сердечной» — а не головной — Ап. Григорьева!), критика не только writer friendly, но и вообще «чтобы и автору (писателю) была польза от прочтения». Чтобы писатель мог и захотел вступить в диалог (а не фыркнуть: «ответ на критику — это моветон», «критика критики — нет такого жанра»), пусть, допустим, и непубличный и совсем не длинный, но возможный!

Это и есть «стерео» или — «двустороннее движение».

А дальше еще — и, конечно, больше — читатель. Это уже по счету «триа», трио... — но ведь без читателя и так ни публикующий свой опус писатель, ни тем более критик своего движения не начинают, а читатель как будто бы стоит на месте — посматривает, выбирает... Чтобы и ему была польза (да-да, вы не ослышались!) — чтобы и сюжет был изложен корректно (то есть правильно, без столь распространенных отсебятины и передергиваний), пусть кратко или раскрыт не

полностью, но, повторяю, ничего не написано бесплатным бонусом «от себя». Это уже полдела, «полцарства»!

Ну и, пардон за прописные истины, хочется видеть не только разбросанные горстями имена и «параллели» — хочется, чтобы весь этот «бисер» хоть как-то (разумно, а как еще?) был аргументирован, чтобы присутствовал пусть беглый для актуальной рецензии, но емкий анализ — уж еще раз простите! — в контексте русской классики и всем известных методов лучшего отечественного литературоведения...

Наивный мой призыв — я понимаю, конечно, — в чем-то сродни идеям Толстого... Отлично все мы понимаем, что в самой глубинной сути художественной литературы лежит некий, как в квантовой физике, принцип неопределенности; но тем не менее принцип всеобщего релятивизма, «теория относительности» всего и вся в критике неприемлемы. Как же вернуть литкритике ее утерянные и далее у нас на глазах, на экранах наших гаджетов, теряемые изначальные функции, вернуть ее саму, без кажущегося пафоса, к исконной сущности (эпохи модернизма)? Ведь в этих уже не литературно-постмодернистских, а засоряюще-одебиливающих «тиктоком» просочившихся в самую нашу жизнь, в само восприятие и мышление, «кактотаках» теряется и двоякая (на мой взгляд) суть самой словесности: «сновидения без сна» (И. Ф. Анненский), но не бездумного, не пассивного — «сказка ложь... но в ней урок».

Вы можете сказать, что это все человек пишет, который сам, наверно, от такой несправедливой критики пострадал, да как пить дать принял слишком близко к сердцу, а надо быть более толстокожим, а лучше и вообще буддистом... «Слюною бешеной собаки», как там у Пушкина, разбавляют по сей день зоилы «опиум

чернил» — а ты, говорят, тьфу на них, терпи*.

Это да. Но это и есть тот самый описанный в начале пресловутой порочный круг, который мне хотелось бы — во многом, кажется, и удалось — в своих (иной раз вижу «зерна» и не в своих!) статьях и рецензиях разорвать.

Надо, необходимо что-то менять. Без всяких смайликов, лайков, «тиктоков» и завершающих чуть не каждый абзац «кактокаков»! Умывающий руки релятивизм-фатализм литкритики «не канает», не прокатит.

¡No pasará! Не обижайтесь. Присоединяйтесь!

---

* Лучшую критику, по-моему, пишут сейчас писатели. Конечно, нельзя все обобщить, но тенденция есть. Особенно сильно это заметно не на письме даже, а на всяких семинарах, мастер-классах и форумах. Прозаики себе подобных видят издали, сразу все схватывают, принимают — то есть в итоге понимают, настроены конструктивно. А как дойдет дело до «чистых критиков», сотрудников журналов...

А на письме... Если уж умолчать о том, *что* пишут и *как* пишут, то хоть бы (о чем уж была речь) не путали... Ставший весьма известным в литкругах «Читатель Толстов», например, успешно эксплуатирует безотказный метод чтения первых двадцати страниц романа — а что там разбираться, и по двум десяткам страниц все ясно! И ведь «прав упрямый Галилей» (провинциальный газетчик): такая его метода действительно безотказна — чуть не для любого незамысловатого нынешнего произведения!

Можно также обратить внимание на известного критика Владислава Коркунова. Или на не менее известную Елену Сафронову, автора рецензии «“К чему снились яблоки Марине”. Есть в мужском обиходе тост со сказочным сюжетом (о пертурбациях лягушки в красну девицу) и “с перчиком”: “За жен, которые верят в сказки!”» Или вот также небезызвестная Алиса Ганиева из творческого объединения «Попуга»...

Вы скажете: но критика ведь зовут Владимир Коркунов! Объединение критикесс именуется «Попуган», а название статьи что-то явно длинновато! Кто ж спорит...

Пришлось вот для наглядности просто подставить зеркало и отразить написанное их пером — пером профессионалов. Не больше и не меньше, просто отразить, без переходов на личности, придинок к словам и ерничества, как часто принято у многих критиков. (Эх, о «Попугане»-то столько малоприличных вариаций на язык просится!)

А дело подчас всего в одной какой-то пропущенной буквке: с десятков раз писала Алиса название нашего объединения или рок-группы «Общество Зрелища» — и всегда как «Общество Зрелищ», «единый аз» из окончания сокращая (по-видимому, книгу Ги Дебора ей в руках держать не приходилось?).

Подумаешь там, перепутать имя или к названию романа прицепить еще пару строк... Все это мелочи, конечно, ошибки и описки, наверно, и мелочно к этому цепляться; но гораздо страшнее, на мой взгляд, когда вырабатывается *другая мелочность*, — а не произвольная писательская привычка въедаться в каждую букву, в каждую запятую.

Может быть — заметим в скобках, — это и есть тот самый профессионализм писателя? О котором твердят сегодняшние издатели и редакторы — в каждом письме-ответе и в один голос на семинарах для молодежи. Да и сами маститые писатели! Все говорят и пишут: «*Вы профессиональны*». Что, понятно, значит: «Поздравляем, но не радуйтесь». Никто не говорит: «вы талантливы», «вы гениальны» или даже — «ваша книга талантлива», «умна», «сногшибательна», «выдающееся произведение» и т. д.

Этого давно нет и в критике, нет самих слов! В литературоведении можно, а в критике — настоящей, не на «Проза.ру», конечно — тпру! — дикий моветон. Да на фига, извините, мне, козе, баян — «профессиональны!» — нам капусту подавай, да посочней-позеленей! Мы что, стекольщики, часовщики, обслуга-журналоги, криэйторы-очковтиратели иль ювелиры? Талантливы мы и гениальны, и пишем 12-м кеглем умно, а 14-м — сногшибательно!

Рецепт хайповой критики, понятно, прост. Заработать репутацию литкритику проще всего всех охаивая — это еще Эдгар По доказал. Масштаб и опыт тут — по comments.

Или вот есть, к примеру, Александр Кузьменков. Ко *всеобщему* огорчению, был... — все так и сожалеют, даже авторы. Или теперь он, как феникс, возрождается? «И ведь со многим можно согласиться!»

Конечно, можно! Даже я почти со всем согласен и по прошествии лет перечитываю разделяющие «под орешник» рецензии с некоей ностальгией. Кузьменкову, слов нет, неплохо, конечно, все это удавалось — «изобличительная критика», «анатомирование», «инсинуации», — талант все же! Да и мишени он выбирал в основном правильные. «#Трэш наш» — я бы назвал!

Но вообще, «нервные клетки, как известно, не восстанавливаются» — по крайней мере, сожранные столь внезапно на литературной почве. И сам этот метод «черной метки», снобизм этот, разгром, переходы на личность, литкиллерство — еще раз повторяю, — как и откровенный, купленный пиар автора (как будто зеркальное отражение этого нередкого явления), — не дело, товарищи, не наш путь!

...Вот, кто хотел, нашел и прочел и скрытые слова, и смыслы даже в примечаниях.

ИЗДАНО В ТЮМЕНИ

Петрушин А. Дивизии Тюмени, Югры и Ямала на фронтах Великой Отечественной войны. 1941—1945. — Тюмень, Издательство Тюменского государственного университета, 2020. — 188 с.

Книга известного тюменского историка и краеведа А. Петрушина — рассказ о трагической и героической судьбе воинских соединений, сформированных в годы войны на территории современной Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (до 14 августа 1944 г. входили в состав Омской области). В Тюмени в 1941 г. была сформирована 368-я стрелковая дивизия, которая воевала на Карельском фронте, дошла до Норвегии и закончила войну как 368-я Краснознаменная Печенегская. Из Ишима ушла на Северо-Западный фронт и практически полностью погибла 384-я стрелковая дивизия. 175-я стрелковая дивизия воевала на Юго-Западном фронте и погибла в окружении под Харьковом. 229-я стрелковая дивизия сражалась на Сталинградском фронте и погибла в ожесточенных боях на Дону. Кроме того, в Тюменской области были сформированы два отдельных истребительно-противотанковых дивизиона и несколько саперных, санитарных и тыловых подразделений. Из сформированных на территории области пяти стрелковых

дивизий с фронта вернулись только две. В основу книги легли документальные материалы.

Отцы и дети Великой Победы: хрестоматия произведений писателей Тюменского края / сост. С. А. Комаров. — Тюмень, ТООО «Общество русской культуры», 2020. — 560 с.

Несколько книг из нашей подборки изданы к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Эта — одна из них. В издании представлены стихи и проза профессиональных и непрофессиональных литераторов, чьи судьбы связаны с Тюменским краем. Различные аспекты войны, единство фронта и тыла запечатлены мастерами слова в рассказах и романах, в элегиях и посланиях, в балладах и сказах, в стихотворениях и поэмах. Авторы сборника — люди четырех поколений: призванные на службу в армию; те, чье детство пришлось на войну; два послевоенных поколения. Тексты расположены по хронологии рождения авторов, а внутри годов рождения — по алфавиту. Среди тех, чьи произведения вошли в сборник, — представители юга Тюменской области и северных округов, такие известные в регионе поэты и писатели, как Константин Лагунов, Леонид Лапцуй, Зот Тоболкин, Анатолий Васильев, Роман Ругин, Николай Денисов, Еремей Айпин и многие другие.

Вычугжанин А. Л. Образ Святого Георгия Победоносца в филокартии. — Тюмень, «Титул», 2020. — 228 с.

Образ святого Георгия Победоносца с давних пор является одним из главных символов России. Почитание святого нашло отражение в устном народном творчестве и литературе, изобразительном искусстве (живописи, графике, скульптуре), храмовом строительстве, геральдике, фалеристике, нумизматике, топонимике. В данном издании впервые рассматривается вопрос об изображении святого Георгия Победоносца на почтовых открытках. Представленные в книге открытки содержат изображения храмов, памятников, картин. Всего в книге представлено более 200 открыток, в основном из уникальной коллекции автора — доктора исторических наук Александра Леонидовича Вычугжанина. Помимо открыток, автор собрал в книге интересные исторические факты и цитаты о святом.

Боярский Л. Эпоха фотокоров. 1918—1953. — Тюмень, АНО «Живой город», 2019. — 192 с.

Книга историка и краеведа Льва Боярского — вторая в серии об истории фотододела в Тюмени. Первая — «Пионеры тюменской фотографии. 1866—1917» — вышла в 2016 г. и стала лауреатом премии «Книга года» в Тюменской области в номинации «Лучшая краеведческая книга». По словам автора, современный читатель лучше воспринимает историю XX в. визуально — по старым фотоснимкам, иллюстрированным открыткам, документальным кинофильмам. Краевед не ставил своей задачей показать историю Тюмени в фотографиях или воссоз-

дать фотообраз города первой половины прошлого века. Главное — судьбы людей с фотоаппаратами, которые зафиксировали для нас этот образ. Но, рассказывая о фотографах, нельзя обойтись и без их работ, поэтому в книге содержится множество снимков старой Тюмени и ее жителей из фондов тюменского Музейного комплекса им. И. Я. Слоцова и личных коллекций тюменских краеведов.

Маркова А. Томка / худож Н. Таберт. — Тюмень, «Титул», 2020. — 44 с.

Детская литература в нашем обзоре представлена книжкой члена Союза писателей России Антонины Марковой «Томка». Это рассказ о маленькой девочке, детство которой совпало с событиями Великой Отечественной войны. Восьмилетняя Томка живет в тылу, далеко от боевых действий. Но и ей приходится справляться с трудностями военного времени, с голодом и холодом, помогать взрослым. «Я не считаю себя детским писателем. И опубликованный рассказ — мой первый опыт в этом жанре. Эта книга — дань памяти всем детям войны и, в частности, моей маме — Тамаре Николаевне Бирюковой. Она пережила военное лихолетье в небольшом сибирском городке, неохотно вспоминала то время, всегда повторяя одну фразу: “Помню только страшное чувство голода!” Но по крупичкам, по небольшим фрагментам редких маминых рассказов сложилась картинка, которую я попробовала описать», — поясняет Антонина Юрьевна. Иллюстратором книги выступила тюменская художница Наталья Таберт. Ее рисунки одновременно воссоздают и яркий мир детства, и страшные реалии военной поры.

Елена Суцая,

*заведующая Литературно-краеведческим центром
МАУК ЦГБС г. Тюмени*

Елена БОГДАНОВА

МИРНАЯ ЖИЗНЬ НА «КРАСНОМ ПРОСПЕКТЕ»

В Новосибирске прошли выставки в рамках проекта «Красный проспект. #Победа!». Первое «посткарантинное» мероприятие в художественной сфере города привлекло внушительный поток зрителей.

Учрежденная Новосибирским региональным отделением Союза художников России в 2011 г. художественная выставка «Красный проспект» — это межрегиональный выставочный и искусствоведческий проект современного культурного пространства РФ. Он проводится раз в три года при поддержке министерства культуры Новосибирской области. В 2020 г. «Красный проспект» проходит в рамках реализации национального проекта «Культура» и посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. «Красный проспект» стал знаковым событием — первым публичным мероприятием в сфере живописи после смягчения вызванных пандемией ограничений. Открывая 17 сентября выставку, губернатор Новосибирской области Андрей Травников отметил, что «Красный проспект» возвращает горожан к полноценной художественной жизни.

«Сотни авторов из разных регионов России прислали свои работы, — рассказал председатель Новосибирского регионального отделения Союза художников России Вадим Иванкин. — Концептуально мы разделили их на четыре выставочных пространства, однако они объединены общей идеей — 75 лет мирной жизни. Нам вновь предстоит пройти по

Красному проспекту, посмотреть на мир глазами художника и осознать ценность простых вещей, высоких мыслей, искренних чувств и настоящего искусства».

В 2020 г. «Красный проспект» должен был стать международным проектом, но коронавирус внес в эти планы свои коррективы. По словам В. Иванкина, в 2017 г. проект был более масштабным и более продуманным, нынешняя выставка стала во многом импровизационной: она готовилась меньше двух месяцев. Однако у нее было преимущество — более качественный отбор работ. «В этот раз он проходил без присутствия авторов-претендентов, — пояснил В. Иванкин. — На комиссию не могли влиять жалобные взгляды сотоварищей-художников. “Отборщики” работали спокойно, свободно и честно. Допускаю, что такой способ можно использовать и в дальнейшем — в решениях меньше ангажированности и “политических” мотивов».

Экспозиции выставки разместились на четырех арт-площадках Новосибирска — в Союзе художников России, арт-центре «Красный», ЦК19 и Новосибирском художественном музее. Все они расположены вдоль Красного проспекта — главной улицы Новосибирска. Экспозиции выставки включали более 450 живописных и графических работ, скульптур и произведений декоративно-прикладного искусства. Они объединили современных профессиональных художников Кемеровской, Магаданской, Новосибирской, Омской, Томской областей, Алтайского, Красноярского, Примор-

ского, Хабаровского краев, Башкирии, Бурятии, Республики Саха, Хакасии, а также города Москвы.

Большая часть работ экспонировалась на центральной площадке проекта «Красный проспект» — в Новосибирском художественном музее. Здесь были представлены работы художников из пятнадцати регионов страны, причем самыми активными участниками стали красноярцы. Работ из Красноярска было больше всего и на выставке «Красный проспект. #Эволюция» в арт-центре «Красный», где экспонировались произведения стажеров творческих мастерских.

Церемонии открытия выставки в художественном музее и в Центре культуры ЦК19 (там экспонировались только новосибирские художники) вызвали большой интерес публики. Поскольку количество посетителей ограничивалось в силу требований эпидемиологической безопасности, то не успевшие попасть в зал в первых рядах даже пытались протестовать.

На открытии выставки в художественном музее были объявлены имена лауреатов премии выставки «Красный проспект». Ими стали Бальжинима Доржиев (Улан-Удэ), Владимир Хрустов (Хабаровск) и Николай Врясов (Красноярск). Доржиев — автор красочных работ, в которых отражена бурятская природа и мифология. Владимир Хрустов передал в дар музею свою картину «Короткое северное лето». А Николай Врясов пишет пейзажи — суровые, как сама Сибирь. Гран-при — премию в области изобразительных искусств имени Николая Грицюка — жюри присудило Вадиму Иванкину.

Пожалуй, самое пристальное внимание зрители проявляли к полотнам омича Сергея Сочивко «Война грибов» и «Война ягод», полным юмора и сочных летних красок. На одном из них ведется бой липутских войск за грибы, на втором — за ягоды. Однако в гротесковой театральности «Войны грибов» есть ощущение настоящей опасности — его создают самолеты-истребители, кружащие над землей.

Почти гипнотическое воздействие оказывает картина Александра Гаврилова (Новокузнецк) «Уставшая щука». Зубастая рыбина залегла на дно, и по утомленному взору ее ясно, как надоели ей шумные отдыхающие, что суетятся на берегу. Судя по реакции зрителей, это настроение близко многим жителям мегаполиса.

И все же большинство картин реалистичны. Таково, к примеру, полотно «Байкал. Поселок Никола, пост ДПС» иркутянина Владимира Осипова. Картина напоминает документальный кадр, фиксирующий рыбацкое поселение. Оно расположено на взгорье, и кажется, что домишки того и гляди съедут по склону на шоссе. Несмотря на мрачный колорит гор и неба, картина просто дышит жизнью.

По мнению куратора выставки, старшего научного сотрудника Новосибирского художественного музея Сергея Тиханова, одними из самых примечательных работ выставки стали картины магаданского художника Константина Кузьминых «Цветы», «Лестница в небо» и «У моря». «У “Лестницы в небо” в голове сама собой начинает звучать одноименная композиция Led Zepplin», — говорит собеседник.

Очень мощно на выставке звучали и сибирские этнические мотивы. На картине «Беркутчи» алтайского художника Николая Острицова — ловцы орлов, ожившая легенда. А название полотна Дюлустана Бойтунова кажется посетителям выставки непривычно длинным: «У хорошей лошади один хлест, у хорошего человека одно слово». Всадники и кони — излюбленная тема якутского живописца.

Помимо живописи, на выставке была представлена и современная скульптура, выполненная в самых разных материалах — металле, камне, кости, бивне мамонта.

«Выставка получилась живая, незакоптенная, — говорит Сергей Тиханов. — Нет ничего ультраавангардного — экспозиция ориентирована на разговор со зрителем, но виден поиск, а поиск всегда интересен. Такие выставки полезны и

художникам, которые преимущественно варятся в собственном соку, поскольку дают возможность увидеть творческий вектор коллег из других регионов».

На открытии выставки в ЦК19 новосибирский художник Виктор Бухаров заявил «Сибирским огням», что ему нравится только картина Юрия Третьякова «С наступающим!». Холст, действительно, поражает, и не только большим размером. На первый взгляд, картина реалистична. На ней предновогодний день, обряд украшения пышной елки, штрихи советского быта и предвкушение праздника. Но одна деталь из другого художественного мира — не замеченная людьми крыса, крадущаяся к елке, — опрокидывает благостную обыденность и приближает сюжет к страшноватой сказке.

Картины, посвященные окончанию войны, написаны в разных жанрах. Полотно Александра Романова «Сыны! Берегите Россию!» — традиционный реализм. На нас смотрит старый фронтовик, чей безмолвный наказ — в названии картины. А «Забывшие солдаты» Александра Беляева абстрактны, но их эмоциональный заряд, кажется, не меньше. Красные пятна на темном фоне — это те самые погибшие солдаты, вернее, их пламенеющие тени.

В рамках проекта работала и персональная выставка: экспозиция произведений художницы из Омска Анастасии Гуровой «Тбилисоба».

А 18 сентября в Новосибирском художественном музее прошел круглый стол «Искусство и территория», на котором искусствоведы, кураторы, художники из Москвы, Новосибирска, Барнаула, Красноярска, Салехарда и Алма-Аты обсудили влияние искусства на развитие территории и тот отпечаток, который территория накладывает на культурный контекст.

Искусствовед, начальник отдела музейно-выставочных проектов парка «Зарядье» Петр Баранов рассказал о тенденциях актуальных музейных проектов и их «культурном коде». «Мы научились

развешивать картины и готовить к ним этикетки, но не научились преподносить живопись», — убежден эксперт. По его мнению, очень важный выставочный фактор — это свет. Многое зависит от того, какая используется светотехника и как она освещает ту или иную картину. Второй по значимости фактор — этикетки. «Они должны быть большого размера, слова должны читаться! — говорит Баранов. — Важен и “поминальник”, в котором указывается, кто был спонсором выставки, кого нужно поблагодарить».

П. Баранов рассказал о современных способах освоения выставочных пространств в различных европейских и московских арт-центрах. В оформлении пространства активно используется графика, которая может подчеркивать красоту или экзотичность того или иного объекта. Иногда в дополнение к картинам в зале размещаются специально оформленные столы. «В наше время особое значение приобретает текст, — поясняет П. Баранов. — Для среднего зрителя важна определенная дополнительная информация, которая объясняет, почему именно этот художник и эта картина». Другой актуальный тренд — демонстрация живописи и дизайна одежды на одной площадке. К примеру, модельеры делают выставки костюмов, размещая на стенах полотна вдохновивших их художников. Упомянул эксперт и о важности навигации в выставочном зале. «В любом пространстве на входе должны пояснять, где и что находится, — говорит П. Баранов. — В любом европейском музее на входе есть информация: в каком зале — древнее искусство, в каком — классицизм».

Мнения участников дискуссии о внедрении современных выставочных технологий в регионах разделились. Одни художники говорили о том, что этому мешают условия создания выставок: региональные бюджеты несопоставимы со столичными. Другие убеждали, что подлинное желание модернизации преодолевает препятствия.

АВТОРЫ НОМЕРА

Балацкий Николай Николаевич родился в Новосибирске в 1954 г. Окончил Томский государственный университет. Старший научный сотрудник ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей, Музей природы». Автор двух справочников по гнездам птиц Сибири, более сотни научных и научно-популярных статей. Живет в Новосибирске.

Безрукова Елена Евгеньевна родилась в 1976 г. в Барнауле. Окончила юридический факультет Алтайского государственного университета и факультет психологии Томского государственного университета. Публиковалась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Сибирские огни» и др. Автор четырех поэтических книг. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Барнауле.

Богданова Елена Юрьевна родилась в 1979 г. в Бийске. Окончила юридический факультет Международного института экономики и права. Журналист, литератор. Стихи и рассказы публиковались в журнале «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Бусаргина Тамара Георгиевна родилась в Иркутске. Окончила Иркутский государственный университет и факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Кандидат искусствоведения. Автор более сорока работ по истории искусства Сибири, детскому художественному творчеству. Живет в Иркутске.

Донбай Сергей Лаврентьевич родился в 1942 г. Автор тринадцати книг стихотворений. Публиковался в литературных журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни» и др. Лауреат ряда литературных премий. Заслуженный работник культуры России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Короткова Наталья Сергеевна родилась в 1974 г. в Бердске Новосибирской области. Окончила факультет психологии Новосибирского гуманитарного института. Работала психологом в реабилитационных центрах для инвалидов. В настоящее время директор по персоналу торговой компании. Публиковалась в журналах «Дон», «Си-

бирские огни», «Молодая гвардия» и др. Живет в Бердске.

Новгородцева Любовь Николаевна родилась в 1984 г. в с. Евгашино Омской области. Окончила Омский библиотечный техникум. Работала библиотекарем, учителем английского языка в школе. Публиковалась в журналах «Литературный Омск», «Алтай» и др. Лауреат регионального литературного фестиваля «Макаровские чтения» (Большеречье, Омская область), сайта «Российский писатель» в номинации «Новое имя» за 2017 год. Автор сборника рассказов. Живет в Евгашине.

Павловская Анна Славимировна родилась в 1977 г. в Минске. Окончила Институт журналистики и литературного творчества. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия» и др., в ряде антологий, в том числе «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», «Русская поэзия. XXI век», «Лучшие стихи 2013 года». Автор книг «Павел и Анна», «Торна Сорренто», «Станция Марс». Лауреат ряда литературных премий. Живет в Домодедове.

Папкова Елена Алексеевна — старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: русская литература 1920-х гг. Автор более 40 печатных работ. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Сибирские огни» и др. Живет в Москве.

Чолокян Владимир Тигранович родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Живет в Пензе.

Шепелёв Алексей Александрович родился в 1978 г. в с. Сосновка Тамбовской области. Прозаик, поэт, журналист, рок-музыкант, радиоведущий, автор нескольких книг стихов и прозы. Кандидат филологических наук, член Союза писателей Москвы. Лауреат ряда литературных премий. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Урал» и др. Стихи переводились на немецкий и французский языки. Живет в Анапе.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 11.10.2020. Дата выхода № 11 за 2020 г. в свет 15.11.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.